

ОГОНЁК

№ 46 НОЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Комсомолки Зина Тимакова, Лида Фомичева и Римма Медведева, окончив в нынешнем году десятилетку, остались в родном колхозе и работают доярками на ферме (колхоз имени Жданова, Сергачского района, Горьковской области). Фото Н. Капелюша.

На первой странице обложки: Машинный зал Волжской ГЭС имени В. И. Ленина.

Фото С. Фридлянда.

На последней странице обложки: Механизированный сбор чайного листа в Лайтурском совхозе (Грузинская ССР).

Фото Л. Устинова и Д. Хренова.

Новыми славными трудовыми успехами встретили
советские люди 41-ю годовщину Великой
Октябрьской социалистической революции.

ХЛЕБНЫМ ГОД

У каждого года свои приметы, и, вспоминая год 1958-й, советский человек скажет:

— Это был хлебный год...

Да, хлебный! И, заметим, как хлебный — год выдающийся. Бывали и раньше в стране высокие урожаи, но не на всей территории. Бывало так: Кубань, Дон, Украина, Сибирь дают хлеб, а в Поволжье засуха. Или, наоборот, в Поволжье урожай, а на Украине вымерзли озимые, нет хлеба.

Нынче все основные хлебные районы с урожаем, и это вовсе не божий дар. Победила могучая техника, врученная страной в руки хлеборобов. Победил организаторский талант командиров нашего сельского хозяйства — бригадиров, председателей колхозов, директоров совхозов, партийных и советских работников. Победил труд — напряженный, неусыпный труд огромной армии механизаторов и полеводов.

Да, победил человек, и это подтверждается тысячами примеров из деревенской практики. Почему высок урожай в Казахстане? Только потому, что вовремя шли дожди? Нет, не только поэтому. Хлеборобы Казахстана в этом году на деле показали умение культурно вести зерновое хозяйство. Они сеяли сортовыми семенами с повышенной нормой высева. Восемьдесят процентов всех хлебов Казахстана нынче убрано прогрессивным, раздельным способом, и одно это сберегло от потерь по крайней мере сто миллионов пудов зерна!

Целина опять с хлебом! Весть эта разнеслась еще в начале лета и необыкновенно обрадовала советских людей. Вновь убедился народ, как мудро поступил Центральный Комитет, отшвырнув малOVERОВ и нытиков, которые пытались отговорить партию от похода на целину. Теперь всем ясно, что освоение целины укрепило материальную основу государства. Почти в десять раз больше, чем до освоения целины, дали нынче хлеба колхозы и совхозы Казахстана! Карагандинская область — еще вчера область потребляющая — сегодня своим хлебом может прокормить все население Казахской республики! Вот она чем стала, целина, распаханная советским человеком! И она же, вчерашняя целина, стала школой мужества для тысяч и тысяч парней и девушек.

На все щедра нынче осень в стороне деревенской. Орденосная Украина сверх плана засыпала в закрома государства сто миллионов пудов! Вслед за украинцами рапортовали труженики Казахстана: свыше девятиста пятидесяти миллионов пудов зерна продали они государству. Перевыполнила план заготовок хлеба Российская Федерация. Три республики — свыше трех миллиардов пудов хлеба! Так заканчивают советские люди свой хлебный год...

И страна и весь мир понимают глубочайший смысл небывалой победы на хлебном фронте. Она, эта победа, позволит нам создать обильные хлебные резервы, что гарантирует страну от возможных случайностей и неожиданностей. Она, эта победа, дает широчайший простор для всестороннего развития сельского хозяйства. Только на Украине нынче заложено вдвое больше кукурузного силоса, чем в минувшем году, — а это же прочнейшая база для животноводства.

Народ достойно венчает победителей хлебной битвы. Ордена Ленина засверкали на знаменах областей и краев страны. Множество новых имен героев хлебного фронта вписано в летопись трудовой славы нашей страны.

С полными закромами завершает народ сельскохозяйственный год, и, конечно же, это, как и победы нашей промышленности, вселяет твердую уверенность, что грандиозный план, который наметит XXI съезд партии на ближайшее семилетие, будет с честью выполнен нашим трудолюбивым, упорным, смелым народом!

На элеватор!

Фото Б. Мясникова.

Грузия, Рустави. Рабочие Закавказского металлургического завода имени И. В. Сталина встречают гостей. На автомашине (слева направо): В. Гомулка, В. П. Мжаванадзе, А. И. Кириченко.

ПОСЛАНЦЫ БРАТСКОГО НАРОДА

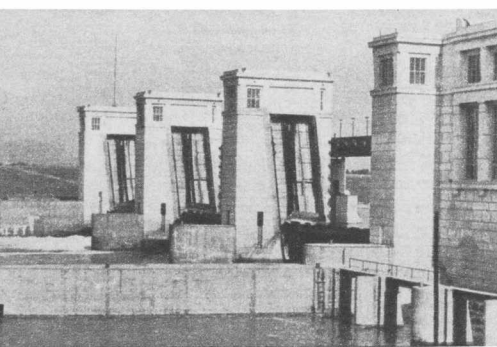
Находящаяся в СССР с визитом дружбы делегация Польской Народной Республики побывала в Грузии, на Украине, в Белоруссии, где посетила промышленные предприятия и колхозы, дружески беседовала с рабочими и колхозниками. Всюду советские люди с исключительной теплотой принимали посланцев братского польского народа.

Посещение делегацией Польской Народной Республики колхоза «Коммунист» в селе Никольская-Борщаговка, Киево-Святошинского района.

Фото В. Егорова. (ТАСС).

ТИСА НЕСЕТ ЗЕМЛЕ ЖИЗНЬ!

Плотина Тисалёка.

Фото Бела Дюлаваря.

Ференц БАКТАИ,
венгерский журналист

Много песен сложили венгры о своих реках, и большинство их посвящено Тисе. Ее тихие, чудесные сумерки и дикий рев ее потоков воспел Петефи.

Тиса будто с цепи сорвалась, всю плотину в щепки разнесла, разлилась, не ведая предела, проглотить весь мир она хотела...

Прежние необузданность и свирепость Тисы ушли в прошлое. Дальнейшему ее обузданию, приучению к полезному труду способствует Тисалёк...

В 1951—1952 годах я дважды побывал в этом краю. За рекой зеленоватом-синим конусом воздымалась к туманному небосклону Токайская гора. Но тогда здесь, на равнине Тисы, вгрызались в землю бульдозеры, скреперы, экскаваторы... Сегодня на этом месте реку пересекает железобетонный гигант. Конечно, размеры его нельзя сравнивать с гидротехническими сооружениями Днепра или Волги, но, меряя на наши масштабы, масштабы Тисы, это, безусловно, исполин. И мы с гордостью смотрим на шлюзовые ворота, на молодых рабочих, занятых профилактическим осмотром цепей, на изящные и в то же время монументальные строения, венчающие плотину.

На плотине мы встречаемся с главным механиком Йожефом Неметом. В детстве Йожеф Немет и думать не смел о том, что станет одним из руководителей на строящемся рядом с его селом сооружении, как не думали тогда все жители района о промышленности, машинах или о прокладке канала. Но времена меняются, и скромный темноволосый мужчина в синем рабочем комбинезоне сейчас не только главный техник, но и депутат совета в своей деревне.

Товарищ Немет показывает плотину с гордостью хозяина и с уверенностью человека, хорошо знающего свой край.

— Там начинается канал длиной 96 километров. Мы построили его сами. Прямой, как стрела, линией прорезает он северную часть альфёльдской равнины и у Баконсега вливается в Беретью. Его называют Восточным главным каналом, потому что позднее планируется построить еще Западный, — рассказывает Немет...

Разрешите снова небольшое воспоминание: я был здесь чуть ли не при рождении канала. Я видел выкрашенный голубой краской шагающий экскаватор «Имени 1 Мая»; под его гигантскими ступнями, напоминавшими шлепанцы, оседала земля. Его ковш сразу выбрасывал из прокладываемого русла столько земли, что ее хватало на целый грузовик. Это была советская машина, ее приводили в движение электромоторы, сделанные руками наших немецких друзей, а управлял ею венгерский парень. Маленький символ того, что мы можем сделать общими силами!

Прошло шесть лет, и вот серебряная змейка канала бежит по бывшим бесплодным местам Альфёльда. Она несет земле жизнь. С самолета невозможно этого не заметить: чуть ли не кричит прежде однообразный хортобадьский край. Он кричит: могуч человек!

В тисалёкском филиале дебреценского управления водного хозяйства молодой инженер Йожеф Силади и инспектор водного хозяйства верховьев Тисы Шандор Асалош показали нам гидрографическую карту Альфёльда. На ней огромное количество тонких синих линий. Однако тот, кто увидит в этом добрый знак, ошибется. Синие линии именно и означают, что вода не задерживается на подзолистых почвах, не впитывается в них, а стекает в более низкие места множеством ручьев и рек.

Главное назначение Восточного

главного канала и, следовательно, тисалёкской плотины — орошение Альфёльда. Дать воду рисовым плантациям — ведь качество венгерского риса получило всемирное признание, — дать воду рыбным хозяйствам, огородам, чтобы стал цветущим этот доселе суровый район. Этот канал, конечно, только начало, потому что одним водным каскадом не обеспечивается орошение всего бассейна Тисы и подъем уровня воды, необходимого для судоходства. В плане на следующие десятилетия намечены еще два водных каскада: у Тисабура и позднее у Чонграда. Правда, однако, и то, что те возможности для орошения, которые дает нынешний канал, не всегда еще используются должным образом. Причина этого ясна: не всюду еще есть большие кооперативные хозяйства, а использовать оросительную систему на мелких клочках земли единоличников порой бывает очень трудно.

— Умное и рациональное использование воды Восточного главного канала, — говорит член окружного комитета партии инженер Силади, — это вопрос политический, связанный с просветительной работой, с победой кооперативного движения. Мы хотим, чтобы шестьдесят кубических метров воды каждую секунду орошали не только равнину до Тисавашвари, но чтобы по следам прибывающей воды возрастали урожаи на коллективных землях и росло благосостояние наших крестьян.

...12 мегаватт — такова должна быть мощность тисалёкской гидроэлектростанции, когда будут пущены все три ее турбины. Сейчас действует одна турбина, но на днях будет пущена вторая, а к весне будущего года — третья.

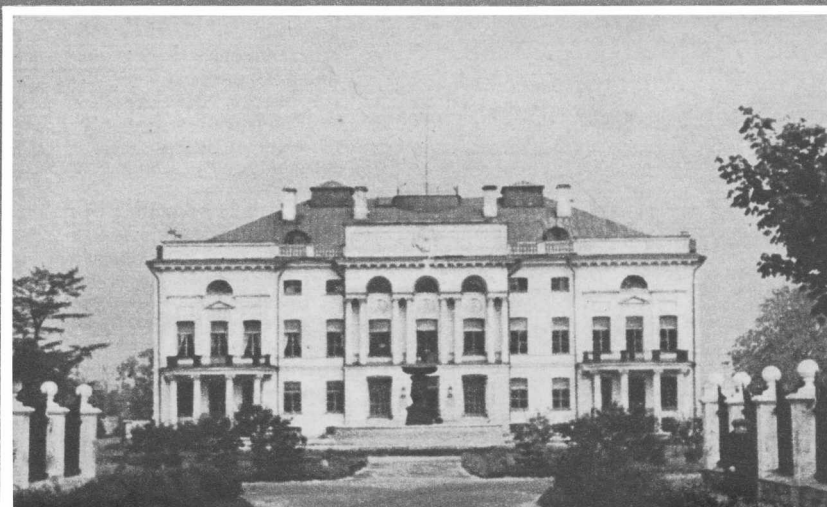
Постепенно электростанция и плотина становятся родным домом даже для приехавших сюда издали рабочих — все они превращаются в заправских тисалёкцев.

27 октября в Стокгольме известному шведскому писателю Артуру Лундквисту была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Премию вручал председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Д. В. Скобелев. Выступая на торжестве, Артур Лундквист заявил, что он принимает эту премию «в качестве стимула для дальнейших усилий как в области мирных стремлений, так и в области литературной работы».

Академик Д. В. Скобелев (слева) вручает диплом лауреата международной Ленинской премии А. Лундквисту.

НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ НАУКИ

Здесь размещается штаб советской науки — Президиум Академии наук СССР.

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Когда один из ораторов невзначай помянул для какого-то сравнения девятьсот тринадцатый год, чубатый паренек, сидевший перед нами, нетерпеливо передернул плечами: нашел, дескать, старина, с чем сравнивать! Что нам тринадцатый год?!

Казалось бы, на первый взгляд юнец не так уж неправ в своем небрежении к привычным для старшего поколения масштабам сопоставлений. Они и впрямь неудержимо стареют. Двадцатилетнему человеку, сверстнику Магнитогорска и «Уралмаша», и в самом деле нелегко постичь, как можно всерьез прикидывать к нашим сегодняшним дням мерку дореволюционной России. Ведь уже сейчас многое из того, что производилось в те времена за год, мы производим за месяц, а к концу семилетки будем производить за несколько дней...

Но нет, нелишне оглянуться назад! Мы не согласимся забыть ни нашу былую гордость, ни наше былое горе.

Повелителям реактивных быстролетов и покорителям космических просторов не должен казаться поэтической выдумкой образ «птицы-тройки», какой виде-

проселке, мешавшим ее повороту на торный шлях.

Была ли в мире страна более резких контрастов?

В России был открыт высший — периодический закон, которому в своем беспредельном множестве подчиняются «кирпичи мироздания» — атомы элементов. И в то же время большинство жителей той же страны, даже те немногие, которым вручались аттестаты зрелости, не подозревали о существовании науки, именуемой химией. В России были заложены многие основы современной электро- и светотехники, но страна пребывала во мгле, и даже самым смелым наблюдателям со стороны не верилось, что эта темь может быть скоро рассеяна. В той самой стране, где было открыто радио, несколько лет спустя целая военная эскадра погибла в какой-то мере из-за отсутствия связи между кораблями.

Вот какой она была, Россия тысяча девятьсот тринадцатого года, со своими десятью собранными в горсти университетами, со своими отсталыми окраинами!

Нет, об этом забывать нельзя! Как же пришла послеоктябрьская наука в края, иной раз вовсе не знавшие простой грамоты? Повсюду. Походным маршем шествовала она с отрядами геологов, оседала под самодельными вывесками медпунктов, селилась в хатах-лабораториях, открывала школы, а подчас тут же придумывала алфавит для обучения письму на родном языке первых учеников.

И, наоборот, стайки посланцев со всех мест тянулись в университетские центры России, где для них настужь были распахнуты некогда наглухо запертые царские врата, ведущие в ослепительные чертоги знания.

Победно поднялся хозяин земли, чудесно распрямились его плечи! С изумлением и радостью озирает он широту новых своих владений на шестой части планеты, прикидывал, как полвечее справиться со всеми ее неустойчивостями, и спешил набраться нужных для этого знаний. С каким же яростным нетерпением он к ним рванулся!..

Отличная научная молодежь!

Молчавший всю дорогу маститый профессор не выдержал наконец и где-то за Куйбышевом задал вопрос молодому попутчику:

— В Магнитогорск едете?

Получив утвердительный ответ, полубоыпытствовал:

— По каким делам: служебным или частным?

— На работу, — отвечал молодой человек. — Получил назначение.

— Простите, в какой цех?

— В обжимный.

— Практикантом? — спросил профессор.

— Начальником цеха, — отвечал молодой человек.

Это из книги «Поколение победителей», вышедшей в 1936 году, книги широкого замысла, примечательной по полноте его осуществления. Страна прошла первые этапы индустриализации. Появились новые отрасли производства, о которых и слыхом не слыхала дореволюционная Россия. Тогда-то, на подступах к Десятому съезду Ленинского комсомола, наш молодой современник ощутил потребность на минутку приостановиться, отереть пот со лба и осмотреться: «Да мы ли это, друзья? Эко наворочено! И мы сами, сами стали другими! Выросли, возмужали, окрепли. Успели уже опереться на знание»...

И вот из этой потребности пристальнее приглядеться к той новой поросли, которая брызнула из благодатной родной земли под добрым небом революции, и родилась эта своеобразная книга, в которой из кратких портретных зарисовок молодых ученых, инженеров, рабочих-новаторов, школьников, складывался живой облик новой эпохи, движущей силой которой впервые в истории стал простой человек, его благо, его большое трудовое счастье.

Мы находим в записках основателя отечественной биохимии академика А. Н. Баха такие

строки: «Когда я мысленно перебираю своих молодых сотрудников, перечисляю себе их успехи и достижения, я ощущаю радостное удовлетворение: отличная у нас есть научная молодежь!» И далее: «У меня работает аспирант Сисакян. Он комсомолец и кандидат партии, руководитель комсомольской организации института».

Интересно проследить, как складывалась эта судьба.

В шестнадцать лет нынешний член-корреспондент Академии наук СССР, заместитель главного ученого секретаря Академии наук Норайр Сисакян должен был попросить друга написать за него заявление в комсомол. В Армении дашнаков он не успел научиться тому, как из букв складываются слова. Комсомол послал его учиться. До окончания школы Сисакян вел кружок ликбеза. Нетрудно понять, почему он выбрал эту работу. Когда путник, блуждающий в горах, выходит на свет костра, разведенного заботливой рукой, он с особой любовью подбрасывает в него ветки, думая о тех, кто еще бродит во тьме по глухим горным тропам. Сисакян попал в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Первый экзамен по химии сдал, еще не зная русского языка: вычерчивал на доске формулы. Все наверстал. Закончил аспирантуру. Работал с Д. Н. Прянишниковым. Покоренный значи-

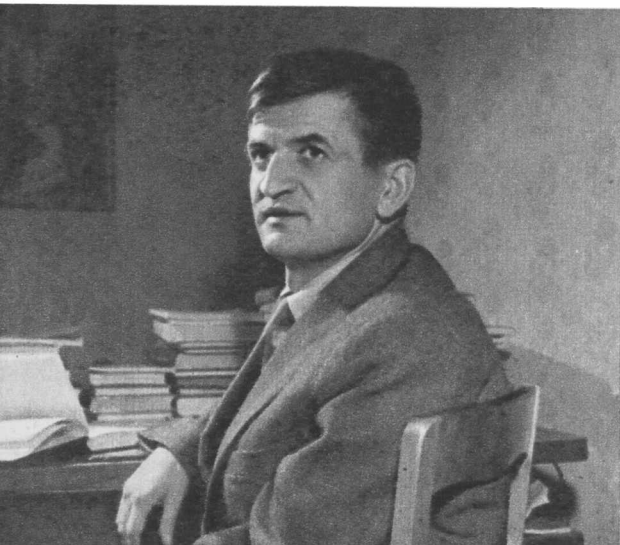
Член-корреспондент Академии наук СССР Н. М. Сисакян.

Фото Е. Умнова.

лась Гоголю Русь. Ведь лелеемая лучшими умами России мечта о стремительном взлете родной страны все же сбылась! И тем суровее исторический приговор людям, так долго державшим чудесную «птицу-тройку» на пыльном

Доктор физико-математических наук профессор О. С. Парасюк.
Фото Н. Козловского.

тельностью мира ферментов — этих неутомимых стимуляторов процессов обмена веществ в живом организме, — пришел к Баху. «Люблю беседовать с Сисакином, — писал в свое время академик. — Меня увлекают его стремительность, быстрота. Это трепещущий человек с учащенным пульсом».

Во внутреннем сходстве тысяч подобных биографий проявляются типические черты советской науки. Вот история еще одной жизни, для которой характерно точно такое же неукротимое стремление как можно скорее взвалить на свои плечи наиболее весомую научную ношу. Бедняцкий сын из села Билка на Львовщине Остап Парасюк, шагая за стадом овец, которых перегонял с выгона на выгон, придумывал и тут же в уме решал математические задачи. За обучение в единственной частной польской гимназии, куда доступ ему не был закрыт, надо было платить в месяц столько, сколько стоили пятнадцать пудов пшеницы.

После освобождения Западной Украины Остап написал письмо в Академию наук УССР, просил прислать учебники по математике на родном языке. Мальчиком заинтересовались, направили в школу, а затем в университет. Война прервала учение. В вещевом мешке Парасюка, бойца за родную землю, по военным дорогам ездили учебники по математике. Вернувшись в университет, Парасюк вскоре попросил разрешения сдать экзамены по тридцати шести дисциплинам за четыре курса сразу. Ему разрешили, предупредив, что будут спрашивать строже, чем обычно. Он сдал экзамены блистательно, так же, как защищал потом диссертацию на звание кандидата физико-математических наук. Это совпало с празднованием десятилетия воссоединения украинских земель. Еще через два года выдающиеся работы по квантовой теории поля принесли тридцатипятилетнему физику-теоретику звание доктора наук.

Повторите эту историю в Казахстане. Вам скажут: «Вот это по-нашему!» И тут же поверят правдивую повесть о судьбе — о многих подобных же судьбах — ну, хотя бы Есмагашвета Исмаилова. Отец его, батрак Самурат, гонял байские табуны до того дня, когда в 1926 году был осуществлен закон о конфискации байского скота. Батрак был настолько беден,

что, когда у него умерла жена, он не мог взять в дом новую хозяйку. Общественная деятельность маленького Есмагашвета началась с редактирования стенгазеты в детдоме. Ему посчастливилось завести дружбу со многими певцами и домбристами своего родного края, а после этого в качестве студента Казахского педагогического института он слушал лекции академика Тарле и многих других выдающихся русских ученых. А сейчас по его учебникам «Вопросы теории литературы», «Казахская литература XX века» и «Казахский советский фольклор» учатся новые поколения студентов. Его последняя работа, «Акыны», как бы подводит итог многолетним исследованиям неутомимого ученого-фольклориста. Они образовали целое направление в недавно созданной республиканской академии наук.

Ну, конечно же, все эти замечательные процессы становления национальной науки, выявления скрытых в народе талантов развивались совсем не стихийно. Их властно потребовал, а затем направлял и поддерживал повсеместный рост производительных сил, планомерно осуществляемый социалистическим государством.

Для всей страны

Известно, что, скажем, математика или геохимия, как таковые, не могут быть ни индонезийскими, ни норвежскими. Но творчество математических и геохимических научных школ, в зависимости от обстоятельств, которые их вызвали к жизни или способствовали успеху их деятельности, может быть наделено чертами неповторимого национального своеобразия.

Эти оттенки национального колорита придают особую красочность и яркость отдельным картинам новой географии науки, складывавшейся после Октября и далеко еще не сложившейся. Так же как и промышленность и сельское хозяйство, молодая наука новых республиканских центров вся в движении. Она развивается так бурно, что за переменами в ней уследить еще труднее, чем за изменениями, непрерывно происходящими в облике индустрии, в списках все шире разведываемых природных богатств.

Доктор филологических наук профессор Е. Исмаилов.

Фото М. Галкина.

Например, традиционно высокая культура математической мысли в сочетании с растущей культурой индустриальной породила в Грузии совсем новые направления творческих исканий. Почти в одно время с образованием крупного вычислительного центра, вооруженного самоновейшей быстродействующей техникой, возникли новые институты: электроники, автоматики и телемеханики, прикладной химии и электрохимии, — учреждены проектно-научные центры по приборостроению. Эти новые направления отнюдь не противостоят тем, которыми издавна была славна грузинская наука. Просто они являются дополнительным свидетельством зрелости и современности устремлений грузинских ученых, которые ставят перед собой еще более крупные проблемы, смело вовлекая в их решение хорошо подготовленную молодежь.

Далеко не случайно в Латвии с ее развитым животноводством, являющимся ведущей отраслью сельского хозяйства республики, с широкой полосой песчаных приморских, насквозь «промытых» почв, с ее заболоченными низменностями, таящими в себе могучую силу плодородия, если только знать, как подступиться к их окультуриванию, на первый план выдвинулась проблема борьбы с загадочной болезнью скота. «Сухотка» — таково было ее местное название. Понурые, быстро тощающие, облезлые коровы, безучастные ко всему, сгорбившиеся овцы отворачивались от самой изысканной для них пищи в виде мелко нарезанных корнеплодов и мучных концентратов. И порой в инстинктивной жажде спасения они набрасывались на пожелтевшие будилья прошлогодних трав.

Объяснение пришло с геохимическим исследованием латвийских почв. Кобальт! Вот кто был виновником перечисленных бед, вернее, чье отсутствие их натворило. Но какое может иметь отношение к болезни скота серовато-белый металл, высоко ценимый в металлургии, отличный синий краситель для стекла? На этот нелегкий вопрос ответила новая наука, выясняющая значение в жизни растительных и животных организмов широко распространенных в природе химических элементов. «Сухотка» оказалась не чем иным,

как кобальтовым голоданием животных...

Виднейший в республике знаток «аккобальтозов» Я. Берзин превратился в доброго «волшебника». Подкормка несколькими тысячами долями грамма солей кобальта и меди бесследно изгнала «сухотку» с тех ферм, бичом которых она еще недавно была. Но значение этих работ несравненно шире. Составленные академиком Я. Пейве картограммы содержания кобальта, меди, цинка и других

микроэлементов в почвах Латвийской ССР позволили биогеохимикам как бы одновременно заглянуть под лоскутный покров разнородных почв и составить себе общее представление об этой интереснейшей по своему минеральному составу зоне.

А в результате как-то так, само собой, получилось, что Латвийская академия наук стала центром координации научных работ по микроэлементам, повсюду проводимых в Советском Союзе.

Икс-лучи и шелкопряд

Вполне закономерно, что ученые Узбекистана проявили интерес к повышению продуктивности тутового шелкопряда. Готовясь встретить щедрый поток синтетических тканей, мы отнюдь не собираемся утеснить ими натуральный шелк, который имеет своего устойчивого и благодарного потребителя. Но, чтобы выдержать до конца состязание с синтетическими материалами, производство натурального шелка, как и все остальные отрасли сельского хозяйства, должно стать менее трудоемким и более производительным. Такая возможность получения повышенного выхода шелковой нити при тех же самых затра-

Профессор Я. М. Берзинь.
Фото И. Семина.

тах труда — и не на один процент, не на два, а на целых тридцать — появилась в связи с новейшими достижениями радиационной генетики.

Излучения радиоактивных изотопов и рентгеновские лучи представляют собой могучее и в то же время необычайно тонкое орудие непосредственного воздействия на наследственность. Исследования, проводимые в этой области во всем мире, среди которых выделяются работы нашего соотечественника профессора Б. Л. Астаурова, показали исключительную гибкость предложенного метода.

Открытые им новые возможности были счастливо реализованы в Ташкенте Владимиром Струнниковым. При помощи виртуозной операции, «скальпелем» в которой ему служил рентгеновский луч, удалось присоединить к наследственной клетке самок и наследственной клетке самцов вполне материальные и притом разные частички — носители отчетливо

различного и устойчивого признака пола, а именно окраску яиц шелкопряда, так называемой грены.

Вот почему это практически важно. Гусеница мужского пола более шелконосна. Длина нити, из которой она свивает свой кокон, почти на треть больше, чем нить кокона самки. Десятки изобретателей во всем мире трудились над тем, чтобы придумать способ раннего разделения гусениц на мужские и женские. Ни одна попытка не увенчалась полным успехом. Сейчас простая сортировка с фотоэлементом позволит автоматически разделять мужскую и женскую грену по цвету яиц, серых и черных.

И опять-таки значение этих работ далеко выходит за пределы непосредственных практических результатов, которые можно от них ожидать. Эти исследования лежат в русле новой, бурно развивающейся науки, значение которой все возрастает после нашего вступления в век атомной энергии с его неисчислимыми благотворными следствиями и грозными опасностями. Недаром скромную работу Ташкентского отраслевого института руководитель советской делегации на Международной конференции ООН по применению атомной энергии в мирных целях, проходившей в Женеве, профессор В. Емельянов привел в числе заметных достижений советской науки.

Эпос и поэзия камня

Восхищаясь «эпосом камня» и неизъяснимой красотой воздуха, делающей пространство самой богатой частью пейзажа, Петр Пазленко однажды писал: «Когда вы увидите горы Дагестана, воздайте мужеству человека». Это относительно сейчас не только к сумасшедшим тропам и могучим садам, разведенным в пазухах гор, но также и к стремительным взлетам познающего разума. Народ воинов и оружейников стал народом певцов и ученых.

О Сулеймане из Ашага-Стали говорили, что он вырывает песню из отдельных сердец и вновь возвращает сердцу, обогащая общей мудростью. Наука тоже принимает вековой опыт народа, отдавая его преображенным и умноженным на новое знание. Ценнейшим, например, подспорьем искателей подземных кладов обернулись проводимые Дагестанским филиалом Академии наук СССР обширные работы по изучению абсолютного возраста горных пород.

К этой волнующей воображение теме председатель Президиума Дагестанского филиала профессор Хабибулла Амирханов пришел отнюдь не от старинных преданий, а от новейшей физики атома. В исследованиях полупроводников, начатых в школе академика А. Ф. Иоффе, Амирханов проявил себя не только смелым экспериментатором, но и вдумчивым теоретиком — сочетание не такое уж частое. Этому союзу смелого эксперимента и высокой теории он обязан успехами тех его работ, в которых физика пришла на выручку геологии.

Для получения сведений об относительном возрасте горных пород различных геологических систем ученый изучает остатки ископаемых организмов. Но есть возможность точно определять время и длительность горообразования

и длительность горообразования, играющих столь важную роль в геологической истории, а именно путем определения количества продуктов распада различных радиоактивных элементов, содержащихся во многих минералах и горных породах. Поскольку известна скорость этого распада, по его результатам можно точно рассчитать время начала происходившего процесса. А это и есть момент образования того или иного минерала или горной породы.

Для таких опытов до недавнего времени пользовались минералами, которые содержат уран или торий, встречающиеся, однако, очень редко. Амирханов применил оригинальную методику определения возраста геологических образований по радиоактивному превращению калия в аргон и распространил этот метод на горные породы, возникшие в водоемах при осаждении мелких илистых частиц, сносимых туда потоками водами и реками. Приоритет советской науки в определении

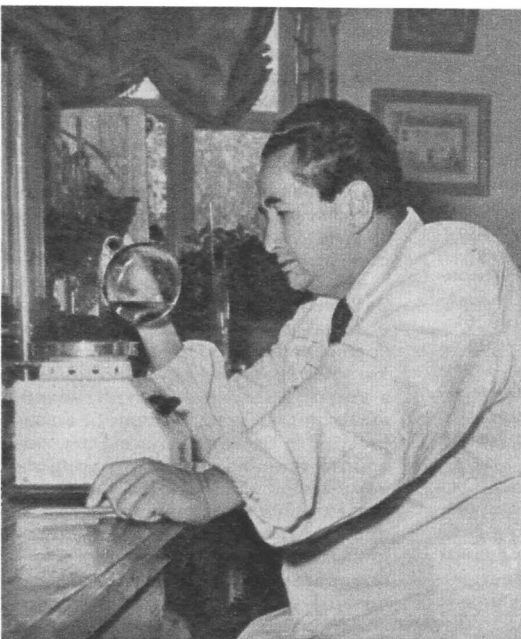
абсолютного возраста таких осадочных горных пород завоеван Дагестанским филиалом Академии наук СССР.

Эти работы имеют равное значение и для Русской платформы и для Украинского щита. Но совсем по-особому они воспринимаются на фоне древних гор Дагестана.

...Среди нас уже нет Сулеймана Стальского. Но будь жив певец, он сложил бы песню об ученых, которые заставили заговорить немые камни, а те открыли бы им одну из тайн своего рождения.

О «белых пятнах»

Не то что рассказать, даже бегло упомянуть не успеем мы и малой доли того нового, чем богаты растущие научные центры республик Советского Союза.

Член-корреспондент Академии наук СССР Сабир Юнусов.

Фото А. Палехова.

Профессор Хабибулла Амирханов.

Фото А. Субботина.

Необъятно широка новая география советской науки. Она захватывает Антарктику, где начальники станции «Комсомольская» Михаил Фомин исследует неизведанные грозные явления природы в условиях, когда керосин становится похожим на мокрый снег, а лед твердеет настолько, что его не берет стальная пила; она простирается на южные полуострова, где узбекский химик Сабир Юнусов за несколько лет обследовал содержание алкалоидов больше чем в четырех тысячах видов субтропических растений и где в восьмистах из них обнаружены алкалоиды, химические вещества, о которых когда-то хорошо было сказано, что открытие их имело такое же значение для медицины, как железа для мировой культуры.

А замечательные работы по энерготехнологическому использованию топлива, проводимые в Эстонии!

А химия нефти, расцветающая в Азербайджане!

А неожиданное применение сейсмологии для выслеживания штормов, развиваемое учеными дальневосточниками!

Все эти и многие другие радующие нас яркой своей самобытностью достижения республик и краев — это не признак национального размежевания культур, а свидетельство братского разделения труда в рамках одной задачи — единой великой общенародной задачи строительства коммунизма, высшей формы творческого расцвета человечества. Развиваясь гармонично и повсеместно, наука накапливает силы для того, чтобы в нужный момент их объединить.

Наиболее близким и новым примером такого объединения усилий множества отраслей знания для решения крупнейших комплексных проблем освоения бескрайних просторов востока страны служит создание могучего Сибирского отделения Академии наук СССР. Это событие знаменательно в жизни советской науки не только потому, что наглядно являет миру

способность многонациональной советской науки к мощной концентрации своих лучших сил на генеральном направлении. Революционной новизной характеризуются и самые замыслы участников движения науки на Востоке.

Нельзя было без глубокого волнения слушать выступления ученых, участников первого организационного собрания Сибирского отделения академии. Один за другим поднимались руководители вновь создаваемых научных институтов, и все они говорили о новых формах «межнаучно-

го» сотрудничества и взаимной поддержки. Математики и физики, изучающие термоядерные реакции, биологи, стремящиеся проникнуть в тайну клетки, и механики, собирающиеся изучать условия преодоления третьего — теплого — барьера, возникающего на пути движения тела при сверхзвуковых скоростях, химики и горняки с равным воодушевлением говорили о замечательном будущем наук, с самого начала протягивающих друг другу руки и собирающиеся идти вперед в содружестве, которое будет становиться все более и более тесным.

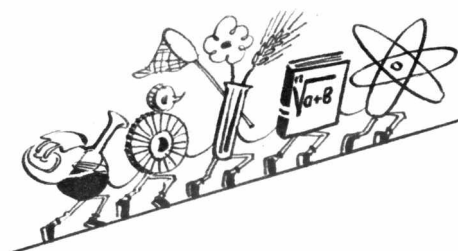
Советская наука находится на грани нового великого наступления на бастионы природы, наступления, направляемого партией и организуемого мудро продуманным государственным планом. Это наступление расширит плацдармы борьбы за изобилие материальных и духовных благ, за счастливую долговечность людей.

Исследователи лика нашей планеты говорят нам о том, что на земле уже нет «белых пятен». Но они еще существуют на гигантской карте нашего знания. Эта карта уже готовится распространиться на космическое пространство. Пройдет немного времени,

и мы будем говорить об «астрографии» новых научных центров. Ведь уже посланы в межпланетное пространство первые исследовательские лаборатории. Недалеко время, когда на покорение планет отправится человек.

Сегодняшние «белые пятна» стираются. Но мы знаем: когда будут стерты одни, появятся другие. Счастье научного творчества безгранично, как сама жизнь, которой оно служит...

ПРОДОЛЖАТЕЛИ

Первые километры новой железной дороги.

Юл. СЕМЕНОВ

Фото автора.

Страницы дневника

В тугую, каменистую землю вбита вешка. Тот край вешки, что обращен к югу, тщательно выструган ножом. Чернильным карандашом аккуратными печатными буквами выведено: «Железнодорожная станция **Журавлево**».

В тех же местах, в Саянской тайге, вбита другая вешка. Написано на ней: «**Стофато**».

А когда выходишь из тайги со стороны Тайшета и Нижне-Удинска к золотым приискам Артемовска, то следующим населенным пунктом на пути к Абакану окажется поселок и железнодорожная станция **Кошурниково**. Поселок есть, но ни станции, ни рельсов, ни паровоза пока что нет.

Кошурниково, Журавлево, Стофато...

Кто же они, чьими именами названы будущие станции на будущей стальной магистрали, которая пройдет через неприступные Саяны, разрежет тайгу и соединит Абакан с Тайшетом?

Александр Михайлович Кошурников — коммунист, инженер, изыскатель, построивший не одну тысячу километров железнодорожных путей.

Алексей Журавлев и Константин Стофато — комсомольцы, инженеры, его помощники.

В начале октября тревожного

1942 года, в дни, когда судьбы мира решались на истерзанном клочке сталинградской земли, трое людей в таежном тофаларском селении Верхняя Гутара заканчивали подготовку к экспедиции. Сумерки приходили рано, словно подгоняя и без того короткий день. Ночи стояли безлунные, теплые, не по-октябрьски душные. Трое жгли копилку, заново изучая потрепанные географические карты.

Предстоящий Кошурникову и его помощникам поход был отчаянно рискован, а снаряжение — крайне бедно. Сухари, перловка, одно ружье на троих да острога, чтобы бить хариусов и тайменей в стремительном Казыре. Ни консервов, ни радиостанций, ни медикаментов у изыскателей не было. Да и вообще экспедиция в неизведанную тайгу осенью, накануне лютотой сибирской зимы, — происшествие чрезвычайное. Что же заставило людей пойти на такой риск?

Окончание строительства Южносибирской магистрали, соединение Южсиба с Транссибирской магистралью были завтрашним днем страны. И трое мужественных и скромных людей ушли в тайгу, чтобы провести трассу будущей дороги, чтобы исчезло с географических карт еще одно белое пятно.

Люди пробирались сквозь чащи, брели по ледяной, стеклянной воде Казыра. А вокруг лежала тайга, безмолвная, словно сама вечность. Сначала экспедиция двигалась на оленях, потом мох кончился. Тогда Кошурников отправил проводника-тофалара вместе с оленями обратно в Верхнюю Гутару. Шли по бурелому, прокладывая путь топором и пилой. Потом срубили плот и поплыли по Казыру. Таежная река порожила. Белая вода бьется на порогах, превращаясь в голубую радужную пыль. Не раз приходилось бросать плот, спускаться по берегу вниз и там рубить новый плот. За три с лишним недели изыскатели прошли сто восемьдесят километров по дебрям. До жилья оставалось всего пятьдесят два километра...

...Передо мной странички из дневника инженера Кошурникова, найденного рыбаком на дне реки. Дневник был написан геологическим карандашом, и вода не смогла уничтожить слова мужества...

«13 октября, вторник... Ниже Завалихи через всю реку залом и лишь с левого берега мелкий косой перекал. Пришлось через этот перекал стяжками, по колено в воде, перегонять плот. Конечно, вымокли, но зато прошли без аварий... Вся река с шумом на повороте идет под залом, и вряд ли кому-либо удалось бы... выцарапаться благополучно. На всем протяжении берег более удобен для ж.-д. трассы, так что линия камерального трассирования по правому берегу намечена неверно. Жалею, что не захватил пару пикетажных книжек. У нас на плоту один человек свободный и мог бы составить прекрасную глазо-

мерную лоцманскую карту... Вечера провели плохую ночь. С вечера до утра шел снег, и нас изрядно вымочило. Виноват, конечно, я. Нужно было сделать балаган, а не полагаться на милость божью. При всем моем опыте просто поленился, а в результате промокли.

18 октября, воскресенье... Видели на берегу медведя. Костя стрелял в него, но «промазал». Медведь очень большой, черный, вероятно, не менее 15—18 пудов. Обидно, что такой лакомый кусок ушел от нас.

20 октября, вторник... Ночь... Порог «Щеки»... Рельеф и ситуация в этом месте изображены неверно. Для трассирования линии место не представляет никакого труда. Ход по террасе по своей сложности ничем не будет отличаться от других участков трассы, а я при камеральном трассировании представлял себе это место исключительно сложным и вынужден был уйти с левого берега на правый. В натуре этого не требуется...

23 октября, пятница... Весь день делали плот. Леса под руками нет, приходится рубить далеко от берега и на себе таскать бревна, а кедровые бревна очень тяжелые...

29 октября, четверг... Сухарных крошек осталось на один день... Табак кончился... Стофато... идет очень плохо, сильно устает, все время падает...

31 октября, суббота... Дело плохо, очень плохо, даже скверно, можно сказать. Продовольствие кончилось... Идти нельзя. По бурелому, по колоднику... и при наличии снега глубиной 70—80 см, да вдобавок еще мокрого, идти—

безумие. Единственный выход — плыть по реке... пока она еще не замерзла совсем.

1 ноября, воскресенье... Я с трудом надел сапоги и решил их больше не снимать, так как еще раз мне их уже не надеть. Все погорели... Нет ни одной несожженной одежды. И все рваные. Все мокрые до нитки... Базыбай — большая река, впадает в Казыр справа, в одном уровне. Воды не несет много.

3 ноября, вторник... Пишу, вероятно, последний раз. Замерзаю. Вчера... погибли Костя и Леша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом. А Леша выскочил на лед... но на берег его я вытащить не смог... Я иду пешком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и без пищи. Вероятно, сегодня замерзну...

И люди пришли...

...В центре Саян на новом железнодорожном пути из Абакана в Тайшет будут построены три станции: Кошурниково, Журавлево и Стофато. Те, кто носил эти фамилии, погибли. Умирая, они верили, что в тайгу придут другие советские люди, придут и покорят ее...

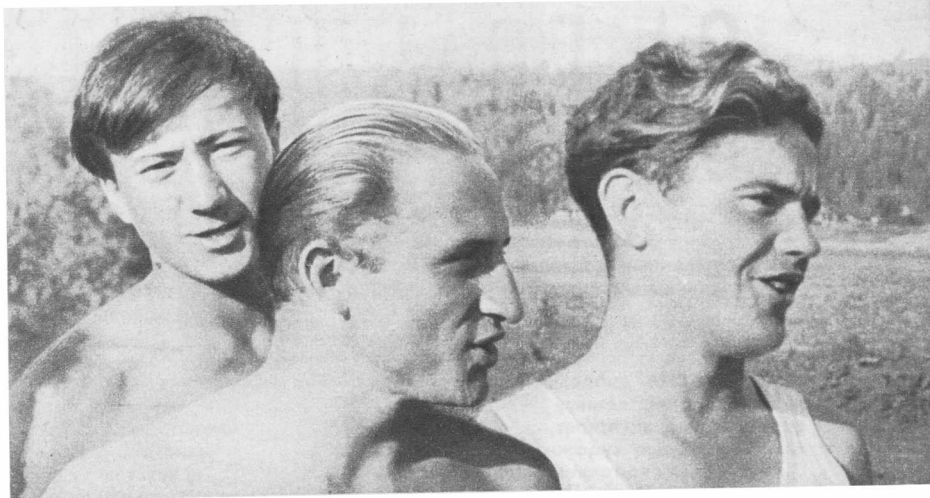
Продолжатели дела Кошурникова вторглись в тайгу, заарканили бурную Томь мостами, соединили стальным путем Абакан и Сталинск. Остался незавершенным последний участок Южсиба, именно тот, во имя покорения которого погибли Кошурников, Журав-

Весной Большая и Малая Тайшетки вышли из берегов, разлились по пойме, образовали километровое озеро. Цемент, а значит, и все работы оказались под угрозой. Пробраться к 35-му и 47-му пикетам не было никакой возможности, даже тракторы буксовали в топкой снежной жиже. Но комсомольцы пробились к пикетам, протаскивали тракторы. С каждым часом воды становилось все больше и больше, она прибывала на глазах, весело плескалась у деревянных ступенек цементного склада. Тогда бригадир Иван Ширяев и его ребята пошли на отчаянный шаг. Они раскидали бульдозером семнадцатиметровую насыпь, чтобы спасти цемент. Трижды рушили насыпь, трижды возводили дамбы, сдерживая воду. Работа шла круглосуточно: на пихтах укрепили прожекторы, и кинжальные лучи света резали крошечную мглу таежной ночи, освещая парней, стоявших в воде, перемешанной с битым льдом...

Сейчас Большая и Малая Тайшетки уже одеты в трубы и пропущены под насыпь. На станции Бирюса рядом с вагончиками выросли коттеджи. Все это сделано в тайге волей, силой и страстью комсомольцев.

В палатке над Кизиром

Тайга молчалива и безбрежна. Пихты и кедры, кажется, опрокинулись в прозрачную воду Кизира. Похож Кизир на своего брата — на порожистый Казыр. Такое же быстрое течение ворочает на

Московские комсомольцы в тайге: Николай Ван, Анатолий Костин, Владимир Селедкин.

цам, работавшим на новейшей технике, пришлось сначала взять в руки лопату, пилу и топор.

— На пиле можно вальсы играть, не то что лес валить, — сказал Толя Костин, — так что будем к этому инструменту относиться, как к музыкальному. На гитаре и в день играть не выучишься, а на пиле нам придется научиться «играть» за одну смену.

Звенят топоры, пронзительно визжат пилы, и огромные пихты валятся на землю, раскидав свои зеленые косы по буйной таежной траве.

Двадцать два жителя палатки — молодые москвичи, приехавшие по призыву Ленинского комсомола строить дорогу. Абакан — Тайшет. Бригадир Толя Костин, комсорг Володя Селедкин, профгруппорг Гена Черенков — каждый в свои двадцать пять лет имеет за спиной почти десятилетний трудовой стаж, и у всех у них высшие разряды рабочей квалификации. Есть здесь ребята с Автозавода имени Лихачева и других предприятий столицы. Саша Палий, прозванный «первопечатником Иваном Федоровым», работал в типографии «Известий», Леня Крылов — на «Фрезере», Саша Прилепин только что окончил школу.

У каждого над кроватью, на плечиках, висит пиджак (брюки, чтобы не мялись, лежат под матрацами), у каждого выглаженная сорочка, начищенные ботинки. И в тайге комсомольцы остаются опрятными, подтянутыми.

Живут ребята в палатке, фундаменты для домов еще только вырыты, а будущая железная дорога лишь угадывается по просеке. Но комсомольцы думают о будущем.

Комсорг Володя Селедкин — человек практического склада ума. — Вот я Джека Лондона читал, — говорит он, отодвигаясь от белых языков костра, — так там золотоискатели в каждом поселке бар себе строили. Нам, правда, бар не очень нужен, а вот без клуба не обойтись. И я не знаю, обязательно ли нужно каждый клуб в тайге заранее в смете проектировать. Леса кругом — тьма. Строить сами будем, без всякой оплаты, ну, а стекла в складчину купим. Так ведь?

До всего им есть дело, этим москвичам. И то, что в таежной деревне Кордово плохая чайная, и то, что в магазине залежалые товары, — все это взято под «обстрел».

— Молрабкрин, — улыбается

профгруппорг Черенков и разъясняет: — Молодежно-рабочекрестьянская инспекция...

Шумит ветер в верхушках сосен, звенят топоры, идет работа комсомольская, дружная.

...Пионеры стройки, московские комсомольцы, ушли далеко вперед, будоражить безбрежный океан тайги. Они на «передовой». А за ними около Красного Кордона уже лязгают гусеницами бульдозеры, вгрызаясь в толщу земли, прокладывая кизирский тоннель. В Курагине всего за несколько месяцев вырос великолепный поселок, и линии домов прошли приенисейскую степь ровной строчкой нарядных улиц. И в Минусинске, в старом сибирском городе, который раньше прятал жителей за бревенчатыми крепостными стенами и узкими бойницами окон, сейчас всюю развернулась стройка: возводится насыпь, высятся фермы, ложатся пахучие, просмоленные шпалы.

Ночью тайга светится глазищами автомобильных фар: машины идут вперед, в тайгу, к пионерам стройки, к тем, кто продолжает дело Кошурникова, Журавлева и Стофато...

Вот она, будущая дорога. (Снято с самолета.)

А. М. Кошурников.

А. Д. Журавлев.

К. А. Стофато.

лев и Стофато. И сейчас здесь, в отрогах Саян и в тайге под Тайшетом, кипит комсомольская работа.

Думать, что покорение тайги возможно без неимоверных трудностей, — досужая фантазия.

В тайге можно все предусмотреть, все, кроме капризов сибирской природы.

От Тайшета по зиме в тайгу затащили на тракторах восемьдесят семь вагонов, в которых жили строители. Сгрузили вагоны с салазок в снег. Место это торжественно назвали: железнодорожная станция Бирюса. И сразу же начали не существующую пока станцию строить.

К рекам Большая и Малая Тайшетки, на 35-й и 47-й пикеты, завезли четыреста тонн цемента, чтобы заключить эти беспокойные речушки в бетонные трубы. Зимой, в стужу, подняли семнадцатиметровую насыпь. Сжатый график работ перевыполнялся комсомольцами изо дня в день.

дне камни, и чудится, будто галечник о чем-то сердито разговаривает с водой. Ночью от реки поднимается туман.

Вдруг ночную тишину буравит трезвон будильника.

— Ребята, подъем! — возвещает чей-то голос. — Уже четыре...

Из палатки, которая стоит прямо на берегу реки, выскакивают семеро. Заводят грузовик и уезжают в тайгу рубить просеку. И снова тишина плывет над рекой.

А в шесть часов утра, когда кедровый гребень на вершинах сопок из синего делается красным от первых солнечных лучей, вот тогда будильник звонит во второй раз, и остальные пятнадцать ребят уходят в тайгу.

Иному кажется, что штурм тайги — это массированный удар техники, натиск металла. Это верно и в то же время неверно. Бульдозеру и экскаватору предшествует труд лесоруба, землекопа и плотника. И московским комсомоль-

ЗА БОЛЬШУЮ ТЕМУ В ИСКУССТВЕ

А. ДЕЙНЕКА,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
действительный член Академии художеств
СССР

На выставке дипломных работ выпускников наших художественных вузов 1957 и 1958 годов впервые экспонируют свои произведения самые молодые художники Советского Союза. Выставка выглядит свежо и, как ей полагается, молодо. Здесь можно увидеть разнообразие жанров и различную индивидуальность мастеров. Многие произведения решались с понятным волнением. Молодежь пытлива, она пробует различные манеры, ей хочется проверить свои силы в разных жанрах, на опыте убедиться в возможностях живописных приемов, разобраться в культурном наследии. Но все это звучит на выставке не во весь голос. Что же мешает по-богатырски размахнуться вширь, ввысь? Одного ремесла, пусть виртуозного, в наше время недостаточно. Малые проблемы живописной техники не взволнуют зрителя, если художник забудет про насущные интересы нашего времени. Рука мастера должна быть в гармонии с его желанием, а желания должны ощущаться самым широким зрением как кровные. Мастерство не внешняя отделка, а нечто гораздо более ответственное. Сама деятельность в искусстве — увлекательнейшая, но и ответственная работа. Суметь изобразить как можно жизненней и убедительней типичное и характерное в при-

роде и обществе — благодарная задача. Но это требует глубокого знания жизни. Художники должны искать форму, чтобы выразить наши идеалы. Нет искусства вне своего времени, даже если оно говорит про дело столетней давности. Наше искусство родилось из советской действительности и поэтому целиком принадлежит Родине и своему времени. Оно прошло большой путь вместе с народом, и некоторые произведения нашего советского искусства стали вехами на этом пути. Молодежи многое может показаться в этих работах немодным, но без этих работ мы не можем обойтись. Наш реализм социален и вытекает из активного вторжения художника в жизнь.

Вот почему борьба за классовую сущность человеческих отношений типична для искусства наших художников. В этой борьбе и молодежь черпает лучшие качества своего творчества. Наше время ставит проблему глубокой связи искусства с жизнью, значения темы, выраженной в простой и большой форме. Нам не может удовлетворить мелкотемье. Все живописные изощрения, как и признаваемый некоторыми «авторитет Парижа» с его большим, рафинированным искусством, не помогут молодежи в пути к высоким идеалам. Мы не перекроем большими размерами холстов пустоту мелкого многословья. Большие размеры вытекают из природы больших тем и образов. Большая тема — это тема, понятная и близкая большинству зрителей, несущая большие радости и глубокие переживания. Нет ничего более тяжелого для художника, чем равнодушное отношение зрителя к картине.

Оптимизм не значит улыбка в объектив по любому поводу и без всякого повода. Быть

оптимистом не значит писать бодрячков. Это прежде всего означает видеть в человеке правду, его несгибаемое упорство в труде, его желание познать мир шире, узнать больше. Я не хочу уверить молодежь, что это легко выразить языком искусства, но во имя дружбы искусства с жизнью просто необходимо это знать и об этом думать. Тут могут быть срывы, возможны ошибки, но удачи порадуют художника благодарностью зрителя, идущей от всего сердца.

Дипломные работы студентов Московского государственного художественного института типичны для всей выставки и достоинствами и недостатками. Институт носит имя В. И. Сурикова — великого живописца. Говорить только о цвете его картин — это значит сказать очень мало. Василий Иванович Суриков умел в своей живописи решать большие социальные проблемы. Сила его картин в глубочайшей народности. Его искусство было на службе высоких человеческих страстей, больших исторических событий, он показал нам мужество, упорство.

Всегда ли дипломники помнят заветы Сурикова, приступая к картине? Всегда ли их живопись служит большим целям и правильно их трактует? Вспомним работу П. Смолина «Грузчики». В тяжелом труде рабочие Индии сохраняют человеческое достоинство. Но помогает ли живописное решение картины раскрыть эти качества, нет ли в ней больше любования экзотикой цвета, чем глубоко человеческой, реальной правды жизни?

Зачем такая виртуозность мазка и композиционная сумятица, приглушающая в общем талантливую вещь И. Стаевича с его героями — партизанами «В белорусских болотах»? Симпатичная картина у Н. Крапивина — «Сенокос», но почему-то вспоминаешь подобные картины и других художников. Так ли уж трогают сюжет автора, не просмотрел ли он более насущные сюжеты?

Талантливые картины, рассказывающие про настоящую жизнь, у Е. Шлыкова — «На переправе» и у И. Агапова — «1941 год». А картина М. Данцига «Навстречу жизни», несмотря на свои размеры, не перерастает в монументальное произведение. Слащавая восторженность автора снижает ее значимость.

На выставке мы видели скульптуры, уже получившие широкую известность, как, например, произведение Ф. Фивейского «Сильнее смерти» (ранее воспроизводившееся в «Огоньке»). Но и среди скульптурных работ неправомерно приподнят бытовой станковизм. Почему молодежь не пробует свои силы в проектах монументов, в портретах наших славных современников? А это было бы по плечу и Г. Потапову, выставившему прекрасную скульптуру «Металл пошел», и В. Егорцеву, показавшему «Труженика моря». Скульпторы, увлекаясь рассказом, забывают про показ, забывают, что круглую скульптуру смотрят не только с фасада, что образный смысл силуэта не должен никогда теряться. Институт обязан наталкивать студентов на поиски живой темы и ее величественного выражения. Искусство социалистического реализма — прежде всего искусство жизнеутверждающее. Утверждая наше время в жизни, мы открываем пути к созданию величественного стиля нашей эпохи. Это генеральная задача нашей художественной молодежи.

Говоря о графике московского института, я должен сказать, что раздел графики показал много хороших, продуманных, с индивидуальным почерком и разнообразной техникой работ. И особенно отрадно, что сюиты на современные темы оказались реальней, жизненней, убедительней, чем работы, иллюстрирующие историческую литературу. Современная тема легла в основу и многих живописных работ.

Жизнь в искусстве у молодежи только началась. Пожелаем ей быть в ней не свидетелями, а активными строителями.

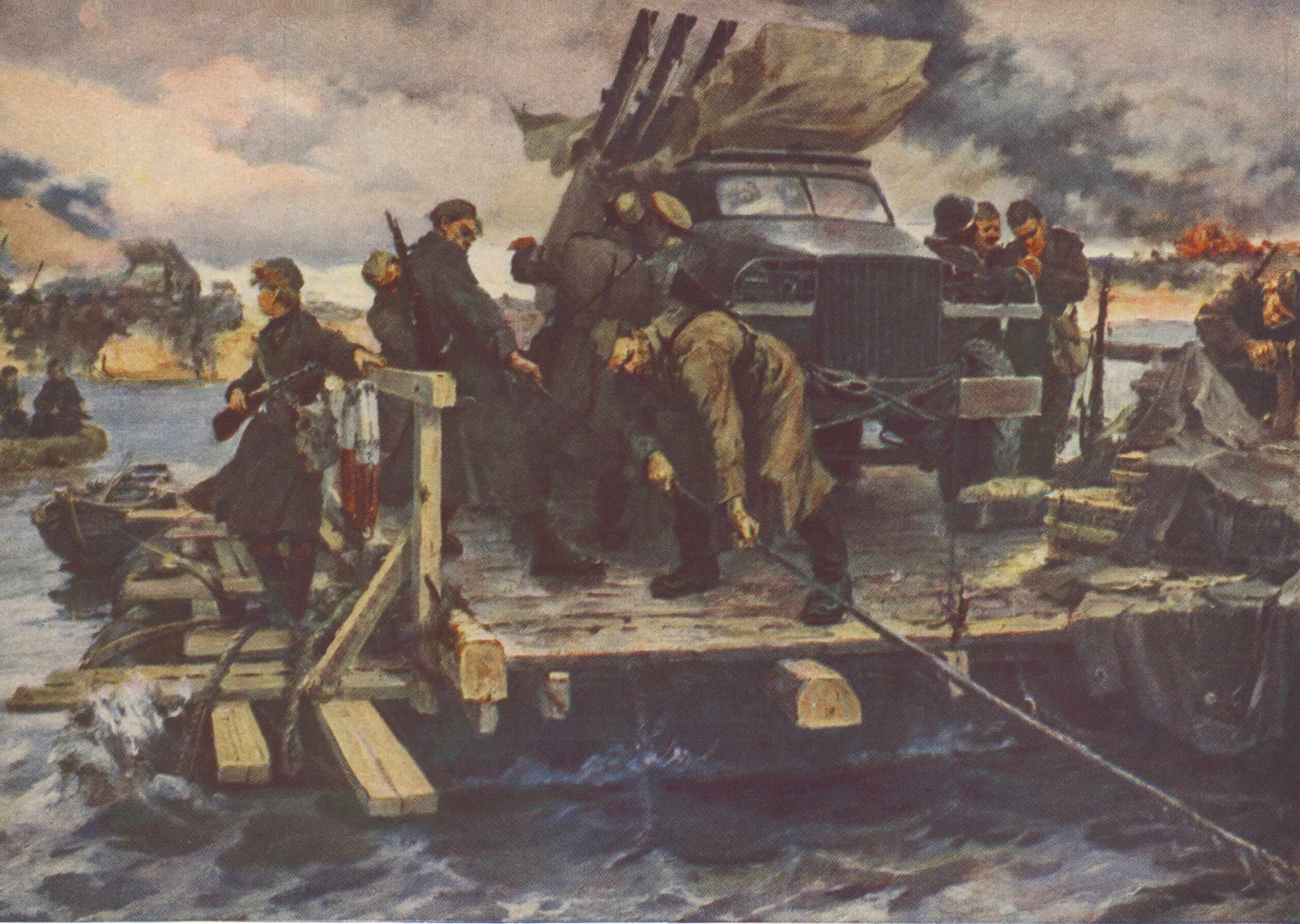
Г. Потапов.
МЕТАЛЛ ПОШЕЛ

А. П. Суровцев. МАССОВКА.

«Огонек».

Дипломные работы выпускников Московского художественного института имени В. И. Сурикова.

Е. М. Шлыков. НА ПЕРЕПРАВЕ.

А. М. Максимовский. ПОСЛЕДНЯЯ ЯРАНГА.

РЫБАКОВ-МЛАДШИЙ

Рассказ

Виктор АЛЕКСАНДРОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Воздух был плотный, скованный утренним морозом. Над городом занимался поздний зимний рассвет.

У привокзальной трамвайной остановки, переступая с ноги на ногу, толкался в очереди мальчуган. Ему, пожалуй, не было и десяти лет. Маленький, одетый в короткую заячью шубку и несколько великоватую шапку-ушанку, из-под которой поблескивали большие темные глаза и алела пуговка носа, он невольно привлекал к себе внимание. Особенно долго рассматривал его моложавый на вид мужчина в синей шляпе, энергично растиравший занемевшие уши. Он уже собирался было заговорить с малышом, но в это время грохоча, подкатил трамвай. Когда вся очередь втиснулась в длинный вагон, мужчина в синей шляпе нагнулся к маленькому пассажиру:

— Куда же ты в такую рань спешишь?

Мальчуган исподлобья посмотрел на него, хотел было промолчать, но, подумав, отозвался:

— На выставку.

— На выставку? На какую выставку?

— На партизанскую, — не задумываясь, ответил мальчик и небрежно, с чувством собственного достоинства провел меховым рукавом по своему розовому, некстати подтаявшему носу.

— А ты знаешь, где она?

— Язык до Киева доведет.

«Бойкий малец», — усмехнулся мужчина и почему-то сбил на затылок шляпу. Ему вдруг захотелось ближе познакомиться с этим маленьким человеком.

У колхозного рынка почти все пассажиры вышли, и мальчуган уселся у заиндевшего окна. Мужчина присел напротив и опять заговорил с ним:

— Ну, что ж, давай знакомиться, меня зовут Николаем Петровичем. Я ведь тоже приехавший.

— И тоже на выставку едете?

— Однако ты, братец, шустрый... Зачем мне на выставку? Я в институт еду.

— Студент, что ли?

— Нет, не студент; я преподаватель, учу студентов.

Мальчик недоверчиво посмотрел на собеседника, покосился на его щеголеватую шляпу и улыбнулся.

— Васей зовут меня... Я про студента так сказал. Я про другое думал.

— Про что же?

— Я сначала подумал, что вы артист... У нас в районе есть театр, а в том театре точно-точно в такой же шляпе артист имеется... Задавака!

Николай Петрович засмеялся. Засмеялся и Вася.

— Так зачем же тебе, Вася, выставка понадобилась?

Оживившееся было лицо мальчика вновь стало сосредоточенным, улыбка потухла. Он вскинул рыжеватые ресницы и подозрительно глянул в широко открытые карие глаза Николая Петровича: кроме доверия, они ничего другого ему не внушали. И маленький Вася рассказал этому постороннему человеку все, что его волновало уже несколько дней.

Вася Рыбаков был сиротой. Отец его — партизан Захар Иванович Рыбаков — погиб в годы минувшей войны. Вскоре мальчик лишился и матери: ее повесили фашисты за то, что она была женою партизана, — а дом сожгли. С тех пор Вася воспитывался у своей молодой тетки, у двоюродной сестры матери.

— Это она, моя тетя, говорила про того ар-

тиста, что он задавака, — вдруг сказал Вася, и легкая улыбка пробежала по его удивительно ярким губам. Помолчав, он грустно добавил: — Не помню я ни папы, ни мамы... Маленький был тогда.

«Да ты и сейчас невелик», — подумал Николай Петрович.

На днях мальчик узнал от Евдокии Николаевны, его учительницы, такое, от чего лишился сна. Учительница рассказала школьникам о музее, где каждый зал хранит память о героической борьбе советских людей, о подвигах их в тылу врага. И, между прочим, когда рассказ был окончен, Евдокия Николаевна спросила у Васи:

— Как твоего папу-то было звать?.. По имени-отчеству?

От такого неожиданного вопроса Вася встепенился, нахмурился.

— Захаром Ивановичем.

Легкая тень коснулась лица учительницы. Когда урок кончился, она попросила Васю остаться.

— Видишь ли, Вася, — начала она, подбирая слова. — Я сегодня вам рассказала о музее, в котором была, и вдруг вспомнила, что обратила там внимание на алюминиевый портсигар с надписью: «Дорогому командиру Рыбакову З. И. от бойцов, в память о партизанских буднях».

Вася, вытянув тоненькую смуглую шейку, глотнул слюну и как-то особенно тихо произнес:

— Папин портсигар?

— Я поговорю с твоей тетей, и мы наведем подробные справки. А теперь иди.

Мальчик шел и не видел перед собой ни улицы, ни встречных прохожих. В его возбужденном воображении сиял таинственный алюминиевый портсигар.

«Нет, уж теперь я сам наведу справки!» — решительно подумал Вася, и его сердечко сжалось от такой смелой мысли.

Николай Петрович покачал головой.

— Короче говоря, ты удрал?

— Совсем не удрал... — заморгал Вася и, опустив ресницы, обавил: — Просто уехал на несколько дней.

— И что же ты собираешься делать?

Вася снова взглянул на Николая Петровича. В круглых блестящих глазах мальчугана читался немой укор, словно он говорил: «Какой же вы, оказывается, недогадливый!»

— Портсигар папин посмотреть, — шевельнул Вася одними губами. — А может, выпрошу... Зачем он им? А для меня он... А мне он... — Не договорив, мальчик отвернулся к окну.

У Николая Петровича тоже что-то поднялось в груди, и он уже невидящим взглядом смотрел на это маленькое отважное существо в большой шапке и потертой заячьей шубке.

В его памяти внезапно ожило далекое, опаленное знойным летом гражданской войны детство. На месте родной хаты — тлеющие головешки, крест на погосте (соседи мать схоронили), а там, за хутором, — степь до самого, как ему казалось тогда, края земли. И в той молчаливой, оглохшей от бураны степи затерялась неведомо где могила батьки-котовца. Один остался Микола, на всем белом свете один. И побрел он тогда по той бесконечной, необъятной, как море, степи. Куда шел Микола, он и сам толком не знал; как говорится, куда глаза глядят... И привели Миколу его карие испуганные глаза в какой-то большой город, и растворился он в бурлящем

потоке таких же полуголодных, быстроглазых оборвышей. Сколько бы он еще шнырял по базарам и разъезжал на буферах поездов, если бы в один морозный день не произошло знаменательное в его жизни событие! На его пути внезапно выросла угловатая фигура человека в очках. Миколка хотел было обойти его, но тот сделал шаг в сторону и преградил путь. Когда же посиневший от холода беспризорник метнулся назад, то цепкая рука ловко захватила лохмотья:

— Глупыш, куда же ты?

Миколка закричал:

— Пусти-и! — и, изловчившись, больно укусил очкастого за палец.

— Ты что, волчонок? А я уж обрадовался, думал, наконец-то встретил сынка, хотел было с ним пойти пообедать. — И, отпустив Миколку, он вынул из кармана золотистую воблу и звонко шлепнул соблазнительной рыбкой по ладони.

У Миколки заныло внутри, и он, давась, проглотил слюну.

— Ну, пошли, сынок?..

Так Миколка встретил чудесного человека с простой фамилией Макаренко...

Все это, как в калейдоскопе, пронеслось в памяти Николая Петровича. Изменившимся голосом он заговорил:

— Однако ты, братец, отчаянный! Самому приехать в большой город в такое время! А где ты будешь спать, есть?.. Ты об этом подумал? У тебя, поди, и денег нет, а?

Вася молчал. Николай Петрович, посмотрев на ручные часы, сказал:

— Вот что, товарищ Рыбаков-младший, в такую рань еще ни одна выставка не открыта. Так что ты пойдешь пока со мной.

Мальчик быстро повернулся. Его темные глаза метнули недобрую искру, рыжеватые ресницы по-взрослому слегка прищурившись.

— Лучше не задерживайте, все равно убегу.

— Да что ты! Я вовсе не собираюсь тебя задерживать. Я даже помогу тебе добыть этот портсигар.

— Правда? — воскликнул Вася, и его глаза прояснились.

— Ну, конечно! Вот устроимся в гостинице, позавтракаем и пустимся на поиски.

Мальчик смотрел на Николая Петровича, на его синюю шляпу счастливыми глазами.

Перед поворотом на центральную улицу Николай Петрович и Вася сошли с трамвая, перебежали дорогу и спустились по узкому переулку к гостинице. А часа три спустя они уже входили в большое серое здание, дохнувшее им в лицо теплом и каким-то особым запахом.

Вася готов был сразу же ринуться на поиски заветного портсигара, но Николай Петрович остановил его:

— Постой-ка, так нам и до вечера не отыскать его. Подожди меня здесь. — И Николай Петрович, поскрипывая желтыми полуботинками, направился в дирекцию музея.

Мальчик, оставшись в большом зале один, сначала оробел и в первые минуты ничего и никого не замечал вокруг. Перед глазами маячила лишь дверь с какой-то зеркальной табличкой и медной ручкой. Из короткого опенения его неожиданно вывел детский голосок, раздавшийся за спиной:

— Папа, это Ленин?

Вася быстро оглянулся и увидел маленькую девочку с кудей косичкой. Она крепко держала за руку высокого офицера с майорскими погонами и смотрела на мраморный бюст.

Вася и сам не заметил, как пошел вслед за офицером и его дочкой, внимательно прислушиваясь к их разговору. Так они переходили из зала в зал, а девочка все допытывалась: — Папа, а это кто, с бородой, как у Калинина? — Это Ковпак! — с достоинством сказал Вася и покраснел.

Николай Петрович и сотрудница музея подошли к Васе. — Это мама... Я вспомнил: это моя мама! — И он схватил полную руку сотрудницы. — Отдайте мне портсигар... Зачем он вам? Отдайте! — Хорошо, Вася, я похлопочу, только ты успокойся, нельзя так... — сказал Николай Петрович и обратился к женщине: — Вы не мог-

Маленькая старушка, вышедшая на стук, подтвердила, что Алексей Алексеевич Рубаник действительно проживает здесь, но он сейчас в отъезде, «командированный», и его комната на замке. — А его семья? — Да он ведь вдовый, — возразила старушка. — Квартирует у нас.

Майор улыбнулся. — Правильно, это Ковпак, командир партизанского отряда. — Партизанского соединения, — счел нужным уточнить Вася. — Правильно, молодец, — похвалил Васю девочкин папа и, еще шире улыбнувшись, добродушно потрепал его русский хохолок. В это время подошел Николай Петрович. Следом мягко ступала в войлочных шлепанцах полная женщина. — Вот он, — сказал Николай Петрович, дружески обнимая Васю за плечи. — Ты Вася Рыбаков? — спросила женщина ласково. — Я. — Ну, пойдём, — кивнула она в сторону широкой двери. Пройдя несколько залов, женщина бесшумно приблизилась к остекленной витрине. — Вот. Вася, рванувшись, поскользнулся на паркете, взмахнул беспомощно руками, но не упал, удержался. Ухватившись за край витрины, он приткнулся к стеклу, за которым тускло поблескивал самодельный алюминиевый портсигар с целлулоидным окошком, из которого выглядывало смеющееся лицо молодой женщины. «Дорогому командиру Рыбакову З. И. от бойцов, в память о партизанских буднях», — беззвучно шевелил губами Вася, прочитывая неровные строки, выцарапанные на крышке в правом нижнем углу. И еще: «Май. 1943 год». Глаза мальчика расширились, русский хохолок сбился набок, кровь отхлынула от щек, пальцы рук судорожно цеплялись за край витрины. — Папа... папа... папа! — неслышно лепетал Вася, и крупные слезы, скатившись по щекам, разбрызгались о стекло витрины. Женщина отвернулась, а Николай Петрович полез в карман за платком. Взгляд Васи вдруг остановился на смеющемся лице, что выглядывало из-за желтоватого целлулоида, и его мальчишеское сердце дрогнуло. Как солнечный луч, в его сознании вспыхнуло яркое воспоминание: над ним склонилось лицо с такими же большими глазами и такой же ослепительной улыбкой, как у этой женщины на снимке. — Мама! — невольно вырвалось у него.

ли бы узнать, кто передал на выставку этот экспонат? Несколько минут спустя сотрудница уже выдвинула из шкафчика узкий ящик. Быстро перебрала несколько карточек, она остановилась на одной. — Вот, — сказала она и, пробежав глазами по мелко написанным строчкам, сообщила: — Портсигар Рыбакова Захара Ивановича доставил в музей вместе с другими экспонатами бывший комиссар партизанского отряда Рубаник Алексей Алексеевич. — А вам известно, где он сейчас живет? — спросил Николай Петрович. — В нашем городе, но где именно, затрудняюсь сказать. Если не изменяет память, он работает секретарем парткома на каком-то предприятии. — Ну, Вася, пошли, — сказал Николай Петрович, записав в блокнот все, что удалось узнать о бывшем комиссаре Рубанике. — А портсигар? — Будет он у тебя, — успокоил его Николай Петрович. — Вот найдем товарища Рубаника, и он обязательно выхлопочет твой портсигар. В гостинице они договорились, что Вася до обеда побудет здесь, в номере, а Николай Петрович за это время быстро управится со своими делами, найдет Рубаника и, наконец, отправит телеграмму Васиной тете, чтобы та не волновалась. — Вот тебе журналы... Я пошел. Улица встретила преподавателя неприветливо: колкий ветер ударил в лицо, поземка неслась и вихрилась по мостовой белесыми струйками. Придерживая рукой шляпу, Николай Петрович поспешил на телеграф. Отправив телеграмму, он в справочном бюро осведомился о местожительстве Алексея Алексеевича Рубаника. Ему сообщили адреса пяти Алексеев Алексеевичей Рубаников, проживающих в городе. Николай Петрович задумался: «На какой же из указанных улиц живет бывший комиссар? Ну, что ж, бросим жребий!» И он, сунув листочки с адресами в карман, вытянул первый попавшийся. — «Улица Луговая», — вслух прочитал Николай Петрович, и улыбка на худощавом лице исчезла. — Это где-то далеко, на окраине, кажется...

— Кем же он работает, бабуся? — Директором каким-то... Наведайтесь завтра, должен явиться. «Не он», — подумал Николай Петрович и потянул из кармана следующую бумажку. — «Транспортная», — прочитал он и тут же остановил свободное такси. На Транспортной проживал словоохотливый пенсионер преклонных лет. Он никак не хотел так быстро отпускать неожиданного гостя и заставил его выкурить с ним по сигаретке, а заодно расспросил, как обстоят дела в ООН. Удовлетворив любопытство пенсионера, Николай Петрович поспешил к третьему Алексею Алексеевичу. Удачно доехав троллейбусом до нужного дома, он постучал в окно. В дверях появилась миловидная девушка. — Алексей Алексеевич Рубаник здесь живет? — Здесь, это мой папа, но он на работе. — Скажите, ваш папа был комиссаром партизанского отряда? — напрямик спросил Николай Петрович. — Нет, не был. — И у девушки лицо приняло беспокойное выражение. — Мой папа — артист. — Артист? — переспросил Николай Петрович, невольно вспоминая Васиного лукавого мордашку, когда он говорил о каком-то «артисте-задавке». Время приближалось к обеду. Надо было спешить в гостиницу. И каково было удивление Николая Петровича, когда в номере он не обнаружил Васи! Обождав с час, Николай Петрович спустился в столовую. «Ну и чудак же, неужели удрал?» Однако Вася не удрал. Он вернулся поздно вечером, когда совсем уже стемнело. Заметив во взгляде Николая Петровича безмолвное осуждение, он виновато произнес: — На выставке был, Николай Петрович... Поиски Алексея Алексеевича Рубаника продолжались и на следующее утро. Однако остальные Рубаники тоже не оправдали надежды: один из них был продавцом гастрономического магазина, а второй — милиционером. Какие только догадки не лезли в голову: «Возможно, справочное бюро не всех Алексеев Алексеевичей Рубаников указало. А мо-

жет быть, нужный Рубаник давно уже выехал жить в другой город?» И вдруг слово «выехал» снова привлекло его внимание к первому Рубанику...

Как и в прошлый раз, дверь открыла маленькая старушка. Она с первого взгляда признала вчерашнего посетителя.

— Приехал Лексей Лексеевич, только на службе он.

— А где ж его служба? — нетерпеливо спросил Николай Петрович.

Старушка пощипала коротенькими сухими пальцами измятый временем подбородок, подперла другой рукой острый локоток, задумалась.

Оглянувшись, она крикнула пронзительным голосом в глубину коридора:

— Митя! Митюшка, поди-ка сюда!

Появился толстенький хлопчик дошкольного возраста и уставился на незнакомца.

— Митюшка, а ну-ка принеси книжку, которую тебе дядя Леша подарил.

Митя скрылся и через минуту притащил изрядно потрепанную книжку с цветными картинками. Старушка взяла ее и протянула Николаю Петровичу.

— Где печатают такие книжки, он там директором.

Николай Петрович схватил книжку и стал искать адрес издательства.

— Так... Ясно. Ну, извините за беспокойство, — заторопился он. — Побегу.

Еще не переступив порога директорского кабинета — только дверь приоткрыл, — Николай Петрович уверился: нашел того, кого искал. За письменным столом сидел пожилой смуглолицый человек в полувоенном костюме защитного цвета. Пестрый набор орденских планок молчаливо напоминал о его боевых заслугах.

Директор издательства приподнял широкие, несколько мохнаты брови: мол, чем могу быть полезным?

— Я к вам по необычному делу, — сказал Николай Петрович и поведал ему все, что знал о Васе Рыбакове и его страстном желании приобрести отцовский портсигар.

По мере того как посетитель, вертя в руках синюю шляпу, рассказывал историю жизни Рыбакова-младшего, смуглое лицо директора становилось сумрачнее и старше.

— Да, это я передал в музей портсигар, — сказал глуховатым голосом Рубаник. И как бы между прочим заметил: — Мне никогда Захар не говорил о сыне, о своих детях вообще: их у него не было. В этом я уверен.

— Странно, — смутился Николай Петрович и умолк.

— А где мальчик?

— У меня в гостинице.

Рубаник снял трубку настольного телефона, отдал какое-то короткое распоряжение и решительно встал.

— Пойдемте.

В гостинице Васи снова не оказалось.

— Я знаю, где он, — сказал Николай Петрович. — В музее.

В вестибюле гостиницы к Николаю Петровичу подошел администратор и сказал, что его ожидает девушка.

С дивана встала высокая, с чистым, порозовевшим от волнения лицом девушка.

— Я Ушакова, двоюродная тетка Васи... Где он? Я приехала за ним.

— Здравствуйте, товарищ Ушакова, — обрадовался Николай Петрович и порывисто схватил ее прохладные руки. — Как хорошо, что вы так быстро откликнулись на мою телеграмму! Знакомьтесь, это Алексей Алексеевич Рубаник, фронтовой товарищ отца вашего племянника.

Рубаник слегка кивнул головой и сказал:

— Это в самом деле хорошо, что вы приехали... Так что же мы остановились? Пойдемте.

Втроем вышли на улицу и некоторое время шли молча. Первым нарушил молчание Рубаник.

— Скажите, — он покосился на девушку, — Вася действительно сын Рыбакова?

— Нет, — спокойно ответила та.

— Гм, — как-то неопределенно протянул Рубаник, и они снова замолчали.

«История!» — думал Николай Петрович, поглядывая на строгий, красивый профиль девушки, на выбившиеся из-под шерстяного платка черные завитушки волос.

— Ну вот, видите, — произнес Рубаник. — Однако не в этом дело. Надо побеспокоиться о мальчике.

Девушка нахмурилась.

— Я поняла вас, — сказала она, смотря прямо перед собой. — Но вы неправы. — Ее лицо приняло особенно строгое выражение. — Сестра была верной подругой Захара.

Лица обоих ее спутников на какую-то секунду сделались похожими: и у одного и у другого растерянная полуулыбка заиграла где-то в уголках губ и в глубине глаз. А девушка продолжала говорить тихо, проникновенно:

— Незадолго перед казнью сестра усыновила грудного ребенка, мальчика-сироту. Ребенка сняли с поезда вместе с умершей в пути матерью. Сестра в то время работала на станции уборщицей, выполняла некоторые поручения партизан. Но вскоре ее выследили. После смерти сестры Вася стал жить у меня. Я решила не говорить ему о его родителях. Зачем? Пусть мальчик знает, что его отец и мать пали смертью героев.

— Понимаю вас, поступили вы правильно, — проговорил Алексей Алексеевич и вдруг в упор спросил: — А как ему у вас живется?

— Я к нему сильно привязана, — быстро ответила девушка. — Одно только меня смущает...

— Что именно? — допытывался Рубаник, взяв ее под руку.

— В сущности, это пустяки, мальчишеская фантазия. Как только Вася стал понимать, что его отец был героем-партизаном, он стал бредить военными. А в один прекрасный день заявил мне: «Отдай меня в суворовцы, не отдашь — все равно убегу». Вот только на этой почве мы с ним не ладим. Зачем ему быть военным? У него есть возможность стать хорошим инженером, например.

— Да-а... — опять протянул Рубаник своим глуховатым голосом. — Вот тут-то вы определенно неправы.

— Я тоже так думаю, вы неправы, — заметил, в свою очередь, Николай Петрович. — Хотя я, можно сказать, сугубо штатский человек.

Наступило молчание, которое уже не прерывалось до самого музея. В вестибюле гардеробщница, узнав Николая Петровича, поспешила сообщить:

— А ваш-то малец снова у нас.

Когда девушка сняла пальто и боты, она показала Николаю Петровичу особенно красивую.

Рубаник привычным жестом военного расправил под ремнем складки гимнастерки, подошел к Ушаковой и неожиданно улыбнулся, от чего смуглое лицо его сразу помолодело.

— Знаете что, уважаемая тетушка, а я во имя дела отобью у вас племянника. Я устрою его в суворовское училище. Ну-ка, где он, этот маленький энтузиаст?

Когда наступил вечер, в небольшой квартирке Алексея Алексеевича за столом распивала чай целая компания. Рядом с хозяином сидел преобразившийся, сияющий Вася, а его тетя, которую все уже называли просто Машей, весело переговаривалась с Николаем Петровичем. Тут же хлопотала с круглым и

зеленым, как арбуз, чайником маленькая сутелливая старушка, в ногах которой все время путался ее внучек Митя.

Все уже было решено: завтра Вася отправляется с Алексеем Алексеевичем к начальнику суворовского училища.

— Ты не подведешь меня? — спрашивал Алексей Алексеевич Васю, теребя его непослушный хохолок. — Там ведь военная дисциплина.

— Честное пионерское не подведу! — сказал Вася.

Минула еще одна ночь, и Вася Рыбаков стал суворовцем. Так неожиданно изменилась судьба мальчика.

— А я его сразу признал, — улыбнулся майор-воспитатель. — В музее встречались... Не так ли, воспитанник Рыбаков?

— Так точно, товарищ майор! — по-солдатски ответил Вася и покраснел до корней своего русого хохолка.

Майор улыбнулся: ему определенно нравился этот бойкий паренек.

— Ну, воспитанник Рыбаков, прощайтесь, нам пора.

Вася подошел к Маше. Девушка разволновалась, нагнулась к племяннику, а тот, обхватив ее за шею, зашептал на ухо:

— Тетя Маша, не надо на меня сердиться... Девушка не выдержала и заплакала.

— Главное, чтоб учился прилежно, — промолвила она, целуя мальчика. — Чтоб ты был таким же честным, как твой отец, как мама...

— Буду!

Повернувшись к Николаю Петровичу, он несколько мгновений смотрел на него сияющим взглядом и, шевельнув губами, хотел что-то сказать, но из этого ничего не вышло. Тогда он вскинул ручки, приподнялся на цыпочках и, обхватив его за шею, громко, подетски чмокнул в жесткую щеку.

— Вася, а ну-ка подойди теперь ко мне, — сказал Алексей Алексеевич и, запустив руку в карман, достал алюминиевую коробочку. — Возьми эту вещицу в память об отце-герое. — Спасибо, — тихо сказал Вася, с благоговением принимая заветный портсигар.

А минуту спустя он шел со своим воспитателем по длинному коридору туда, где началась его новая жизнь.

И. П. Бардин по-прежнему неутомимо ездит и по родной стране и за ее рубежи. Дела металлургии привели его осенью текущего года в поселок Абаза. Академика встретили старые горняки, отец и сын Омановы.

Вас. ЗАХАРЧЕНКО

МЕТАЛЛУРГ ИВАН БАРДИН

«Оглядываясь назад, я вижу мою жизнь как бы разделенной огненной чертой революции на две части. Первая — дореволюционная — представляется мне каким-то топтанием на месте... Все кругом оставалось по-прежнему: продвигаясь, я только заменял выбывавших товарищей...

Вторая половина — это движение вперед, со все нарастающей скоростью гигантского корабля советской металлургии, стремительное движение вперед всего нашего великого государства. Творчески участвовать в этом движении вперед — основа жизни, цель жизни, ее смысл и счастье».

Несколько лет назад в своем обращении к молодежи академик Иван Павлович Бардин произнес эти слова. Да, за спиной его огромная, беспокойная жизнь, полная творческих тревог, радостей побед и горечи неудач, — жизнь простого русского человека, сына саратовского крестьянина.

Ивану Павловичу Бардину 75 лет. Но когда глядишь на его энергичное лицо, когда знакомишься с его неиссякаемой деятельностью, невольно начинаешь верить в то, что жизнь человека в труде, в движении — вечно молодая жизнь.

— Я никогда не любил сидеть за столом, — говорит Бардин.

Этим летом я случайно встретил Ивана Павловича на аэродроме в Праге. Чуть похудевший и загорелый, он выглядел еще более помолодевшим.

— Откуда вы, Иван Павлович?

— Из Индии. Ездил на строительство металлургического завода.

После этого Бардин уже побывал в Сибири, был на юге страны, на ее металлургических комбинатах. Стремительный, увлекающийся, он все время находится в движении, в творческом волнении человека, ответственного за фундамент нашей промышленности — за металл.

Как-то в разговоре Бардин сказал:

— Кое-кто в наш век хочет похоронить железо. Еще бы, в промышленности пришли алюминий, пластмассы... Все это хорошо. Но железо есть и будет оставаться основным материалом в технике. Его добывают в мире в 100 раз

больше, чем меди, в 20 раз больше, чем всех прочих металлов. А ведь железо — еще очень молодой металл. Да, да, именно молодой. — Прищуренные глаза Бардина сияют какой-то внутренней искрящейся усмешкой. — Ведь всего лишь 100 лет назад железо стало по-настоящему доступным человеку. А советская металлургия и того моложе.

Недавно, копаясь в старом архиве фотографий, связанных со становлением советской промышленности, я натолкнулся на одну из них. Бескрайняя, почти ровная степь, отороченная у горизонта грядой холмов. Ни домика, ни дымка. Две землянки справа. На крыше одной из них сидит парень с баяном, и маленький ребенок застенчиво улыбается у дверей. Ни фотограф, случайно запечатлевший эту степь, ни главный инженер строительства Кузнецкого комбината Иван Павлович Бардин не могли представить себе всего величия событий, которые свершатся в этой степи. Здесь в течение тысячи дней был воздвигнут гигантский комбинат по производству металла — Кузнецкий металлургический. Это были трудные дни 1929 года. Страна еще не имела ни механизмов, ни техники, ни опыта. Проектировать комбинат помогали американские инженеры.

— Вы спрашиваете, что я считаю самым существенным в своей жизни? — говорит академик Бардин. — Конечно, строительство Кузнецкого комбината. Восемь с половиной лет я провел на нем. И когда в 1932 году меня выбрали академиком, у меня ведь почти не было печатных трудов. Самым большим произведением нашего творческого коллектива был Кузнецкий комбинат. Его домны и цеха врублены в родную землю на века. Может быть, они-то и заменили многие не написанные мною книги.

Да, Кузнецкий комбинат — это великое произведение советской эпохи. Разве можно забыть, как зимними днями, в сибирскую стужу комсомольцы Кузнецка вручную рыли котлованы под будущие здания? Разве можно выгравить из памяти нашего поколения торжество первой плавки?

— Я только что видел строительство большого металлургического завода в Индии, — рассказывает Бардин. — Оно осуществляется по проекту и под руководством советских специалистов. Цеха возводятся под знойным небом, на стройке есть механизмы. Как все это далеко от памятных дней Кузнецка! Именно там, в Индии, мне хотелось еще и еще раз сказать: слава русскому народу! Слава!..

Сейчас, когда в нашей стране работают атомные электростанции, когда созданы спутники, когда по основным показателям Советский Союз выходит на ведущее место в мировой науке и промышленности, хочется мысленно представить себе гигантский путь, пройденный нами за какие-то двадцать пять лет со дня пуска Кузнецкого комбината. В те годы мы учились у американских инженеров. Сейчас советские металлурги сами строят и проектируют металлургические комбинаты не только для себя, но и для своих друзей. А ведь за это время страна наша прошла великое испытание Отечественной войны. Об этом периоде Бардин говорит:

— Я вспоминаю в таких случаях старинную поговорку: деньги потеряны — ничего не потеряно; здоровье потеряно — много потеряно; мужество потеряно — все потеряно. Мы никогда не теряли мужества.

Несмотря на все разрушения, которые принес нам враг, несмотря на то, что большая часть металлургической промышленности была захвачена противником, советские люди не теряли мужества. Промышленность Урала и Сибири держала на своих плечах в ту пору основную тяжесть производства металла. И не случайно сразу же после окончания Великой Отечественной войны Ивану Павловичу Бардину за выдающиеся заслуги в проектировании, строительстве и освоении крупнейших металлургических заводов и за научные достижения в области черной металлургии было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сегодня Бардин мечтает о будущем. Он смотрит в грядущее глазами ученого. Темпы развития

не те, что были когда-то. Возможности науки и промышленности тоже резко изменились.

— Вы спрашиваете меня о перспективах металлургии, — взволнованно говорит академик. — Это большая тема. В наше время научная диспозиция меняется непрерывно. Ведь до последних лет развитие металлургии шло по линии увеличения количества и размеров агрегатов. Только в этом году в строй вступил целый ряд новых высокопроизводительных доменных печей: Днепропетровская, Ждановская, Енакиевская, Криворожская. Среди новых домен есть, например, Челябинская — крупнейшая не только в нашей стране, но и в Европе. Это, конечно, рост несомненный. Но, говоря о будущем, надо смотреть далеко вперед, следует ждать скачкообразного перехода на новую технологию добычи железа, принципиально новую.

Как-то один из моих зарубежных коллег, Эрл Смит, сказал мне: доменная печь — это жернов, привешенный на шею человечества за то, что мы пренебрегли в свое время научным исследованием. В этих словах есть суровая доля правды. Надо искать новых путей, широчайшим образом развивая старые методы производства чугуна и железа. Мы задумываемся сейчас о бездомном процессе. Он допускает возможность получать железо непосредственно из руды, обходя сложные и дорогостоящий процесс домны и мартена. Мы занимаемся бесслитковой прокаткой металла. Новая технология и здесь сулит большие преимущества. Мы внедряем в металлургию кислород. Это значительно повышает производительность печей, революционизирует старые процессы производства металла.

Партия ставит перед металлургами большие и ответственные задачи. XXI съезд партии откроет новые перспективы роста страны, благосостояния народа. Велика мощь человеческого разума, велико напряжение народов социалистических стран, народов-созидателей. Огромное удовлетворение охватывает тебя, когда ты знаешь себя участником этого свободного созидания...

БОГАТА ЗЕМЛЯ ПОЛЬСКАЯ!

Беседа с директором департамента промышленной геологии Центрального геологического управления Польской Народной Республики тов. Марианом АКСТОМ

В самом сердце Варшавы возвышается большое красивое здание. Там трудится боевой коллектив людей, которым народ поручил заботу о богатствах польской земли, раскрытие тайн ее недр. Возглавляющий эту работу инженер М. Акт рассказывает:

— Быстрое развитие химической промышленности в XX веке в значительной мере было основано на использовании серы. Добыча серы началась еще в незапамятные времена: первое летописное упоминание о сере, добываемой в Европе, появилось более чем тысячу лет назад.

В современной экономике сера находит широчайшее применение. Без преувеличения можно сказать, что она кормит, одевает и защищает нас. Почти половина добываемой серы перерабатывается в искусственные удобрения, или, как говорят, превращается в наш хлеб насущный. Значительная доля применяется в промышленности искусственного волокна, без которого теперь трудно представить себе современную швейную промышленность. Наконец, сера — важное сырье для производства взрывчатых материалов. Она же имеет немалое значение в производстве цветных металлов, стали, в нефтяной промышленности, фармакологии, в строительном деле.

Не приходится поэтому удивляться, что промышленные предприятия всего мира «съедают» ежегодно около 7 миллионов тонн серы. Считается, что к 1965 году мировое потребление чистой серы возрастет до 11,5 миллиона тонн. Самыми «богатыми» владельцами серы считались до сих пор Мексика, Советский Союз, Соединенные Штаты, Италия, Япония. Сейчас в этот список вошла Польша.

В настоящее время подсчитано, что на территории Польши находится 21,7 процента мировых запасов серы. Но я хотел бы подчеркнуть, что цифра эта не окончательная: мы неустанно ведем поиски новых залежей, и я уверен, что они изменят эту цифру в сторону увеличения. Правда, эти исследования требуют большого труда и затрат: мы уже «накрутили» более 35 километров буровых скважин! Выразаясь военным языком, мы сейчас ведем на серу настоящие фронтальные атаки.

Позвольте на минуту вернуться к истории. Серный рудник под Краковом существовал еще в средние века. Однако в прошлом столетии от его эксплуатации отказались. Ежегодная добыча не превышала и тысячи тонн. Были у нас рудники и поменьше, но их окончательно за консервировали в 1921 году.

Сейчас наша задача — создать в ближайшие несколько лет польскую горнодобывающую промышленность, способную производить около миллиона тонн чистой серы в год. Это дало бы нашей национальной экономике около миллиарда злотых годового дохода.

Крупные капиталовложения в серную промышленность должны окупиться в последующие десять лет с начала строительства, то есть еще до конца использования отпускаемых средств. Как выразился один из польских специалистов, «развивать производство серы надо так,

В семье социалистических стран

чтобы обеспечить не только наши потребности, но и потребности дружественных нам народов».

Пока что Польша ввозит серу для своей бурно развивающейся химической промышленности, но скоро роль эта переменится, и мы сможем экспортировать свою серу даже в... Сицилию, где залежи серы исчерпываются. Уже в будущем году польские серные копи дадут нам около 30 тысяч тонн отечественной серы, а в 1965 году — 350 тысяч тонн, то есть больше, чем сегодня добывают в Сицилии, этом классическом районе серы.

Для народной Польши серная промышленность имеет еще и другое весьма важное значение. Она возникает как раз на тех территориях, где царил исключительная нужда и отсталость, — на границе Келецкого и Жешувского воеводств. Столетия подряд люди покидали этот край, где земля почти бесплодна и никакой промышленности не было и в помине. Именно на недра этих районов уже давно обратил внимание выдающийся польский геолог профессор Станислав Павловский. Этот 45-летний ученый еще до войны тяжелым трудом добыл необходимые знания. Сейчас он один из непререкаемых авторитетов в области геологии. Его исследования этих районов, о которых старинная легенда говорит, что сатана нарочно засыпал их песком, дали блестящие результаты: открытие серных залежей.

Важную роль в этой, полной ярких драматических эпизодов борьбе за польскую серу сыграли советские ученые. Их коллектив, руководимый заместителем председателя комиссии по горным ресурсам СССР тов. Любимовым, очень помог польским ученым в выработке общего направления работ. Как пример, укажу на то, что именно их мнение повлияло на решение о добыче серы в Польше открытым способом.

В заключение, отвечая на вопрос о том, что польские геологи имеют еще в своем «портфеле» для отечественной экономики, я мог бы сказать следующее.

В наших планах теперь появилось новое сырье — медь. Да, именно медь, и именно в Польше! В Зеленогурском воеводстве (Западная Польша) в последнее время открыты залежи меди, имеющие также мировое значение. Правда, у нас еще мало документации и цифр, но, по моему мнению, это открытие поставит Польшу в один ряд с такими могущественными обладателями медных залежей, как Соединенные Штаты, Чили, Советский Союз и Родезия.

Как видите, к празднику всех прогрессивных людей — годовщине Октября — мы, как и наши советские друзья, пришли с определенными победами, которые послужат делу укрепления народной Польши.

Беседу вел Люциан ВОЛЯНОВСКИЙ.

Польский геолог профессор Станислав Павловский.

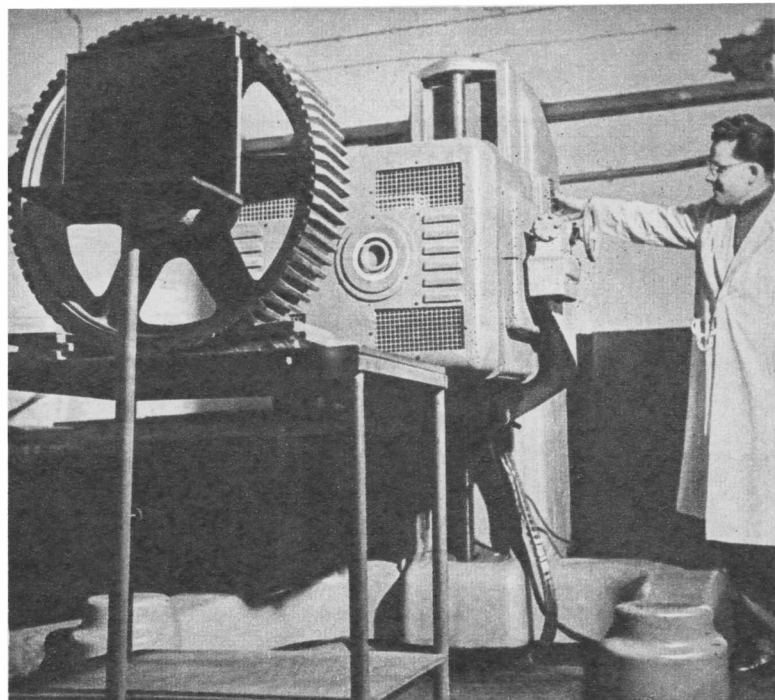

Фото Петра Зора.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ БЕТАТРОН

Ева ЕЛИНКОВА

На Международной выставке в Брюсселе можно было видеть тысячи замечательных вещей. Экспонаты вызвали восхищение, удивление, восторг, но общее мнение единодушно выделило четыре лучших: модели советских спутников Земли, английское искусственное сердце, американскую циркораму и чехословацкий бетатрон.

Посетитель чехословацкого павильона, взглянув через специальное стекло в бетонированную камеру, видит двухметровую массивную подставку и укрепленную на ней странного вида тяжелую коробку с круглым иллюминатором.

Для чего служит эта установка?

Вот перед посетителем загорелся экран телевизора, и на нем возникло колесо турбины, пронизанное гамма-лучами. Это действует чехословацкий бетатрон.

Сердце бетатрона — кольцевая вакуумная камера. В нее от раскаленной нити влетают электроны. Движение в камере постепенно ускоряется. Понятие «постепенно ускоряется» весьма относительно. «Постепенно» — это 0,002 секунды. За это мгновение электроны проделывают в камере 2 миллиона оборотов, что равняется расстоянию в 500 километров. Их скорость почти равна скорости света.

Если на пути вращающихся электронов поставить некое препятствие, возникает гамма-излучение. Это излучение обладает большой проникающей способностью. Гамма-лучи опасны. Они могут принести вред здоровью человека, поэтому установка и обнесена толстыми стенами и стеклами.

Но гамма-лучи могут приносить огромную пользу как раз там, где иные средства бессильны.

Вот изготовлено рабочее колесо паровой турбины. Необходимо узнать, нет ли в отливке трещины: колесо подвергается огромному давлению, и даже маленький брак может принести здесь непоправимый ущерб. До сих пор используется для просвечивания таких отливок промышленный рентген. Но его контроль практически кончается там, где толщина детали достигает 10 сантиметров. Стенки парового котла, скажем, бывают 15-сантиметровой толщины, и их проверка рентгеном длилась бы несколько месяцев. Бетатрон же «просвечивает» гамма-лучами бетонную стену толщиной до 40 сантиметров моментально.

Это не единственное применение бетатрона. Он может служить для лечения злокачественных опухолей, стерилизации продуктов, при производстве пластмасс и для многого другого.

Однако почему в Брюсселе именно к бетатрону было приковано такое внимание?

И сейчас еще на Западе можно услышать рассуждения, будто с тех пор, как в Чехословакии власть перешла к народу, все пошло прахом.

И вдруг на Международной выставке наша страна экспонирует прибор, который до сих пор был по плечу лишь таким странам, как СССР, США, Англия и Западная Германия.

И эта установка вся, до последнего винтика, до хитроумнейшей электронной техники, построена в Чехословакии руками наших рабочих, мыслью наших ученых.

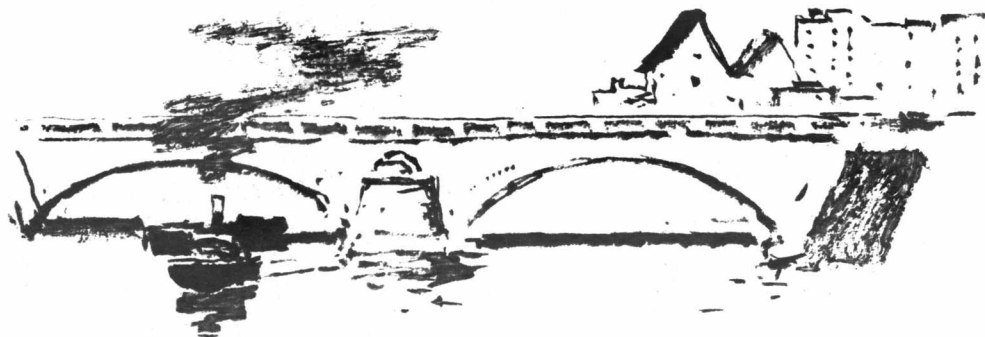
Три года над бетатроном работала группа инженеров и техников Пражского исследовательского института вакуумной электротехники, награжденная за свое детское орденом Труда.

Чехословацкий бетатрон будет служить не только научно-исследовательским целям. Он поступает в серийное производство.

Мосты

Из новой книги стихов

Михаил ДУДИН

* * *

На память Елене Крачковской, автору песни о Варшаве.

Мотив у песни чист и прост,
Слова приходят сами:
«Направо — мост,
Налево — мост,
И Висла перед нами!»

По берегам ее трава
Или песок шершавый.
Летят, летят,
Летят слова
Над новою Варшавой.

Я здесь, в Варшаве, не бывал,
Но не забавы ради
Я слышал их
И сам певал
В Москве и Ленинграде.

Прямее делалась спина,
Уверенней походка,
Пьянила
Медленней вина
Хорошая находка.

Варшавских улиц предстает
Сегодня перспектива,
Как продолжение,
Как полет
Знакомого мотива.

Поэты шлют, в словах просты,
Друг другу песни-вести
И строят
Общие мосты
Для будущего вместе.

БЕРЕЗКА В РОСТОКЕ

А. Попову.

Веселая, в рубашке белой,
Одна под эти небеса,
Как далеко ты залетела,
России милая краса!

И сразу стало чище, проще,
Я в этом мире не один:
Шумят зеленым ветром рощи
Моих березовых долин.

Леса Поволжья и Сибири
В сверканье позднего огня.
Вся необъятность звездной шири
Опять заполнила меня.

Руки спящего в неапольском порту грузчика

Неповторимая картина!
Как будто сон во сне, ясна
Чистейшего ультрамарина
Прозрачная голубизна.

Все в голубиной глубине тонет,
Дрожит и тает впереди.
Он сладко спит сейчас, ладони
Скрестив на выпуклой груди.

Наверное, ему досталось.
И вот у солнца на виду
Он спит, как спит сама
усталость,
Как подобает спать труду,

Без сновидения, без муки,
Весь — ожиданье перемен.
Я вижу только руки, руки
В переплетенье синих вен,

И ногти крепости слоновой,
И пальцев грубые узлы...
Что ждут они? Работы новой.
Они добры, они не злы.

Они в пыли, в мазуте, в пепле,
В мозолях верности труду.
Но перед ними солнце
слепнет —
Идет у них на поводу.

Спят, как изваянные боги,
Как после подвига герой.
...В кафе под тентом у дороги
Пируют янки. Пир — горой!

На смех утробный, на слезу ли
Зовет охрипший саксофон.
...Спит грузчик — так, как спит
Везувий,
И чутко слушает сквозь сон,

Как море тихо входит в лепет
Волною мелкой у стены.
...Он кой-кому по морде вlepит
И вытерт руки о штаны.

И, ЗНАЧИТ, ЖИЗНИ НЕТ КОНЦА!

Мир уходящий бесшабашен,
Живуч и липок, как полип...
И для меня он тоже страшен,
От водородной бомбы гриб.

И до меня доходят звуки —
Далеких звезд вселенский гул.
Но не могу, поднявши руки,
Кричать от страха «Караул!».

Не для того меня учила
Жизнь на железе и огне,
Не для того она вручила
Живую мысль и душу мне.

Не для того я шел на Зимний,
Чтоб, пеплом в космосе пыля,

Летела в похоронном гимне
Людская родина — Земля,

Где мне осталось столько дела,
Что некогда поднять лица;
Где мысли вечной нет предела
И, значит, жизни нет конца;

Та, где я степи резал плугом,
Где хлеб растил на целине;
Где проходила росным лугом
В ромашках женщина ко мне;

Где песни петь, где славить
стоит

Души открытой красоту;
Где, в самом деле, все пустое
Летит бесследно в пустоту.

Я второго солнца не хочу

Мне опять приснилась Хиросима,
Взрыва оглушительный удар.
В темноте гудел невыносимо
Душу расплавляющий пожар.

Я проснулся. Вышел. Сиротливо
Чайка прокричала над кормой.
Глубина Бискайского залива
Поднималась медленной волной.

Шла волна. И, выгибая спины,
Словно черти за ее пятой,
Пьяные от скорости, дельфины
Вылетали черной запятой.

Соразмерив четкое движение,
Вылетали, глубину прорыв,
В воздухе на малое мгновенье
Плавниками задержав порыв.

Шел ко мне, качал меня и нежил
Радости певучий океан!
Я еще таким порывом не жил,
Этой страстью не был обуян.

А потом веселое светило,
Каждой капле выдав по лучу,
Океан до края осветило.
...Я второго солнца не хочу!

СТИХИ О НЕОБХОДИМОСТИ

На тихих клумбах Третьего-парка
Могила в торжественном покое
Давно горят светло и ярко
Пионы, астры и левкой.

И, за судьбу земли спокоен,
Ее простор обозревая,
Стоит под солнцем русский
воин,
Ребенка к сердцу прижимая.

Он родом из Орла или Вятки,
А вся земля его тревожит.
Его в России ждут солдаты,
А он с поста сойти не может.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ВОЛГИ

*О Волга!.. Колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?*

Н. А. Некрасов

ПО РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Ник. КРУЖКОВ

Фото С. ФРИДЛАНДА.

Костромичи

Наш трехпалубный дизель-электроход «Ильич» подошел к Костроме в нежаркий сентябрьский полдень, когда солнце, только что выбравшись из туч, нехотя пролило свет на древний город, разбросало золотые блики по волжской глади и снова спряталось в пелену облаков. Это была первая наша остановка. Углич, Рыбинск, Ярославль остались позади.

Какая же ты стала, старенькая Кострома? Изменился ли твой облик? Запомнилась ты мне тишиной своих улиц, поэтическими садами, златоглавьем Ипатьевского монастыря да еще — чего греха таить! — своим неустройством, пылью...

Почему-то раньше было так, что волжские города стояли к реке спиной, сбрасывали к берегам пестрядь маленьких домишек, сараев, лабазов. Вокруг пристаней, как раз там, где открывалась красота волжских просторов, всегда лежали горы всякого хлама, грязь покрывала булыжные мостовые. Теперь города поворачиваются лицом к Волге.

Вот и Кострома повернулась к реке: набережная, которая припоминалась в прежней неприглядной разоренности, теперь радовала глаз чистотой, цветами, уютом.

Мы поднялись вверх по крутой улице и увидели город — живой, шумный, деятельный. Автобусы, такси, грузовые машины шли во все концы, тротуары были полны народу; новые дома отодвигали своими широкими плечами старые, провинциальные домики; у грузных старинных торговых рядов зеленели деревья — появился веселый сквер. Мы пошли в сторону и увидели улицы, перерывы вдоль и поперек: здесь проводили водопровод, заливали мостовые асфальтом. В разных концах города протягивали свои железные лапы краны; у вокзала стоял целый квартал новых домов,

среди которых высилось почти готовое здание большой гостиницы; немного проехали дальше и увидели строящийся стадион.

Напряженно работали старые и новые льноткацкие фабрики, высились машиностроительный завод, раскинулась далеко в стороны судостроительная верфь. Нет, совсем не малый город увидели мы!

...А где же речка Кострома, куда она делась? Горьковское море подперло Волгу своим разливом. Кострому пришлось перекрыть дамбой и вывести ее к селу Саметь.

Костромичи с гордостью расскажут вам о старине: о том, как костромское ополчение прогнало поляков в 1609 году, об Иване Сусанине, подвиг которого вдохновил великого Глинку, о работах большесольских мастеров резьбы по дереву, украсивших бессмертными произведениями искусства Троицкий собор Ипатьевского монастыря. Они расскажут вам и о делах нынешних, о красносельском ювелирном промысле и тамошних народных художниках-умельцах; с готовностью поведут вас на областную сельскохозяйственную и промышленную выставки, где вы увидите воочию плоды трудов костромских колхозников, продукцию костромской промышленности: льняные ткани, машины, водометные катеры, экскаваторы. И, рассказав обо всем, непременно добавят бокающим своим говорком: «Хороша наша Кострома, вот приезжайте через два года — будет она еще лучше». Эта убежденность в непреклонном и неостановимом движении к лучшему — характерная черта жителей города, стоящего на русской земле более 800 лет и вместе с тем обновляемого, растущего.

Побывали мы на одном из старейших предприятий Костромы —

льнокомбинате имени Ленина. Семьдесят пять тысяч метров льняной ткани в сутки дает комбинат.

Если бы фабриканты Кашины посмотрели теперь на свое «фамильное» предприятие, они бы рот раскрыли от изумления: отлично управлялся рабочий класс без былых хозяев!

Показывала нам комбинат Галина Павловна Чумакова — секретарь парткома, в прошлом рядовая прядильщица, женщина средних лет, с лицом волевым и сильным. В цехах все ее знали, она знала всех.

Чумакова рассказала нам о том, как комбинат завоевал первое место среди предприятий области, о механизации вспомогательных работ, о выставке книг для рабочих в научно-технической библиотеке, о жилищном строительстве. Рассказ ее был суховат, изобилдовал цифрами, но за каждой цифрой ощущалось биение пульса творческой жизни десяти-тысячного коллектива комбината. Костромские ткачи! Своими руками они создают славу городу, справедливо именуемому льняной столицей.

— План 1958 года мы выполним

к 13 декабря! — сказала Галина Павловна твердо и решительно.

...Выехали мы из города, покатались на Галич — дорога отменная, асфальтированная, обсаженная столетними березами, — и развернулась перед нами тихая, ласковая красота костромской земли. То густой еловый и сосновый борок погрозит своими ветвями с крутого косогора, глядячи в сонные воды крошечной речки Покши, то возникнет березовая роща — светлая, веселая в своем желто-оранжевом осеннем убранстве, то разбежится поле, уставленное льняными валками, а потом сменит его яркая зелень луга, на котором пасется добрый нагульный костромской скот.

По такой дороге и приехали мы в большое старинное село Красное, прозванное так за свою красоту, где живут замечательные народные умельцы-ювелиры.

Познакомились мы здесь с Платоном Алексеевичем Волковым, тонким знатоком промысла. Почти всю свою жизнь проработал он в Красном — мастером, инструктором.

Платон Алексеевич Волков — хранитель музея в селе Красном.

Караваевские коровы.

ром в училище и, наконец, хранителем музея.

Мы увидели перед собой старого человека с тихой, неторопливой речью и усталым взглядом. Но глаза его загорелись живым огнем, когда он заговорил о любимом деле:

— Старинный наш промысел. Почитай, уже лет триста ему будет. От отца к сыну, от дедов к внукам переходит это искусство. Шестьдесят лет тому назад числилось у нас 1700 кустарей, в 1915 году их было уже около 6 тысяч, и перерабатывали они до 2 тысяч пудов серебра в год. В настоящее время пять артелей и десять промколхозов занимаются этим делом, а всего 4 тысячи человек. Как видите, промысел наш по сравнению с прежними годами упал. Завалили нас валом — валовой продукцией — числом побольше, да видом попроще: ложки да подстаканники, в них особой красоты нету. После войны снова вспомнили о нас, понадобилась победившему народу красота искусства. В 1938 году дали мы всего изделий на 11 миллионов рублей, в 1957 году — на 61 миллион. Но и это, я считаю, мало. Финифть мы совсем забросили. Знаете, что такое финифть? Это изделия с перегородчатыми и живописными эмальями, требуют они истинного вдохновения и тонкого понимания. Вот полюбуйте этой вазой. Да ей цены нет, если хотите знать! Можем сделать такую красоту? Можем! Умельцы наши все могут. На весь свет могут прославить Россию! Сейчас за нас взялись, дают большие средства — это очень хорошо. Мы оплатим сторицей. Говорят нам: поднимайте художественное качество. Да за нами дело не станет! Говорят: доведите выпуск изделий до 150 миллионов рублей в год. И доведем, будьте покойны, костромские мастера себя покажут! Ведь без красоты человек жить не может!

Старик повел нас в музей, где хранятся образцы лучших работ красносельских умельцев. И возле каждого экспоната он стоял подолгу, разглядывая тонкость изделия, любясь и радуясь. И мы радовались вместе с ним — это действительно была выставка народного таланта, где все искрилось, блистало, сверкало, поражаало изяществом мастерства. Вот такая она, Кострома!

...На широченном лугу паслись коровы, одна к одной, с царственной осанкой, рослые, могучие, одинаковой бело-серооливой масти. Они двигались неторопливо, солидно, с сознанием собственного достоинства.

Кто не знает знаменитого совхоза «Караваево», где за тридцать примерно лет выращена костромская порода скота, которую считают самой молочной в мире! Кто не знает этого совхоза, среди работников которого тридцать девять Героев Социалистического Труда, из них шесть — дважды! Кому не известно имя Станислава Ивановича Штеймана, зачинателя этого дела, творца костромской породы коров, в прошлом скромного зоотехника, ныне доктора сельскохозяйственных наук!

Станислав Иванович, семидесятилетний суховатый, подтянутый человек, встретил нас радушно и приветливо. Он познакомил нас со своей дочерью Полиной Станиславовной, тоже зоотехником, награжденной двумя орденами Ленина, и сказал:

— Мы животноводы из поколения в поколение.

Станислав Иванович показал нам на небольшие домишки, прикрывшие у края совхозной территории.

— С этого начинали, а теперь — поглядите-ка!

Перед нами лежал целый городок с большими домами, уютными коттеджами, клубом, столовой, обширными помещениями ферм.

— Скоро к нам, в Караваево, переведут из Костромы сельскохозяйственный институт, он и называться будет Караваевский. Ближе к жизни, это хорошо... Начали с малого, а получилось большое. Трудности? Конечно, было всякое. Самая большая трудность — неверие людей. Не верили, что удастся вырастить новую породу коров с максимальной продуктивностью. «Этот латыш — явный фантазер!» — говорили про меня. Да, я родом из Прибалтики, но чуть ли не всю жизнь прожил здесь, под Костромой. Хорошая сторона, полюбил я ее! Сколько дают коровы молока? Да вот наша славная Гита по второму отелу дала 14 тысяч литров. Посетил недавно совхоз один европейский ученый и сказал: «Самые сильные впечатления в Советском Союзе я получил, побывав в Кремле и в Караваево»... Вот она какая, Кострома!

сок? Плавню несет свои струи Волга. Горьковское море, силу которого мы воочию увидели еще у Костромы, подняло реку, придало ей мощь, величие. От Юрьевца легла уже истинно морская гладь, глаз еле-еле различал противоположный берег. Еще бы! Пять московских морей можно запросто разместить в границах моря Горьковского. Бьет короткая злая волна о борт нашего «Мельникова-Печерского», чайки кружатся над мачтой, «морской» ветер треплет флаг...

Знамениты здешние места: в Василёве, которое называется ныне Чкаловском, родился Валерий Павлович Чкалов, великий летчик нашего времени, работал молотобойцем в судоремонтных мастерских и кочегаром землечерпалки. Недалеко отсюда — древний Городец, жители которого издавна известны были многими искусствами: строили отличные парусные суда — расшивы, дивной прочности баржи; кружева работы городецких мастериц славились на всю Россию, равно как и местные пряники, вкусом своим соперничавшие с тульскими и вяземскими; городецкие резчики по дереву были нарасхват по всей Волге: делали они замечательной красоты ставни, наличники, «причалины», украшали их глухой резьбой, фризом с «фараонкой» — изображением речного божества...

В этих-то местах и встала Горьковская ГЭС, ради которой легло в своих широких просторах Горьковское море, посылая мощные водные потоки к турбинам гидроэлектростанции. Восемь турбин обладают мощностью в 400 тысяч киловатт. Годовая выработка энергии Горьковской ГЭС превышает 2 миллиарда киловатт-часов, больше выработки всех электростанций дореволюционной России. В Горький, Иваново, Ярославль, Москву посылает станция свою энергию.

Эта электрическая сила, созданная человеком, все преобразует вокруг. Играет на солнце своими белыми, чистыми коттеджами городок Заволжье — поселок гидростроителей и энергетиков. Он еще называется поселком, но ведь это настоящий город с просторными асфальтированными улицами, стадионом, Домом культуры, школами, больницей, гидроэнергетическим техникумом...

Нам показывала электростанцию молодой инженер Валентина Николаевна Гонина.

— Конечно, очень радостно видеть свою работу законченной. Нелегко было, но ведь в преодолении преград и выковывает человек свою силу... Знаете, что случилось здесь весной 1955 года при постройке шлюза № 14? Паводок был огромный. Вода, прорвав перемычку, с высоты пятиэтажного дома хлынула в котлован. Мешки с песком и це-

ментом, камни, бревна — все было брошено в промоину. Сотни самосвалов, бульдозеров, собранные со всего строительства, возили и сгребали грунт, наращивая перемычку. Двое суток, не щадя жизни, люди боролись с аварией и спасли все-таки котлован шлюза. Может быть, следовало бы здесь установить мемориальную доску? Да нет, лучшим памятником труда гидростроителей является вот эта ГЭС. Мы все ее любим, как свое детище.

Разыгрался ветер, волна захлопала по Горьковскому морю, шли паромы по морю, спускались в шлюзы и направлялись один за другим к Горькому; он еще не был виден, но дыхание его уже ощущалось. Может быть, недалеко то время, когда древний Городец и новый поселок Заволжье, сейчас разделенные рекой, сольются вместе и двинутся навстречу Горькому.

Первый раз я был в Горьком более тридцати лет назад. Помнится, паром наш пристал к нижегородскому дебаркадеру на рассвете. Проснулся я от песни, извечной песни волжских грузчиков, состоявшей из нескольких слов:

А ну, еще! Сама пойдет.
А вот еще! Сама идет.

Песня разливалась лихо, с веселым перебором. В ритм этой песни ладно и быстро работали люди. Два, а то и три куля муки брал грузчик на спину и по дрожащим сходням взбегал на паром. По бульварной мостовой грохотали телеги. Лавочки, сараи, лабазы лепились к берегу. Через Оку, к Канавину, шел деревянный плашкоутный мост. У пристаней толпились народ разных степеней оборванности. На каменной стене Софроновского съезда бросалась в глаза надпись: «Чаль за кольца, решетку береги, стены не касайся».

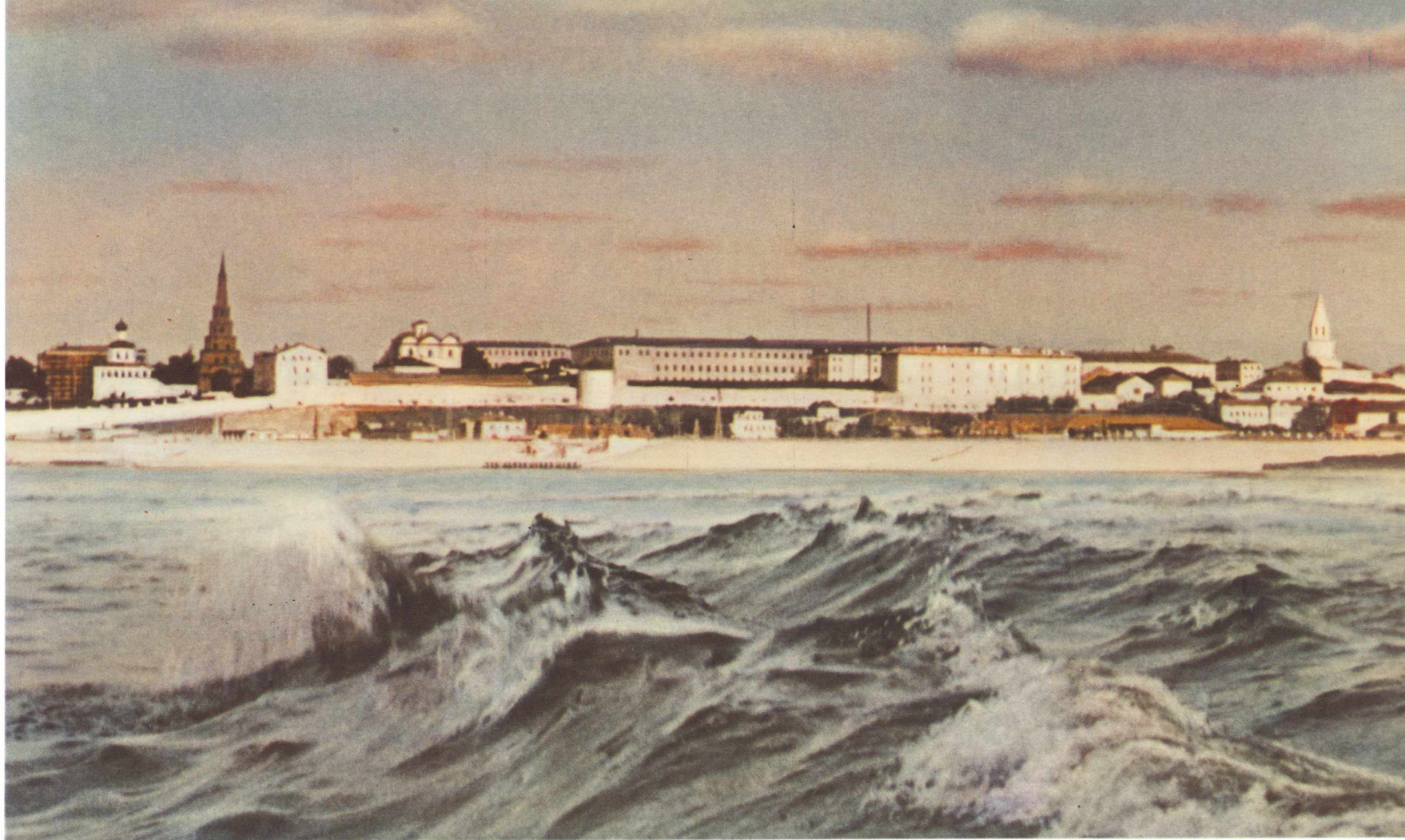
Город и тогда был красив своей живописностью, но вместе с тем это был типичный провинциальный город: с запущенными улицами, пыльными площадями, кривыми, крутыми съездами к реке. Еще и в помине не было автозавода, только старое Сормово дымил вдали, а все население Нижнего Новгорода вряд ли превышало население нынешнего автозаводского поселка. По Волге медленно тащились баржи, шлепали колесными лопастями грузовые паромы, среди которых самым большим был «Редедя» — сейчас он выглядел бы музейным экспонатом.

Мы увидели перед собой как будто другой город. Древний кремль, почти полностью реставрированный, блещущий несравненным изяществом своих линий, лежал на холмах. Разросшийся до огромных размеров город выглядел совершенной столицей. У кремля лег бульвар и простор-

Вниз по Волге

Все шире и шире становится река. Где прежние отмели, разрезавшие Волгу надвое, где преж-

нее русло, которое подчас с трудом отыскивал опытный капитан с риском зарыть нос парохода в пе-

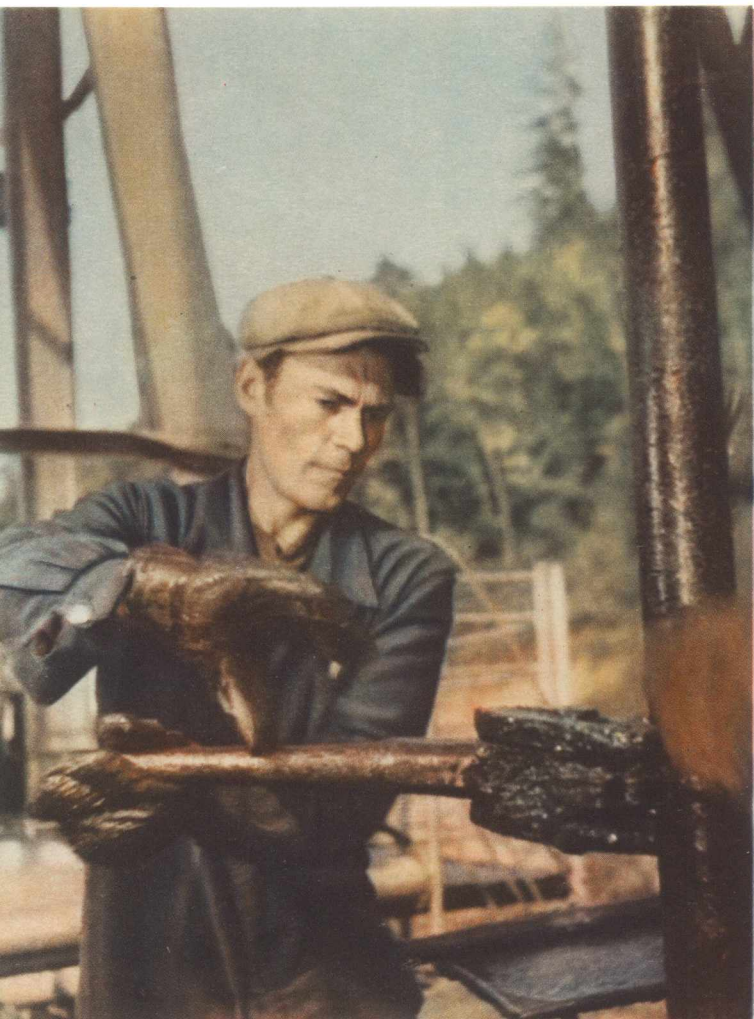

Волга у стен Казанского кремля.

Фото С. ФРИДЛАНДА.

Шлюзы Волжской ГЭС имени В. И. Ленина.

Волжский нефтяник, оператор подземного ремонта В. Н. Родионов («Ставропольнефть», Куйбышевская область).

Строитель Сталинграда Герой Социалистического Труда бригадир каменщиков В. В. Рудницкий и сигнальщица Зоя Ивченко.

Знатный строитель Волжской ГЭС имени В. И. Ленина дважды Герой Социалистического Труда А. А. Улесов у себя дома.

Рабочий Казанского порта Абдурхан Хамидуллин.

Куйбышевское море.

К Ульямовску

но раскинулась площадь с памятником великому патриоту Кузьме Минину. Молодой Максим Горький, такой, каким его знали нижегородцы девяностых годов, великолепно запечатленный в бронзе скульптором Мухиной, стоял на площади своего имени, и волжский ветер развеивал его плащ. Город ушел далеко за Волгу, к гиганту-автозаводу, где выросли новые, красивые улицы автомобилестроителей, перекроил старое Сормово, перерезал его проспектом Коминтерна. Размахнулся он и по правому окскому берегу: там воздвигаются корпуса Университетского городка и зеленым широким квадратом расположился парк культуры и отдыха.

А как сказочно красив Откос, устланный зеленым ковром трав, с террасами аллей, полный цветочных газонов! Оттуда открывается такой вид на Волгу, что кажется, поднялся на крыльях и воспарил над широченным простором, на котором так живо меняются краски: то золото блеснет, то серебро, то зеленый изумруд, то синяя эмаль. Белоснежные пассажирские лайнеры плывут по реке, густо движутся баржи, подъемные краны нависли вдоль берегов — лес кранов; они-то и заменили собой живую человеческую силу, которая в оные времена, взбадривая себя «Дубинушкой», копошилась на грузовых причалах. Двадцать тысяч тонн грузов в сутки перерабатывает Горьковский речной порт, и все это делают машины.

Славный, веселый, чистый, трудолюбивый город Горький! Сколько блистательных людей дал ты нашей Родине!

Видно, уж такой воздух разлит здесь, что, подобно плодородной земле, родит и взращивает город этот таланты и силу духа. Недаром Репин в своих воспоминаниях «Далекое близкое» сказал о нижегородцах: «...эти сильные люди хорошей породы так умели ценить жизнь, ее теплоту и художественность. Эти не любили селиться где-нибудь и как-нибудь».

Миллион человек живет в нынешнем Горьком. Отсюда не только по всей нашей стране, но и по всему свету расходится продукция многочисленных горьковских заводов.

Если вам встретится дизель-электроход размером с четырехэтажный дом, горделиво режущий воды своими гребными винтами; грузовой теплоход, поднимающий до 2 тысяч тонн груза; крылатое судно-катер «Ракета», снабженный подводными крыльями, развивающий скорость 60 километров в час, — знайте: все это сделано в Горьком. Два с половиной миллиона автомобилей сошло с конвейеров Горьковского автозавода. Дизели и станки, подъемные краны и землечерпалки, газокомпрессоры и мельнично-элеваторное оборудование, пассажирские мотодрезины и радиоприемники — все это также делается в Горьком.

Большой мощной трясли нижегородские богатеи Бугровы, Курбатовы, Башкировы, да только многого натрасти не могли. Новый хозяин, рабочий класс, круто и хорошо повел дело — стал Горький могучим городом, с огромной промышленностью, огромным размахом во всех областях жизни.

...Лебедем плывет вниз по великой русской реке дизель-электроход «Бородино», висит на мачте красный выпел — почетный знак победителя в соревновании. Волна ложится ровно, как будто ее кто-то режет аккуратными пластами. Вот уже дымкой отгородился от нас Горький, только чуть-чуть угадывается вдали кремль с его башнями. Берега лежат в багрянце ранней осени, широко вокруг, просторно...

...А когда минула ночь, увидели мы марийские и чувашские земли, населенные народами древними, живущими здесь с незапамятных времен. Извечными данниками были эти народы, малые селения их, разбросанные в дремучих лесах, являлись добычей всех, кто был сильнее. Терзали их хозары, камские болгары, казанские ханы. Царское правительство железной рукой насаждало здесь православие — всех чувашей второпях крестили двумя именами: Василий и Иван.

Уделом их было вымирание. Трахрома считалась национальной болезнью чувашей. Вероятно, и впрямь погибли бы эти народы, если бы не пришла Октябрьская революция и не пролила свет великой ленинской правды над селениями марийцев и чувашей. Из угнетенных «кинородцев» они превратились в свободных сынов свободного отечества. Стали тут развиваться литература и искусство на родных языках. Появилась промышленность, о которой ранее здесь и слыхом не слыхали.

Попав ранее в Чебоксары, только и можно было воскликнуть: «Церквей-то, лаптей-то!» Теперь в этом городе высшие учебные заведения, чувашский академический театр, филармония, крупное национальное издательство, большой текстильный комбинат и заводы, где производится различное оборудование. Большой город разбежался от крутого волжского берега и ушел в долину зелеными аллеями своих улиц.

У чебоксарского дебаркадера

наш дизель-электроход стоял недолго. Снова перед нами легла ширь реки, окутанная сумраком. Сквозь дубовые, березовые и липовые леса разливались кострами электрических огней чувашские прибрежные колхозные села...

Капитан Алексей Сергеевич Абатнин, сидя в рубке управления и присматривая за рулевым, ведет неторопливый рассказ о речных делах, о себе, о нынешней жизни на Волге. Капитан, крепкий, коренастый человек, с круглым загорелым лицом, говорит, как истинный волгарь, неторопливо, не прибегая к жестам:

— Это у меня двадцать восьмая навигация, с 1931 года плаваю по Волге. Река, она такая: полюбишь ее и не оторвешься. Кем бы ни плавать, лишь бы плавать! Начал я кочегаром, а потом постепенно все чины прошел и вот теперь капитан. Волга — дорога большая, а когда поплаваешь с десяток лет, кажется, досконально всю ее изучил. Только ныне она так меняется, что не успеваешь изучать. Моря появились необъятные; а где моря, там и ветры, и штормы, и вообще гляди в оба. Все это преобразование проходит у меня на глазах. И, надо сказать, кто-то, а уж речники жаловаться на это никак не могут. Стала Волга большой, и работа у нас началась большая. Какие корабли плавают, сколько новых речных портов появилось, а прежние расширились так, что и не узнать!.. Старые капитаны, которые теперь на пенсии, только головами покачивают: ну и ну! Сам-то я родом из Казани, а побывать пришлось во всех городах и на пристанях, какие только есть на Волге. Во время войны довелось служить в Сталинграде. Вроде как тыловая служба — речной флот, а только, я вам скажу, в 1942 году не знаю, где было тяжелее, — в окопах или на реке. Река-то, она вся огнем пылала, да слезами и бедой наполнилась. Тогда я на «Памяти Маркина» плавал. Туда, к Сталинграду, плывешь, думаешь, живым не выйдешь, об-

ратно — та же думка. Однако, как видите, живой. Мин всяких было в реке, как чертей в болоте. И себя жалко, и людей невозможно в беде оставить: надо и снаряды везти, и раненых вывозить, и население эвакуировать. Кругом ад крошечный! Но только нашло на нас такое ожесточение, что и передать нельзя: работали, зубы стиснувши, и, можно сказать, бесстрашно. Много речников отдало душу за Сталинград. На моих глазах подрывались, под обстрел попадали... Сам-то я не потомственный водник, отец — береговой человек, трамваи водил в Казани. А брат Николай — тоже речник, капитаном на «Грузии» работает; рейсы его: Москва — Ростов. И сын будет речником. Так что получается вроде как речная семья: мы начали, сыновья продолжат... Да ведь и то сказать, Волгу не любить невозможно. Хороша она стала, все растет кругом, силу набирает. Я вот по своему родному городу сужу, по Казани. Помните прежнюю Казань? Не узнаете! Вы говорите, Горький не узнали, — это понятно. А Казань от Большой Волги выиграла и того побольше. Порт — силища. Десятки тысяч тонн грузят в сутки, а раньше — четыре. Защитных дамб построено 25 километров. Что-то я ничего не читал нигде об этих дамбах, а ведь дело-то великое. Кремль раньше от Волги куда далеко был, а теперь, можно сказать, Сююмбекова башня в воду смотрится, волжской водой умывается. Раньше, пока от пристани до города доберешься, десять километров кисель месишь, а теперь Волга у самого города!.. Вот за это и любишь Волгу — каждый год на ней такие перемены!..

К штурвальному колесу подошла молоденькая девушка, лет двадцати, сменила старого рулевого.

— Тоже вот волжская патриотка, Нина Виноградова, штурман-практикант, изволите видеть. Учит-ся на водного инженера и ни на что другое Волгу менять не хочет. А я так думаю: где любовь к делу, там и призвание.

В рубку проворно сунул нос молоденький парнишка.

— Чего тебе? — сердито закри-

Город Горький. Вид на Волгу с Откоса.

чал капитан. — Не положено здесь быть кочегару!

— Кто это? — спросил я.

Капитан улыбнулся:

— Сын, Володька. По отцовскому пути идет, кочегаром начал...

На другой день «Бородино» прибыл в Казань. Мы действительно увидели, как Сююмбекова башня казанского кремля смотрит в воду: Куйбышевское море своим подпором высоко подняло Волгу, и воспетая в старых студенческих песнях Казанка-река ушла в другое русло.

Есть на нашей Родине места святые, где не может не дрогнуть сердце советского человека, где обязательно обнажишь голову. На Волге это город Ульяновск. Да, вот здесь, в этом городе, вольготном раскинувшемся на крутом берегу, родился Ленин. Волжская ширь, волжская красота питали его душу. Здесь, на Новом Венце, откуда открывается величавый вид на реку, любил бывать светловолосый юноша в гимназическом мундире, тут он размышлял и мечтал. В здании 1-й средней школы имени Ленина, где раньше была симбирская гимназия, есть комната, в которой восстановлена обстановка гимназического класса 80-х годов, и в этой комнате вы увидите надпись над партой у окна: «Здесь сидел Владимир Ульянов, ученик VII класса». На теплой улице Ленина, где шумят ветвистые тополя, жила семья инспектора народных училищ Сим-

бирской губернии Ильи Николаевича Ульянова. Вас охватит невольный трепет, когда вы войдете во двор, увидите старый сад с разбегающимися дорожками, уютный дом, где все дышит стариной... Каждая вещь здесь ранит вашу душу: рояль — к его пожелтевшим от времени клавишам прикасались руки Ленина; книги, лежащие аккуратной стопкой, — их перелистывал, над ними работал Ленин; керосиновая лампа с круглым абажуром — она светила Ленину; географическая карта обоих полушарий и рядом с ней гимназический аттестат зрелости, выданный Владимиру Ульянову. Вы ощущаете манящую притягательность этих реликвий.

Куда бы вы ни зашли — в шумный центр или в тихий переулок, где полно садов, где маленькие домики тихо дремлют под сенью яблонь, — вас никогда не покинет мысль: здесь вот так же гулял по улицам ребенок, подросток, юноша Владимир Ульянов, революционное имя которого — Ленин — прогремело на весь мир, знаменуя собой новую эпоху в судьбе человечества. И такой же волжский осенний ветер тогда посылывал в тополя, и так же падал лист, покрывая пестрым ковром мостовую, и таким же чеканным серебром светилась Волга...

Во время стоянки в Ульяновске на «Бородино» пассажиров почти не оставалось, все уехали осматривать город — родину Ленина.

сказывал нам о посещении гидроэлектростанции американскими энергетиками во главе с мистером Уокером. Сислером, президентом электрокомпании «Детройт Эдисон компани».

— Сколько энергии дает каждый агрегат? — спросили джентльмены.

— Сто пять тысяч, но может дать и больше.

— Не откажите в любезности продемонстрировать.

— Пожалуйста.

105... 110... 115...

Джентльмены сняли шляпы.

— Это великолепно! В Америке таких гидроэлектростанций нет.

Создание у Жигулей могучей гидроэлектростанции, которой присвоено имя великого Ленина, преобразило все вокруг: Волгу, города, промышленность. Даже кажется, будто и Жигулевские горы как-то потеснились, отступили, стали меньше.

Прославился при строительстве Куйбышевской ГЭС электросварщик Алексей Александрович Улесов, теперь дважды Герой Социалистического Труда. В десятках газет и журналов описывались его трудовые подвиги — можно, пожалуй, тома составить из этих описаний. Каким же он стал теперь, Алексей Улесов? Как он переносит на своих плечах бремя упавшей на него славы? Не закружилась ли голова? Не возгордился ли он? Это бывает. И тогда пропал человек, не жди от него больше проку: «Я все превзошел, всего достиг, воздайте мне почести».

Мне представлялся Улесов мужчиной большого роста, крупного телосложения, с решительным взглядом, быстрыми движениями — словом, рисовался он мне картинным героем. Я увидел перед собой человека небольшого роста, с обыкновенным русским лицом. Само добродушие светилось в его глазах. Через десять минут казалось, что знаешь его добрый десяток лет.

— Остался здесь, — сказал он мне. — Вначале решил ехать в Сталинград, а потом раздумал. Буду учиться. Одними заслугами не проживешь. Вот и поступил в техникум. Сын мой, Анатолий, учится в вечернем индустриальном институте, а я в техникуме. Только-то хорошо, у него за плечами десятилетка, а у меня три класса да курсы... Ведь кто я такой? Простой казак с хутора Генералова, станции Потемкинской, по первой своей профессии слесарь. В армии стал электросварщиком, потом на Камчатке работал, потом на Цымлу уехал, поближе к родным местам. Люди добрые научили делу, да и своими мозгами кое-что стал соображать. Опыт есть, работать, как сами понимаете, умею, а вот теория у меня слаба, нет у меня теории. А понимаю я так: мне сорок с гаком, а учиться не миновать. Надо! Определили меня пока что технологом в УПС. Днем на работе, вечером в техникуме. Техникум окончу, дальше пойду — Анатолия догонять: он, наверное, к этому времени инженером станет. Вот как я замыслил соорудить свою жизнь. Строительство ГЭС дало мне многое. То, что получил, надо развить... Анатолий мой тоже барчуком не растет: днем работает электросварщиком, вечером учится в институте. Целый день занят, дурь в голову не лезет...

Теперь уж в газетах, наверное, долго не будут писать об Улесове

ве — прославленном рабочем. Появился новый Улесов, который пошел по доброму пути приобретения знаний. И верится, что пройдет немного лет, и мы опять услышим об Алексее Улесове — образованном инженере с серьезными теоретическими знаниями и большим практическим опытом.

Улесов избрал свою дорогу, остался здесь, другие уехали: кто в Братск, кто в Саратов, кто в Сталинград. То, что приобретено в Жигулях, не должно пропасть — это была поистине первоклассная школа жизни и труда. Хотелось бы привести несколько цифр: за семь лет, с 1950 года, куйбышевский «Гидрострой» подготовил 12 300 рабочих-механизаторов и 47 400 рабочих строительных профессий, кроме того, 29 тысяч рабочих различных категорий повысили свою квалификацию. Армия!

Электросварщик Юрий Рождественский в своей поэме «На родной реке», опубликованной в местном сборнике «Огни Жигулей», отлично выразил чувства строителя, познавшего радость вдохновенного труда:

Узнаешь ты самого себя

В этом парне, жадном и

горячем?

Днепрогэс! Мать на вокзале

плачет.

Волго-Дон! Вновь поезд мчит

тебя.

Шелестят сады в песках сыпучих,

Сон целинный в золоте жнивья.

Ты стремишься землю сделать

лучше,

Краше и удобней для житья.

Воды рек морями зашумели.

Силой рек машины завладели.

Ты сказал — и реки вспять

текут.

То, что боги сделать не сумели,

По плечу пришлось большевику.

Чудеса в Жигулях

В 1913 году, когда среди инженеров Самарского технического общества родилась идея перекрыть плотиной Волгу и создать в узком месте реки, у Жигулей, электростанцию, самарский архиепиепослешил отправить донос находившемуся за границей владельцу здешних земель графу Орлову-Давыдову. «Конфиденциальное» письмо архипастыря гласило: «На ваших потомственных исконных владениях прожектеры самарского технического общества совместно с богоотступником Кржижановским проектируют постройку плотины и большой электрической станции. Явите милость своим прибытием сохранить божий мир в Жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатии. С искренним архипастырским уважением имею честь быть вашим сиятельством защитником и богомольцем преосвященный Симеон».

Давно и праха не осталось от графа и от преосвященного.

«Богоотступники» же и «прожектеры» довели идею, зародившуюся так давно, до великопленного завершения: создана гидроэлектростанция великой мощности. Вся страна следила за тем, как в Жигулях усилились тысяч людей создавалась великолепная гидроэлектростанция — совершенное творение труда, ума, знаний, науки, техники. И вот электростанция вошла в строй!

Взберитесь на Могутовую гору — и пред вами предстанет грандиозная панорама. Будете стоять, как завороченный, не в силах покинуть взметенную вверх скалистую

площадку, откуда в призрачном свете раннего осеннего вечера, в бесконечных поясах огней видишь весь напорный фронт гидроузла протяженностью в 5,5 километра: гидроэлектростанцию, плотины, дамбы, волнолом, шлюзы, — а за всем этим дышащее прохладой бескрайнее Куйбышевское море. Пучками огней встанут перед вами новый Ставрополь (старый ушел на речное дно), соцгород Комсомольск-Куйбышевский, шлюзовые городки. А если вы взглянете в противоположную сторону, то увидите Жигулевск, новый, «с иглолочки» город, в котором живут нефтяники и гидростроители. Бисерами огней очерчены строительные площадки, на которых воздвигаются новые предприятия, порождаемые ГЭС: завод синтетического каучука, ртутных выпрямителей. Придет время — и все это сольется воедино, и будет тут, у Жигулей, стоять такой городище, что диву дадутся люди.

Пусть вы не инженер и техника чужда вам. Вы учитель, или бухгалтер, или врач, или журналист, но когда вы войдете в гигантский турбинный зал, где один к одному, в ряд, стоят на протяжении доброго полукилометра двадцать могучих агрегатов мощностью в 105 тысяч киловатт каждый, откуда идет огромный поток электрической энергии во все стороны, и поток этот строит, создает, приводит в движение, освещает тысячи объектов за сотни и тысячи километров отсюда, у вас захватит дух от волнения.

Николай Васильевич Разин, главный инженер «Гидростроя», рас-

У подножия Мамаева кургана

Остались позади и Саратов и Вольск, пошли другие земли, другие берега. Как ветром сдуло леса, живописные пригорки; здесь явственно ощущается дыхание бескрайних степей. Кое-где появляются лысые увалы и исчезают вновь в мареве равнин. И только Волга, та же Волга плавно несет свои воды к Каспию. За нулевой горизонталью, у речки Еруслан, где земная поверхность лежит на уровне мирового океана, у города Камышина, стоящего сейчас на высоком яру, в ближайшее время возникнет еще одно новое, Сталинградское море. Гигантская чаша его вместит 33,5 миллиарда кубометров воды, в длину оно протянется на 600 километров, ширина достигнет 25—30 километров. Водная энергия этого моря приведет в движение 22 агрегата Сталинградской ГЭС...

Уже белеет своими новыми домами на левом берегу красивый город Волжский, возникший на голом месте, где раньше не было ни деревни, ни кустика; видны его просторные, светлые улицы и площади. Прошла над головой подвесная канатная дорога с четким узором предохранительной сетки — и перед глазами развернулась волнующая картина громадного строительства... Размах работ здесь больше, чем был в Жигулях. Тридцать девять тысяч строителей создали гигантский котлован площадью в 75 гектаров, соорудили плотину, строят здание ГЭС, монтируют агрегаты...

Мы были здесь в те дни, когда сталинградские гидростроители готовились к затоплению котлована и перекрытию Волги. Сейчас важнейшие работы эти завершены, и все вокруг выглядит по-другому. Но в сентябре здесь было яростное кипение напряженного труда. Сверху котлован напоминал муравейник — так много там было автомашин, самосвалов, бульдозеров. Натиск земснарядов сдвигал волжские берега, оставляя только узкое место для прорана. Заканчивался монтаж могучих мостовых кранов-гигантов, способных поднимать тяжести весом до 450 тонн. Строители соревновались на право участия в перекрытии реки, что, по традиции, является делом особо ответственным и почетным. Потоки машин переправлялись на паромках через Волгу и обратно; сквозное движение по плотине еще не было возможно. Всюду чувствовалось напряжение всех сил многотысячного человеческого коллектива, объединенного в едином трудовом порыве.

Уже в этом году первые турбины создаваемой Сталинградской ГЭС дадут промышленный ток, а когда строительство окончится, 11 миллиардов 300 миллионов киловатт-часов электроэнергии каждый год будут растекаться по высоковольтным передачам во все концы страны.

...Сталинград, город бессмертной славы! Город этот стал священным для миллионов людей во всем свете. Вот он лежит перед

нами, привольно раскинувшись по берегу Волги на целых 65 километров, красивый, новый, совсем новый; узнавать в нем черты старого Царицына или довоенного Сталинграда — занятие совершенно немыслимое. И приходишь в истинное изумление перед силой народа, восстановившего разрушенный до основания Сталинград, и не только восстановившего, но придавшего ему такую красоту и такое величие, какого он не знал раньше. Ведь это тоже подвиг, равный подвигу защитников Мамаева кургана.

Новый Сталинград дает промышленной продукции почти в 3 раза больше, чем довоенный Сталинград, и в 37 раз больше, чем дореволюционный Царицын. Разве это не чудо?

Довелось нам беседовать с очень скромным человеком, бригадиром комплексной строительной бригады, каменщиком Виталием Валерьяновичем Рудницким. Беседа велась на четвертом этаже строящегося дома. Это тридцатый по счету дом, который строит в Сталинграде Рудницкий, недавно удостоенный звания Героя Социалистического Труда. Сапер по военной своей специальности, он с боями прошел от Кур-

ска до Праги, видел, как война ломает и уничтожает все вокруг, и еще тогда, в разгар войны, особенно оценил свою мирную профессию строителя. Он в Сталинграде с 1948 года и имеет право, оглядев город, сказать: «Здесь всюду мой труд».

— У меня в семье, — говорит он, — трое строителей: я, сын и дочь. Сын — тоже каменщик, а дочь работает в архитектурной мастерской. Такой город построен, конца-краю нет! Поглядите-ка: кругом краны, куда ни глянешь — везде растут дома. Я-то сам родом с Украины, из Житомира, у нас там красивые места, но теперь Сталинград мне кажется краше всех.

Солнце заливало Сталинград, совсем близко светилась серебряной Волга, по небу плыли веселые облака, радость становления и созидания разливалась повсюду в этом удивительном городе, неразрывно связанном с понятиями «доблесть, героизм, труд, слава».

— Вы знаете, сколько построено домов в Сталинграде? — сказал нам архитектор Василий Николаевич Симбирцев. — Жилой фонд Сталинграда составляет 2 миллиона 800 тысяч квадратных метров, из них 2 миллиона 500 тысяч — это новые дома. Триста тысяч метров, оставшихся от старого города, — преимущественно окраинные районы: Бекетовка и Красноармейск.

Василий Николаевич повез нас в Дом архитектора смотреть макет городского строительства. Мы увидели Сталинград, разместившийся на длинном столе, но мы узнавали его, различали кварта-

лы, здания, ибо значительная часть макета уже воплощена в жизнь. Это была не мечта, а реальность!

Здесь, у Сталинграда, окончилось наше волжское путешествие. Конечно, мы не удержались от соблазна побывать на Волго-Донском канале, полюбоваться водами Дона. Воды эти другие, зеленатого цвета, словно приняли они краски донских степей. Видели мы отличные сооружения канала, видели, как пароходы плывут как бы прямо по степи. На бескрайних полях сталинградских собран был богатый урожай: сотни машин по всем дорогам везли тяжеловесное зерно к элеваторам и сыпным пунктам. «Урожай первый!» — сказал нам восхищенно Яков Алексеевич Брызгунов, председатель колхоза «Победа», что недалеко от Калача. Кругом тянулись бесконечные бахчи, огромные арбузы отливали темнотой зелеными бликами. Казалось, что их сыпала какая-то щедрая рука, сыпала и никак не могла остановиться...

Красавица Волга, великая русская река! Какие богатства вмещают твои земли! Ты сама сильна и могуча, но человек своим трудом еще в большей мере приумножает твои силы.

Проедешь от лесной Костромы до сталинградских степей — и невольно проникнешься чувством гордости за свой народ-создатель: так кругом преобразается жизнь, так меняется она к лучшему.

Зольнинский нефтепромысел в Жигулях.

Бруки и я

Рассказ

Фахри ЭРДИНЧ

Рисунки А. ЛИВАНОВА.

— Пошли! Пошли вон!

В моем крике был лишь один животный страх. Голос мой сорвался, и я застыл на месте, как пригвожденный. С противоположного склона на меня, прижав уши, бежали две собаки, каждая ростом с осленка.

Я вспомнил совет отца: «Не подавай виду, что трусишь. Иначе сожрут тебя с потрохами!»

«Не подавай виду!» Попробуй-ка не податься, если сам от горшка два вершка! На мне ученическая куртка, рваная на локтях, в руке узелок с едой. Июль. Солнце, как огненная тубетейка. На ногах — трижды чиненные, едва живые ботинки. Брюки закатаны. Путь мой лежит в деревню юруков¹. Там у отца знакомый.

— Пошли прочь!

Теперь собаки под носом! Колени у меня подгибаются, я опускаюсь на землю. Шарю по земле в надежде найти камень — в руке у меня оказывается сосновая шишка. Прислоняюсь спиной к кусту.

Собаки словно раздумывают, подойти или нет. Меня и укусить не за что. Кожка да кости. Кладовщик в интернате крал продукты, вот мы и отоцали да никак в себя не можем прийти. Школьный врач посоветовал мне на каникулы отправиться куда-нибудь на вольный воздух. «Что ж, ступай!» — сказал отец. — В такой-то деревне живет мой товарищ по фронту, юрук Хасан. Передай ему большой привет, пусть он тебя покормит несколько недель. Правда, гол, как сокол, ну, да сердце у него доброе!»

Все это, конечно, хорошо, но попробуй-ка столкнуться с собаками! Вот они дышат мне чуть ли не в физиономию. Ворчат, щерятся. Высовывают языки. И зубы у них, как нарочно, длинные, острые. Уставились мне в глаза своими горящими, как угли, зрачками. На мощных шеях у них ошейники из колючей проволоки. Я совсем лишился языка. И мысли в голове ни одной.

Наконец слышу за горой голос чабана, на помощь которого я так уповал:

— Эй! Карабаш!

Карабаш тотчас сменил гнев на милость. Другая, с разорванным ухом, тоже заулыбалась. Увидев чабана, который приближался к нам, размахивая палкой, собаки поджали хвосты и отправились восвояси.

Чабан смерил меня с ног до головы насмешливым взглядом и довольно грубо спросил:

— Эй, ты, эфенди², почему не кричал?

С трудом поднявшись с земли, я постарался не остаться в долгу.

— А ты чего не следишь за своими собаками?!

Я думал, что чабан еще больше рассердится, но он сразу подобрел. Светлые карие глаза его под седыми бровями — соты меда под зубными щетками — смеялись. Первое впечатление, которое произвел на меня этот горец с лицом, точно вырезанным из дерева, — доброта и прямота; это была доброта человека, готового поделиться последней рубашкой.

Обняв за плечи, он усадил меня на замшелый камень.

— У вас, городских парней, душа словно мыльная пена: дунул — и в пятки улетела. Погоди, я дам тебе выпить воды, а то лицо у тебя блее курительной бумаги сделалось!

После пережитого страха его отеческая ласка меня тронула. Он протянул помятую алюминиевую флягу. Губы у меня дрожали, кривились.

— пей! пей!

Он заметил, что я поднес флягу к губам так, словно собирался дуть в горн.

— Так не пьют! Подбери нижнюю губу! Ага, забулькало! Дай теперь мне! Гляди, как пьют старые солдаты!

Он открыл рот, запрокинул флягу и стал пить, не прикасаясь к горлышку губами. Кадик едва заметно бегал под морщинистой, в складках шеей. Вытерев губы тыльной стороной ладони, он перевел дух и спросил:

— Есть хочешь?

Не дожидаясь ответа, он взялся за пояс, вытащил брусок с костяной ручкой, на которой было вырезано медвежье ухо. Тут я заметил, что между кушаком и кожаным патронташем у него за поясом торчал парабеллум. Вытаскивая из торбы хлеб, сыр, он приговаривал:

— Дают — бери, а бьют — беги. Держи-ка! Хлеб у нас черный, но чем богаты, тем и рады. Кроме сыра, ничего не будет.

Он вытер нож и руки о голенища фабричных сапог, вынул кисет и принялся сворачивать сигарку. Несмотря на размеренность движений, на спокойный, отеческий тон, старик, казалось, сидит как на иголках. То и дело он с беспокойством поглядывал на опушку дубовой рощи у дороги.

— Наши псы, — говорил чабан, — как увидят кого-нибудь в брюках, так поднимают вой. Правда, они ведь редко видят городских людей. Ты из города идешь?

Я немного задержался с ответом: жевал сыр.

— Да, из города.

— Чей же ты?

Я назвал.

— Смотри, значит, знакомого сын. Ну, как твой отец? Не хворает, не болеет?

— Значит, ты знаешь моего отца?

— Как не знать!

Он усмехнулся. Заклеил языком сигарку и продолжал:

— Мы зовем его Пьяный Мулла. Во время оккупации³ он был муллой в деревне Енидже. Грех на его шею, но раз во время намаза у него из кармана выпала бутылка с водкой. Так говорят, ничего не напишешь, у народа рот не мешок, не завяжешь. Что же он сейчас делает, все детей учит?

— Состарился. В этом году уходит на пенсию.

— Вот как! На пенсию... Эх, время, время! Хотя бы подождало немного.

Он наконец пристроил на кремне кусочек трута, зажег его с первого удара, прикурив.

— Что еще слышно в городе? Кто умер, кто жив остался?

— Позавчера умер меняла Хаджи Керим. Он вынул сигарку изо рта и широко раскрыл глаза.

— Ишь ты!

Я ждал, что он скажет: «Упокой его, аллах!» Но он покачал головой и смачно выругался:

— Пусть козы пасутся на могиле у этой сволочи. Матерый был ростовщик. На нашей яйле нет юрука, который бы не плакал по его милости. Прошлый год наши крестьяне...

Он неожиданно оборвал фразу и вскопчил с удивительной для своего возраста проворностью. Из дубовой рощи вышли трое. Собаки залились лаем.

— Сюда, Карабаш! — крикнул старик, и ему ответило из лесу эхо.

Собаки, мчавшиеся вниз по склону, тотчас повернули назад. Чабан вдруг забеспокоился, голос его задрожал, и он проговорил, словно обращался к самому себе:

— Стой!.. Они идут... Ни звука!

Кусок застрял у меня в горле. Я медленно встал, привел себя в порядок, отряхнул пыль с колен.

Теперь стало видно, что двое из приближавшихся к нам людей были жандармы. Третьего они вели перед собой. Он шел по усыпанной сосновыми иглами тропе, часто оступаясь; в его походке чувствовалась какая-то странная медлительность. Руки его были закованы в наручники. Жандармы сдвинули фуражки на затылок, расстегнули воротники. В руках они держали ружья с прижатыми штыками.

Подойдя к нам, человек остановился.

— Селям алейкум, папаша! Нет ли у тебя воды?

¹ Юруки — турецкое племя полукочевниково-скотоводов.

² Эфенди — господин.

³ Речь идет о времени национально-освободительной войны турецкого народа против империалистов Антанты в 1919—1922 годах.

Старый чабан взялся за флягу.
— Алейкум селям, сынок! Что это с тобой?
— Вот видишь, взяли, ведут. Верно, каймакам¹ по мне соскучился. Требуется к себе.
— Нечего болтать! — визгливо оборвал его рябой жандарм, вытирая пот со лба. — Дай ему глоток воды, и пошли!

Другой жандарм, огромный детина, устал-виль на торбу чабана.

— Дай-ка сюда торбу! — не выдержал он. — У тебя, конечно, найдется хлеб и кусок сыра! — Есть! Есть! Кушайте на здоровье.

Было видно, что старик старается быть вежливым, чтобы отвлечь внимание жандарма. Передав ему торбу, чабан поднес флягу к губам человека в наручниках. Его темные волосы прилипли к высокому лбу. Пока он пил, его глаза, зеленые с желтинкой, казалось, что-то рассказывали старику. На незнакомце была засиженная блохами рубаха, распахнутая на широкой и волосатой груди, перехваченная белым кушаком. Синие заплатанные штаны висели лохмотьями. Шерстяные онучи съехали на постолы. На лодыжках виднелись царапины. Но больше всего привлекли мое внимание его руки. Широкие запястья были туго стянуты наручниками, вены вздулись, ногти посинели; эти руки конвульсивно вздрагивали, как два зарезанных младенца. В этих руках чудился бунт. И я своими глазами видел, как эти руки потянулись к парабеллуму на поясе старика, как они схватили и спрятали оружие. Я так и обмер. В горле у меня пересохло.

Человек в наручниках сказал:

— Полей мне на грудь, папаша! Ага, вот

Другой жандарм все еще жевал; рот у него был набит так, словно он за щеки засунул по картофелине.

Человек в наручниках сделал несколько шагов и спросил, указывая на меня:

— А это чей парень, папаша? Куда он идет?

— Сын Пьяного Муллы. А куда идет, я не успел спросить.

— Иду в деревню Эселер, — дополнил я краткий ответ старика. — Староста деревни, юрук Хасан, — старый приятель моего отца и...

Все устали на меня. Наконец человек в наручниках улыбнулся улыбкой отца. Если бы руки у него были свободны, он, наверное, потрепал бы меня по щеке.

— Юрук Хасан — это я! Передай привет отцу. А от деревни нашей только имя осталось. Из-за школы все мы остались без крова.

— Пошли!

Они ушли.

Глаза чабана были полны слез, когда он провожал их взглядом. Потом хлопнул меня по плечу и сказал твердым голосом:

— Айда! Не беспокойся! Не успеют они дойти до долины, как оба получат свое... Он уйдет в лес.

* * *

Подгоняя десяток коз, мы тронулись в путь. Собаки больше не считали меня за чужака. Мы шли на яйлу. Старый чабан, оказавшийся свекром юрука Хасана, обещал приютить меня под своим навесом.

Я заинтересовался словами Хасана о школе и, чтобы понять, в чем дело, попросил старика провести меня через деревню.

Когда мы прошли дубовую рощу, перед нами открылась небольшая лощина. Мы начали спускаться по широкой пологой тропе.

— Раз ты юрук, то будь на яйле! — рассказывал чабан. — Гони перед собой скотину, шагай себе и шагай. Хорошо, конечно, но лет этак шестьдесят — семьдесят тому назад явился на нашу голову великий визирь. Амаат Рафик², что ли, его звали, черт их там разберет! «Стойте, — сказал он юрукам, — хватит кочевать!» Издал указ о поселении на землю. «Или постройте деревню, будете сидеть на земле, — говорит, — или всех вздерну на веревке!» Ну, ясно, сила селому ломит. Почувяв беду, наше племя выбрало вот эту дырку. Не посмотрели, что кругом один камень, построили себе по хибарке, чтобы было куда голову сунуть. Всего пятнадцать — двадцать дворов. «Вот мы и сели, построились, наш папаша!» С тех пор наша деревня все росла и росла, пока не стало в ней тридцать два дома...

Слева показалось кладбище. Посторонний глаз не сразу угадал бы в этих обычных холмиках земли могилы. У некоторых могил торчали обломки валунов. Рядом с камнем, на который ставят гробы, росло огромное терпентинное дерево. Судя по всему, деревня была близко.

— Кроме этого кладбища, — продолжал старик, — у нас нет ни вершка земли. А вместо коров да волов, сам видишь, — козы. Но перед властью мы ни в чем не провинились, всему подчинялись. Сказали платить налог на мелкий рогатый скот — не ели, не пили, но платили. Велели в армии служить — пошли. Так мы и жили с грехом пополам, спускались в долину, выменивали себе пшеницу на сыр, терпентинное мыло да сырую кожу. Но вот в позапрошлом году залетел к нам в деревню, как хвостатая звезда, один тип. Здоровенный такой детина. Если ляжет на правый бок — зови трех человек его на левый переворачивать. Оказалось, это новый каймакам. Приехал и ввалился в дом к Хасану, как верблюд. Сожрал целого козленка да как стукнет кулаком по столу: «Подайте мне школу!» Мы так и остались с открытыми ртами. Какую такую школу? Стал он объяснять: то да се, да пятое, да десятое. Низ — из камня, мол, а верх — из кирпича. Подавай ему два этажа, а крыша, чтоб из заморской черепицы. Короче говоря, построив в уезде штук десять школ, метил, сукин сын, в губернаторы попасть! «Ну что ж, сделаем, — говорим, — а кто деньги даст?» А он и отвечает: «От властей не полу-

чите ни пятака!» Только из государственных угодий обещал лес отпустить подешевле. А остальное, мол, как знаем. Всем, мол, нам надо взяться за кошелек и за один год соорудить школу. Иначе посулил вызвать две батареи и палить по деревне из пушек. Тут зажали мы бороды в кулак и призадумались. Один из стариков раскрыл было рот: «В городе, когда велите строить школы, вы деньги даете, а почему в деревне?» Каймакам как взбеленится: «Много знать стали! Возьмитесь за ум да потрясите мощной, лучше будет!» Тут наш Хасан вступился. Ведь он один-то и умеет у нас два слова с третьим связать. «Послушай, — говорит, — каймакам-бей! Кому же не охота школу иметь? Была бы у нас сила, так и без тебя бы построили. Однако нет у нас ни рук свободных, ни денег в руках. Не надо, не губи нас! У нас в деревне и без того пост круглый год, разве тут до школы? К плешивой голове расческа. На молоко, что каплет из вымени у трех с половиной коз, такой дворец, как тебе надобно, в горах не построишь. Да и детей у нас мало. Жены почти все бесплодные, а если и рождаются дети, то редко зиму переносят. У нас детей и одно отделение не наберется. Коли уж надо учить, так мы пошлем их в долину, в деревню какую-нибудь. Не гаси наши очаги, эта школа всех нас погубит! Если бы, к примеру, мы сами деньги печатали, то все равно таких расходов не смогли бы поднять!» Но разве он слова понимает? Уперся, да и только. «Сотру я вас с лица земли, — говорит, — и вашу деревню и ваше потомство, видит аллах! Подавайте мне школу — и конец!»

Мы с чабаном вошли в деревню. Казалось, здесь погостили оккупанты или был пожар. Проломленные крыши, разбитые стены, сорванные двери, черные, пустые провалы окон. Источник давно пересох, нехоженные дороги поросли травой. На высоком навесе, очевидно, служившем минаретом, сидела сова. Ласточкины гнезда под карнизом мечети — единственной побеленной постройки в деревне — были пусты. Над деревней, в защищенной от северных ветров ложинке, возвышалось здание школы. Вернее, оно так и не успело возвыситься. Был заложен только фундамент, постелены балки под пол да возведены на два метра каменные стены с проемами для окон и дверей. Вот и все. Как видно, дело стало за кирпичом.

Когда мы остановились у стен этой недостроенной школы, я так поглядел на старика, что он без слов понял мой вопрос.

— Видишь как! — проговорил он. — Ногтями и зубами заложили мы для школы фундамент. Потом выкинули флаг, просили помощи: больше, мол, мочи нету! Хасана и еще двух людей отправили в Хыдырэллез, к каймакаму. Но мольбы наши медяка ломаного не стоили. «Если этим летом не закончите школу, — говорит, — то вы у меня своих не узнаете!» То есть, чтобы тебе было понятно, грозился объ-

так!.. Ох, хорошо!.. Да будешь ты свят, как вода!

Старик брызгал воду ему на грудь и растирал рукой. Тот вдруг поморщился:

— Ох, не трогай бок! Рябой парень прикладом...

Рябой жандарм зло покосился на старика, сплюнул сквозь зубы и толкнул в спину человека в наручниках.

— Ну, пошли! Иди смирно, не то снова заработаешь!

¹ Каймакам — начальник уезда.

² Великий визирь Ахмед Рефик (прим. автора).

Театральный Вильнюс

Веселая комедия «Жалдокине» прошла на сцене Литовского театра драмы около ста раз. Сцена из спектакля (слева направо): Мотеюс Сапега — И. Чепайтис, Ионимас Жалдокас — заслуженный артист Литовской ССР Н. Накас, Альфонсас Рута — В. Юркунас, Магдалена Паукштите — заслуженная артистка Литовской ССР О. Юодите.

Казимира КИМАНТАЙТЕ,
народная артистка Литовской ССР

Фото О. КНОРРИНГА.

Вильнюс любил и любит театр. Сейчас в столице Литвы работают три театра: Академический театр оперы и балета, Академический театр драмы, Русский драматический театр. Есть, кроме того, множество драмкружков и театральный факультет при Государственной консерватории.

Неузнаваемо изменилась в Советской Литве жизнь художника, невиданно возросли значение и роль артиста в общественной жизни. Твори, играй, танцуй, пой сколько можешь, служи искусством своему народу, вдохновляй его своим боевым словом, своей пламенной песней!

Но мы еще в большом долгу перед нашим народом, перед нашей любимой партией. Мы пока очень мало создали спектаклей, в которых был бы изображен во весь рост герой наших дней, полноправный хозяин своего края. Мы часто чересчур увлекаемся историзмом, порою до мелочей изучаем походку и жесты вельможи и все еще мало знаем рабочего, колхозника, героическую женщину-мать, работающую наравне с мужчиной.

Этот упрек относится и к нам, актерам, и к товарищам драматургам. Нельзя, конечно, бросаться в крайность и отрицать то хоро-

шее, что сделано, — интересные спектакли, которые отображают современную жизнь. Но их мало!

Вильнюс видел и «Русских людей», и «Кремлевские куранты», и «Гибель эскадры», и «Любовь Яровую», и «Крепость над Бугом», и «Юность отцов», и «Таню», и «Крылья», и еще много произведений ведущих советских драматургов.

Вильнюсские театры поставили почти все лучшее, что создали наши национальные авторы, драматурги Советской Литвы Балтушис, Грицюс, Милюнас, Беляускас, Сая. Зрители Вильнюса видели и все лучшие постановки театров Каунаса и других городов Литвы. В этом году с особенной радостью и теплом принят был спектакль «Двадцатая весна», созданный Каунасским театром по поэме Ю. Марцинкявичюса в талантливой постановке режиссера Г. Ванцявичюса, и спектакль Клайпедского драматического театра «Беспокойные сердца».

Зритель очень хочет видеть спектакли о себе. В нашем театре идет пьеса Ю. Беляускаса «Экзамени». В зале всегда присутствует много весело смеющейся молодежи, студентов. С большим вниманием следят они за несложным, казалось бы, сюжетом: только что окончивший институт молодой педагог делает свои первые шаги в сельской школе. Зрители переживают вместе с молодой героиней ее неудачи и от души радуются ее успехам. Во время зрительской конференции одна участница сказала, что она смотрела этот спектакль уже несколько раз, что сама скоро поедет учительствовать в деревню и хотела бы там встретить такого старого педагога, как в спектакле,

«Дворянское гнездо» по Тургеневу на сцене Русского драматического театра. Лиза — народная артистка Литовской ССР М. Мироняйте, Марфа Тимофеевна — заслуженная артистка Литовской ССР О. Холина.

который стал бы ее советчиком и товарищем.

Молодое поколение! Сколько надежд связано с ним, сколько радости! Давно ли из котельной театра высывал свои вихры маленький сын театрального истопника Кураускаса — Генрикаса, удивленно глядя вслед спешащим на сцену артистам? И вот мы видим теперь на той же сцене юного Ульянова, его устремленные вдаль изумительные глаза. Это воссозданный актером Курауска-

явить нас бунтовщиками. Хасан вернулся в деревню, как ошпаренный. Раз вечером он и говорит: «Вот что, соседи! Своих трех с половиной коз мы на любой яйле прокормим. Да и деды наши деревень не видали, а жили.

Бросим все и уйдем на яйлу. Пусть подавятся и деревней и школой! Разорим ее к черту! А повесят меня — пусть вешают!» У наших-то и без того ни кола, ни двора не было. Они и глазом не моргнули. Известно, дохлый осел

волка не боится. Взвалили попоны, котлы и ушли. Кто в долину, кто в шалаши на яйле. А деревню, сам видишь, точно враг разорил. Чем ждать каймакама, мы ее сами порушили.

Старик глубоко вздохнул. Взял палку под мышку, вытащил из-за пояса кисет. Пока он сворачивал сигарку, овцы стали карабкаться на давно поросшие травой стены школы.

Только теперь я понял, какая здесь разыгралась драма. Чертя по земле носком ботинка, я пробормотал:

— Значит, Хасана за это арестовали?

— Два месяца не могли на след напасть. Каймакам велел доставить его живым или мертвым. Издал фирман¹: деревню, мол, разрушим. Облаву на него устроили, каждый кустик в горах обшарили. И, наконец, вчера вечером поймали. Увели, однако.

Он умолк. Поглядел в долину, еще раз вздохнул. Когда он повернул голову, то увидел Карабаша. Собака подбежала к углу школы и миглом подняла ногу.

Старик не мог удержаться от улыбки.

— Собака, — проворчал он, — разве она понимает, что делает?

Он зажег сигарку. Мы снова зашагали по направлению к яйле.

Когда деревня осталась позади, снизу, из долины, до нас долетели далекие звуки выстрелов.

Перевел с турецкого Р. ФИШ.

¹ Фирман — приказ, указ (турецк.).

сом образ в драме Попова «Семья». Как быстро вырос молодой актер! Только в 1949 году окончил драматическую студию, а сегодня является одним из ведущих артистов Литвы. В этом сезоне он замечательно воплотил на сцене образ нашего любимого пролетарского поэта Юлиуса Янониса.

Еще совсем недавно робко ходила по сцене, цепляясь за кулисы, юная Яня Берукштите, и вот она, изящная и удивительно пластичная, с большими и глубокими, как озера, очами, в спектакле «Утопленница». Давно ли мы шутили, что Яня и о нитку спотыкается, а сегодня она переплывает на сцене моря и океаны.

Большой популярностью пользуется Русский драматический театр. Его охотно посещают и любят зрители. В его труппу в нынешнем сезоне пришли молодые: Ирина Промптова, Виталий Миллер и Юрий Степанов, Эмиль Кроль и Василий Драконов, окончившие ГИТИС в Москве, а Ирена Гедрите — театральная факкультет Вильнюсской государственной консерватории. Это одаренные актеры. Всем им поруче-

ны уже ответственные роли в новых спектаклях.

Театры столицы очень много гастролируют по районам Советской Литвы, но едва ли не самое большое впечатление осталось от показанной Академическим театром колхозникам Капсуковского района оперы композитора В. Кловы «Пиленай». Это был грандиозный спектакль, который слушали 50 тысяч человек. На всех холмах горели костры, взволнованные зрители долго хлопали, а после окончания не хотели отпускать участников и провожали до шоссе артистов, распевая народные песни.

Не меньшее впечатление оставил и спектакль «Пиленай», сыгранный на открытом воздухе на окраине Вильнюса во время фестиваля молодежи. Жители города и участники фестиваля, съехавшиеся со всей Советской Литвы, во время спектакля все теснее обступали исполнителей, стараясь не упустить ни одной ноты. И в финале все горы и склоны долго гремели оглушительным «Валио!» («Ура!»).

Такое массовое прослушивание серьезной музыки очень желательно и в дальнейшем.

Оперу «Пиленай» и балет «Аудроне» театр показывал и в Москве на заключительном туре Всесоюзного фестиваля театров, ансамблей и хоров, посвященного 40-летию Великого Октября. Только восьмью музыкальным театрам страны выпала честь показывать тогда свои спектакли в Москве. Как отраднo, что среди этих лучших был наш музыкальный театр! А ведь трудное творческое соревнование шло не только по вокальному, хореографическому, сценическому мастерству. Каждый театр показывал спектакли, не просто поставленные на его сцене, но созданные непосредственно в его стенах. Ведь задача национальных театральных коллективов — быть творческой лабораторией: искать авторов, работать с ними, создавать все новые и новые произведения, отображающие жизнь, мечты своего народа.

Немало пьес было рождено в

В Литовском государственном академическом театре драмы на репетиции пьесы «Водяная лилия». На первом плане слева: постановщик спектакля заслуженный артист Литовской ССР Б. Лукошюс, Вируте — И. Леонавичюте, Владас — А. Хадаравичюс.

нашем Литовском академическом театре драмы, немало опер и балетов создано в Театре оперы и балета. Сейчас, когда мы отмечаем 41-ю годовщину Великой Октябрьской революции, когда приближается день открытия XXI съезда КПСС, литовские театры стремятся эти знаменательные события встретить новыми творческими успехами.

Всюду идет работа, всюду с утра до вечера репетиции, готовятся новые постановки, новые пьесы, клавиры, партитуры.

Театр оперы и балета работает над новой оперой известного литовского композитора Б. Дварюнаса «Даля».

В работе у нашего Академического театра драмы новые пьесы: «Невидимое оружие» А. Гузвичуса, «Земля и кровь» В. Милюнаса, а также «Соловей» Б. Лукошюса. Работаем мы с писателями и над несколькими другими пьесами, стремясь воплотить на сцене образ нашего современника.

В Вильнюсе кипит театральная жизнь. Бывают, конечно, и неудачи, но часто творческие достижения вместе с артистами радуются и наш зритель.

Перевод с литовского.

Народный артист Союза ССР профессор К. Петраускас и его ученик солист Литовского театра оперы и балета, лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи В. Норейка.

Большую популярность у зрителей завоевала молодая певица Литовского театра оперы и балета Е. Саулевичюте. Любитель-садовод И. Ратомскис выведенный им сорт георгин назвал именем Саулевичюте.

КОГДА ПРЕДСТОИТ НОВОСЕЛЬЕ

В № 40 журнала «Огонек» была опубликована статья народного артиста СССР Б. П. Чиркова «Когда предстоит новоселье».

Новоселье, переезд на новую квартиру, — это радостное событие все чаще встречается в жизни советских людей. Но как сделать свое жилище красивее, уютнее, чтобы все в нем было удобно и радовало глаз, чтобы, придя с работы, приятно было отдохнуть? Эти вопросы волнуют многих. Растет материальное благосостояние советских людей, растут и их духовные запросы, увеличиваются эстетические потребности.

Статья Б. Чиркова говорит об этом. Автор замечает, что в Министерстве культуры очень мало интересуются вопросами украшения жилищ, и люди обращаются за помощью к рынку, покупают там у торговцев-частников аляповатые изделия и переносят в свой новый дом дурной вкус старого, мещанского быта. Между тем воспитанию хорошего вкуса помогла бы в первую очередь популяризация народного искусства. Автор призывает проявить большую заботу о народных умельцах и художественных артелях. Нужны систематические смотры народного изобразительного искусства. Чирков предлагает также создать специальный журнал по благоустройству домашнего очага.

Статья «Когда предстоит новоселье» вызвала множество откликов. Оператор станции Шахунья Горьковской железной дороги П. Некаев пишет: «У нас в городе ежегодно у десятков семей новоселье. А приобрести предметы домашнего обихода, украсить свою квартиру очень трудно. Большие затруднения с приобретением мебели, ассортимент ее ограничен. Попробуйте купить хорошую рамку для картины или фотографии, цветочницу, оконные карнизы, статуэтку, вазу для цветов — их нет и в помине. Очень мало хороших репродукций картин. Хотелось бы высказаться и о ценах: статуэтки, шкатулки, вазы недоступны».

Автор статьи правильно требует изгнать из нашей среды халтуру. У нас тоже на рынке полно всякого рода изделий, наляпанных из гипса, «ковров», безвкусных картин, которые блещут всеми цветами радуги. Поддерживаю предложение об издании специального журнала, в котором освещались бы вопросы украшения нашего быта».

Участковый врач Т. Юшкова из города Балашиха, Саратовской области, пишет в редакцию, что, бывая постоянно в квартирах своих пациентов, она наблюдает, как часто люди украшают свои комнаты всякой безвкусицей: «Вид этих, с позволения сказать, «панно», намалеванных

на клеенке, различных «статуэток» и «абажуров» вызывает неприятное чувство, и всегда хочется посоветовать в деликатной форме избавиться от этих предметов. Но чем заменить их? Ковры среднеазиатские или даже русские (машинной выделки) не каждая семья в состоянии купить. Да и при наличии денег их нужно брать «с боя». Абжуры в городах районного масштаба днем с огнем не найдешь. У меня в комнате висит голая лампочка, так как абажур из цветной бумаги использовать душа не позволяет. А много ли в продаже безделушек, подобных тем, какие приведены в иллюстрациях к статье? К тому же дороги еще эти вещи для широкого потребления. Если бы организовать мастерские для массового производства таких вещей, они не являлись бы уникальными изделиями, недоступными по цене...»

Тов. Юшкова предлагает создать производство небольших ковриков-гобеленов с рисунками по мотивам русских народных сказок и наладить продажу красивых абажуров.

На дороговизну статуэток, ваз и других безделушек жалуется группа жильцов одного из больших домов Москвы и многие другие. Н. П. Гертман пишет: «Зачастую люди украшают свой быт уродливыми рыночными «произведениями искусства» не только из-за отсутствия художественного вкуса, а потому, что настоящие, красиво сделанные вещи чрезвычайно дороги и редки в магазинах. Конечно, очень хороши кружева коклюшной работы, палехские шкатулки, дулевские безделушки, бархатные скатерти и портьеры, но все это очень дорого. А часто в магазинах продают изделия, которые ничуть не лучше базарных».

Все и всюду говорят, что надо уничтожить в нашем быту мещанский вкус! Но что такое правильный, хороший вкус? В августе 1957 года я была в Москве и посетила Международную выставку молодых художников. Я говорю о зарубежных художниках. Все они имеют специальное художественное образование, но то, что я там увидела, меня поразило. Каким же «вкусом» обладают художники, рисующие абстрактные картины? И обладателем какого вкуса будет считаться человек, у которого подобная «картина» займет место на стене? По моему, самая уродливая копия шихинских медведей лучше любого из этих «произведений».

Вопрос о вкусах очень сложен, и необходимо помочь людям в нем разобраться. Было бы очень хорошо, как предлагает Б. Чирков, завести журнал, занимающийся устройством нашего быта».

СИМОНА

Ирина ЛЕВЧЕНКО

О Симоне Кордет я впервые услышала в Берлине от товарища Георга Шпильмана, председателя Антифашистского комитета борцов Сопротивления.

— Вы с ней не знакомы? — удивился Шпильман. — О, это одна из самых замечательных женщин, которых я знаю! Она певица, поет песни борцов Сопротивления. Симону и ее песни знают в Бельгии примерно так же, как у нас Эрнста Буша. Будете в Бельгии — обязательно познакомьтесь, не пожалеете...

А через три дня утром он прибежал в гостиницу, где мы жили. — У меня для вас подарок. Она здесь! Приехала из Бельгии! — прокричал он еще с порога.

Через несколько минут я уже пожимала руку женщине средних лет, с пепельными, коротко стриженными волосами, большими усталыми серыми глазами и мягкой, чуть грустной улыбкой.

Симона Кордет поет рабочие песни. Она очень любит песни, призывающие к миру, к единению народов, к дружбе. И поэтому часто исполняет песню, в которой говорится о желании рабочих уничтожить все, что мешает миру, все, что несет смерть. А песню из кинофильма «Если бы парни всего мира...» Симона исполняет чуть ли не в каждом концерте.

Несколько лет назад Симона побывала в Бельгийском Конго. Там она слышала, как пела молодая негритянка над колыбелью сына. Симона попросила продиктовать ей слова, и молодая женщина подарила певице свою песню. Когда Симона прочла текст, она очень удивилась: молодая негритянская мать пела своему мальчику не обычное «баюшки-баю», а боевую песню мира.

— Женщина без образования, неграмотная создала замечательную песню о мире, — говорит Симона. — Я привезла этот чудесный подарок в Бельгию, и один наш музыкант написал к ней музыку.

Я очень люблю эту песню и часто пою ее. Пела я ее и на шестом фестивале молодежи в Москве. Только мне очень мало пришлось там выступать. Времени не хватало: я была членом оргкомитета и жюри фестиваля. Но какое это было счастливое время! — Симона улыбнулась. — Вы, наверное, ждете, что я вам что-нибудь расскажу?

Она подумала немножко и медленно заговорила. В годы войны она партизанила вместе со своим мужем — музыкантом-скрипачом. Он был активистом подпольной антифашистской организации. В апреле 1942 года его арестовали и отправили в концлагерь Маутхаузен. Симона продолжала борьбу.

В июне сорок третьего года она получила задание: срочно, в течение часа, доставить на партизанскую явку три револьвера с патронами. Симона задумалась. Гестаповцы не давали бельгийцам покоя ни днем, ни ночью. В любой час на улице, в трамвае, в магазине можно было попасть в облаву. Иногда патрули обыскивали прохожих. Попадись при таком обыске бельгиец с оружием — расстрел на месте.

Напротив квартиры Симоны был большой цветочный магазин... Симона купила красивый букет цветов. Револьверы большие и тяжелые — три колета калибра девять миллиметров — и еще патроны к ним. Симона завернула все это в бумагу и положила в букет так, что сверток с оружием оказался спрятанным в стеблях цветов. Потом обернула стебли плотной бумагой, крепко обвязала шпагатом. Она недаром выбирала самые пышные ветки — получился очень большой букет, и несколько утолщенное его основание не привлекало особого внимания. Можно идти.

Симона вышла на улицу. Молодой человек, старательно изучавший нарядную витрину цветочного магазина, заметил в зеркальном стекле отражение Симоны с букетом в руках и удивленно обернулся. Это был товарищ, которому поручили издать охранять Симону.

Симона шла легко, даже весело и гордо, светлая, сияющая, как невеста, и какой-то фашистский офицер улыбнулся ей, красивой женщине с роскошным букетом. Вот она села в трамвай. Товарищ, сопровождавший ее, на ходу вскочил в тот же вагон.

Сначала все вокруг казалось спокойно. Но внезапно трамвай встал где-то между остановками. В вагон вошли гестаповцы и объявили обыск. Симона прижала к груди букет и оглянулась на своего спутника. Лицо у него было белое, как у Пьеро, которому неаккуратный гример по ошибке припудрил и губы...

Гестаповцы приказали мужчинам выходить на правую сторону, женщинам — на левую. Симону и ее товарища разделял теперь вагон трамвая.

Гестаповцы томительно медленно производили осмотр, вызывая по одному человеку то из мужской, то из женской группы пассажиров. Ожидающих окружали солдаты с автоматами. Один из охранников стоял рядом с Симонкой.

— У вас очень красивые цветы, мадам, — неожиданно сказал он по-французски.

Симона восторгалась: с ним

надо обязательно поговорить. Что это даст, она еще не знала, о чем говорить — тоже...

— Вы можете говорить по-немецки, — сказала она. — Я понимаю и говорю по-немецки.

— О, вы, может быть, немка?

— Нет, я бельгийка... но немножечко и немка: моя мама была немкой.

Неожиданно даже для самой себя превратив свою мать в немку, Симона стала торопливо рассказывать тут же придуманную историю: ее бедная мама, к несчастью, умерла, и Симона живет теперь, как все бельгийки. Если бы была жива мама, ей, Симоне, конечно, проще и легче было бы встречаться со своими соотечественниками по матери. Наверное, тогда ее освободили бы и от обыска. Но мамы нет, она умерла, и вот эти цветы Симона, как хорошая дочь, везет на ее могилу...

— Я очень сочувствую вашему горю, мадам. Моя мама из Дюссельдорфа. Она умерла, и я тоже собираюсь отнести на кладбище цветы. Скажите, мадам, у вас в сумочке ничего нет?

— Вы можете проверить. — Симона раскрыла маленькую дамскую сумочку, в которой с трудом помещалась пудреница.

Гестаповец все же вытащил пудреницу, повертел ее зачем-то в толстых пальцах и осторожно положил на место.

— Я думаю, мадам, вы можете сесть обратно в трамвай, — сказал он и, посторонившись, открыл Симоне дорогу.

— Вы можете выбрать себе любой цветок, — совсем расхрабрилась Симона.

— Нет, везите все вашей бедной матушке, — великодушно отказался расчувствовавшийся немец.

С трудом сдерживая шаг, чтобы не побежать, все еще не веря в неожиданную удачу, Симона вошла в вагон трамвая. Она нарочно села с правой стороны, чтобы ее товарищ мог понять, что все в порядке. Но он только еще больше испугался, решив, что ее уже арестовали...

Гестаповцы отпустили еще несколько человек и приказали вагонножатоному продолжать рейс.

Остаток пути прошел благополучно. Правда, два квартала, которые надо было пройти от трамвайной остановки до конспиративной квартиры, Симона уже не шла с видом счастливой невесты. Ей едва удавалось хотя бы внешне выглядеть равнодушной. С таким видом она и передала свой опасный букет из рук в руки тому, кому он предназначался. Букет тут же унесли в другую комнату, а Симона с облегчением опустилась в кресло...

— Сейчас нетрудно рассказывать, но тогда было нелегко пережить напряжение одного этого коротенького часа. Очень нелегко, — повторила Симона, испытующе глядя на меня, словно спрашивая, могу ли я понять, как трудно это было.

— Расскажите еще что-нибудь. Ведь это не первое и не последнее выполненное вами задание, — попросила я.

— О, да, конечно! Много было разного. Были и посложнее и посерьезнее... Но я вам расскажу другое, поближе к сегодняшнему дню. Вы знаете песню «Болотные солдаты»?

— Песню, которую еще в тридцатых годах пел Эрнст Буш?

— Да, эту самую. Я услышала ее от одного немецкого товарища еще в 1938 году. Он воевал в Испании, а потом эмигрировал в Бельгию. Звали его Герман Гайзен. Когда фашисты ворвались в Бельгию, его арестовали, затем казнили в Берлине. А песня осталась для меня памятью о нем и о немецких антифашистах.

В Бельгии есть небольшой город Любек. В декабре 1957 года в этом городе отмечалась годовщина городского комитета борцов Сопротивления. Товарищи из комитета попросили меня выступить с антифашистскими песнями борцов Сопротивления и среди других песен назвали «Болотных солдат». Я сказала, что эту песню пою только по-немецки.

— По-немецки? Это невозможно, даже звук немецкой речи противен слуху бельгийцев — бойцов Сопротивления!

Тогда я ответила, что они, должно быть, не знают историю этой песни, и еще сказала, что нельзя смешивать фашистов со всем немецким народом.

Товарищи из комитета подумали и сказали, что по этому поводу надо созвать специальное совещание комитета.

Совещание, говорят, проходило бурно. А через два дня мне сказали, что я могу петь так, как мне хочется, но... под свою ответственность.

Вечер состоялся в большом зале Католического университета. Когда настала моя очередь и объявили песню «Болотные солдаты», я вышла и сказала:

— Вы, наверное, слышали эту песню во французском переводе, но я пою ее на немецком языке и хочу рассказать, почему. Эту песню сочинили немецкие антифашисты, политические каторжники болотного лагеря около Паненбурга. Фашистские концлагеря существовали уже в 1933—1934 годах. Первыми узниками там были немецкие антифашисты. Многие из них погибли за наше общее дело борьбы с фашизмом, и мы не должны забывать их, забывать их страдания. Я считаю, что петь их песню на чужом языке — значит не уважать их память. Поэтому я пою ее только по-немецки. Если кто-нибудь в зале не согласен со мной, пусть поднимет руку. Одна рука протеста — и я не буду петь.

Я долго всматривалась в зал, — со все возрастающим волнением говорила Симона, — но ни одна рука не поднялась. Тогда я запела, и люди поднялись со своих мест и стоя слушали песню. Я была так тронута и взволнована таким приемом, что, наверное, пела в тот вечер с особым подъемом. А когда кончила песню, со страхом увидела одну поднятую руку, — неужели не заметила ее раньше и нарушила свое слово? А зал молчал и не аплодировал. Все чего-то ждали, и я спросила того, кто поднял руку, что он хочет сказать.

— Я хотел предложить... — сказал он. — Нельзя ли минутой молчания почтить память тех, кто погиб в фашистских концлагерях?..

И мы стояли молча не одну минуту, и аплодисментов так и не было. Это не обидело меня как певицу, потому что такое молчание — высшая награда...

Я не хотела отпустить Симону до вечера, но она торопилась на репетицию. Она ведь приехала специально для участия в международном концерте...

Н. Н. Крапивин. СЕНОКОС.

И. Н. Стасевич. В БЕЛОРУССКИХ БОЛОТАХ.

Мысли о молодежи

АМЕРИКАНИЦА X

Джозеф НОРС

Я слушаю наших американских юношей и девушек и вдруг с чувством вины — ибо я уже в летах и в какой-то мере несу ответственность за их будущее — задаю себе вопрос: что же получилось из их юной мечты?

Где вы, Генльберри Финн и Том Сойер, страстно мечтавшие освободиться от рабства своего друга Джима? Эти двое тленовских ребятишек как бы подняли факел, освещавший жизненный путь поколениям наших мальчиков и девочек. В школе для них служили примером неукротимый Джордж Вашингтон, молодой Линкольн, усваивающий азбуку при свете огарка и позже с помощью сынов Уолта Уитмена побеждающий рабство.

Еще вчера наши дети росли, окруженные видениями торжества исторического прошлого Америки. Их отцы сражались с зеленой пустыней, распахиwały безбрежные равнины, ставили запруды на реках, чтобы заселить великий континент и воздвигнуть на нем большие города. Мечты молодых были безграничны, они готовились к дням, когда, как и подобает молодости, сильной и вечной, они превратят свою землю в райский сад, прибежище дружбы и братства людей.

Это верно, что молодежь моего поколения не увидела мира, о котором мечтала, — мира, в котором царил бы социальная справедливость, все люди были бы равны, никто не пользовался бы трудом другого в своих интересах, где царил бы вечный мир. И все-таки дух Декларации независимости господствовал в нашей стране. Я сам рос под сенью слов Томаса Джефферсона, начертанных на школьной доске: «Все люди созданы свободными и равными». Нас согревали пламенные отблески, оставленные нашими освободительными войнами 1776 и 1861 годов, которые Маркс назвал славнейшими страницами истории человечества.

Что же мы видим сегодня? Где мечты, которыми мы жили вчера? Нечто мрачное и жестокое пришло на смену этим ярким видениям: призрак смерти. И он подстерегает наших нынешних молодых.

На каждом углу они слышат, что водородная бомба, или «адская бомба», как ее называют иногда, — это верховный судья, решающий судьбу всего, владыка будущего. Наша американская культура отражает это в себе повсеместно: в газетах, радио и телевидении, в романах, на сцене.

Молодежь говорит, что если кто-то требует запретить ядерное оружие, то это требование — не что иное, как «порождение дьявольской дипломатии», что нас хотят «заставить врасплох», превратить в рабов чужеземцев, этих «злокозненных людей» из стран социализма.

Культом насилия стал у нас официальный культ. Что мы читаем, слышим, видим день за днем? Вот один из множества типичных и

устрашающих случаев, которые вопиют о неблагополучии в нашем американском обществе. В Нью-Йорке мальчик восьми — восьми! — лет предстал перед полицией и мрачными судебными чиновниками по обвинению в том, что зарезал ножом мать и отца, когда они спали в своих кроватях. В газетах приводились во всю страницу портреты восьмилетнего убийцы: вот он входит в здание суда, выходит из него... Едва оправившись от этого леденящего кровь случая, Америка узнает, что шайка мальчишек избивала девочку девяти с половиной лет и собиралась съесть ее живьем. Такими фактами пестрят заголовки газет, их затем переводят на язык кино и телевидения, и вся американская нация как бы обволакивается ими. И, словно всего этого еще мало, словно это уже стало банальным, молодежь выступает в газетах в облачении ежедневных скандалов, диких половых бесчинств, маряющих юношескую мечту о чистой любви.

А школы, наши школы! Нам заявляют из официальных кругов, что величественный запуск в космос советских спутников показал «некоторое отставание» нашей школы, но... не робей, Америка! Мы перестроим их, говорят нам, соорудим целые новые университетские города, дадим стипендии, наберем мирную армию новых педагогов и так оборудуем наши классные комнаты, что наши дети снова будут вырастать людьми, подобными Уитнею, Лютеру Бербанку и Томасу Эдисону.

Прошед год (год Ливана, затем Куэмоа), и федеральные власти, администрация штатов и городов вдруг словно погрузились в непродуктивный сон, превратились в мрачных скупцов, начисто отказывающихся в деньгах на школьные здания, парты, учебные пособия, на учителей — словом, на все, что требуется ребенку, вступающему в волшебное царство науки.

Горизонты учения и знания заслонил собой гигантский серебряный круг доллара, который оказался нужен для другого: для выпуска ядерных снарядов, ядерных военных кораблей, ядерных самолетов. Все еще реет над страной закон денежного мешка: «Каждый за себя, и пусть идет к дьяволу отстающий!»

Говоря все это, просматривая заголовки газет и слушая нашу молодежь, я все-таки знаю, что она не окончательно потеряна. Нет, не иссякли источники демократии в Америке и не иссушены ее корни! Ее животворящее дыхание бесшумно, и оно поддерживает и ободряет наш народ. Это — великое и вечное дело.

Возьмите вопрос о равенстве в наших школах, самый жгучий вопрос американского сегодня. Вдохновляемые примером Гитлера, губернаторы южных штатов запрещают темнокожим детям, детям

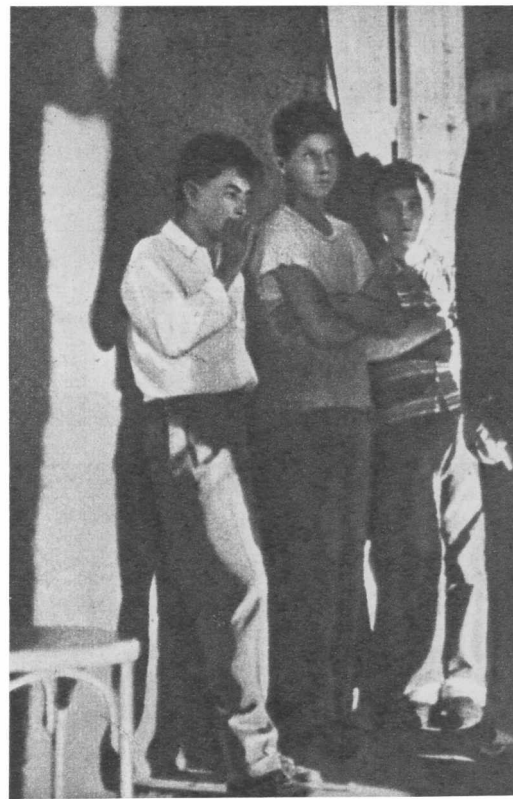
негров, составляющих десять процентов нашего населения, входить в классы и садиться за парту рядом с детьми с более светлой окраской кожи. И вот я беседую с многими белыми юношами и девушками здесь, на Севере, встречаюсь с ними и в западных штатах и на Юге, куда я ездил, чтобы написать об этих событиях. Многие молодые люди с белой кожей отдадут должное мужеству юных негров, которые ходят в школу вопреки повседневной травле, пронося свои сумки с книгами через провололочные заграждения ненависти и угроз физической расправы. Нет, это детское мужество не остается незамеченным белыми детьми, которые — я убежден в этом — не разделяют каннибальских замашек некоторых своих родителей. Как часто белые школьники южных штатов говорили мне, что они тоже уйдут из школы, если родители запретят черным товарищам посещать ее!

Сейчас, когда пишется эти строки, белые ученики школ Литтл-Рока, которые губернатор штата Фобус велел закрыть, устраивают митинги. Они требуют, чтобы школы были вновь открыты. Они хотят учиться, и это НЕ ОНИ требовали, чтобы негритянским детям было запрещено учиться рядом с ними. А губернатор Фобус уже мечет громы и молнии и против этих белых школьных «смутьянов»...

Те из нас, кто стоит на почве марксизма, знают, что погода изменится, что она уже меняется, что эти юноши и девушки, которые хотят справедливости и права учиться, — они в конце концов победят. Но пока целое поколение обречено на страдания, в первую очередь поколение молодых негров, но и белых тоже.

Да, мы знаем, что родники демократии не иссякли. Они и не иссякнут вопреки всем официальным нормам «американского образа жизни», установленным миллиардерами. Наша страна остается страной Вашингтона, Линкольна, Фредерика Дугласа, Эмерсона, Уитмена. Наш народ остается народом, которого не смог сломить фашистский режим Маккарти, хотя еще совсем недавно маккартизм всемерно насаждался и превозносился.

И еще одна, последняя мысль. Представьте себе на минуту те линии враждебной клеветы на страны социализма, которые низвергаются на головы американцев. И все же, когда посланцы социалистической культуры приплывают к нашим берегам, разве не приветствует их со всей сердечностью и теплотой подавляющее большинство простых людей Америки, ее молодежи? Толпы наших юношей и девушек выстраивались в нескончаемые очереди и буквально штурмовали концертные залы, чтобы услышать Ойстраха, Гилельса, увидеть ансамбль Моисеева. Как только они получают возможность, они прояв-

Трое подростков, приведенных в полицейский участок в Нью-Йорке. Снимок из журнала «Лук».

ляют свойственный им внутренний демократизм вопреки всем официальным рогаткам, вопреки враждебной пропаганде.

Много есть такого, что вселяет надежду, в фундаменте, в скальном основании американского общества. Но все это придалено ледяными глетчерами репрессий, угроз, насилий. Мы знаем, что народ приведет все это в соответствие с требованиями жизни, мы уже видели на нашем веку, как это совершается. Культурное бесплодие Америки двадцатых годов сменялось тьмой к демократии и культуре в тридцатых годах, когда страна была поражена кризисом. Именно тогда мы увидели нашу молодежь духовно возрожденной, дававшей встречный бой голоду и безработице. Она училась тогда всему лучшему, что есть в мировой науке и искусстве. В те годы молодежь участвовала в создании больших рабочих организаций, боролась за права негров, расширяла горизонты нашей демократии. Это уже было однажды, и это будет вновь.

Пожоже завтра придет! Мы слышим эту песню будущего, она доносится к нам из стран социализма. И мы хотим, чтобы она зазвучала прежде всего для нашей обездоленной молодежи. Мы хотим этого и добьемся этого.

Нью-Йорк.

Молодежь Нью-Йорка перед сбором подписей за мир и запрещение атомного оружия.

← Чемпион мира В. Стогов взял вес.

Перед обозревателем, которому предстоит в одной статье рассказать о крупнейших спортивных событиях минувшего лета, стоит по-своему такая же трудная задача, как, скажем, перед астрономом, вознамерившимся в короткой лекции поведать о светилах, населяющих небо.

Стоит только перечислить некоторые состязания «космического» масштаба, в которых участвовали наши команды, чтобы стало ясно, что Советская страна превратилась в крупнейшую спортивную державу. Чемпионаты мира по футболу, гимнастике, стрельбе, современному пятиборью, чемпионаты Европы по легкой атлетике, плаванию и многим другим видам, дружеские матчи с американцами по вольной борьбе, штанге, баскетболу и легкой атлетике, сенсационные выступления наших молодых теннисистов на кортах Англии и т. д. Но даже на этом красочном фоне ярко блистают звезды наипервейшей величины. Подобно угасшим звездам, которые продолжают светить на небосклоне, эти давно закончившиеся состязания все еще занимают умы любителей спорта.

Бочка меда и ложка...

Легкая атлетика на спортивном небе — это даже не яркая звезда, а нечто вроде Млечного Пути. На этом пути у наших спортсменов было немало крутых подъемов, но встречались, увы, и резкие спуски.

У читателей, наверное, свежи в памяти впечатления, связанные с дружеским поединком советских и американских легкоатлетов. Битва титанов — негра Рафера Джонсона и Василия Кузнецова, — закончившаяся феноменальным мировым рекордом негра в десятиборье, великолепный тройной прыжок Олега Ряховского, полная глубочайшего драматизма дуэль прыгунов в высоту Юрия Степанова и Чарльза Дюмаса — каждый из этих, как и многих других, эпизодов носил, что называется, событийный характер.

Об эмоциях участников, о застенной экспрессии этого незабываемого состязания лучше всего, быть может, расскажет такой случай.

Шли соревнования прыгунов в высоту. Один из действующих лиц — советский прыгун Юрий Степанов, фактически рекордсмен мира, рекорд которого не был утвержден из-за якобы чрезмерно толстой подошвы туфли. Другой фаворит — Чарльз Дюмас, официальный обладатель рекорда мира. Судьба впервые столкнула их лицом к лицу. И вот Степанову предстояло публично доказать, что он не «самозванец», что его «притязания на прыжковый престол» вполне обоснованы.

Планка на высоте 206 сантиметров. Степанов разбежался и легко взял высоту с первой же попытки. А Дюмас? Пока его соперник прыгал, он с любопытством разглядывал... туфли Игоря Кашкарова, другого участника советской

команды. Быть может, он почувствовал надвигающуюся катастрофу и хотел собственными глазами убедиться, что его кладут на лопатки по всем правилам? Так это или не так, но факт остается фактом: талантливый Дюмас, в которого руководители американской команды верили, как в бога, не выдержал психологического испытания — он прыгнул всего на 203 сантиметра, в то время как воодушевленный уже одержанной победой Степанов взлетел все выше и выше и взял высоту 206, затем 208, 210 и, наконец, 212 сантиметров!

Когда прыжки были закончены, Дюмас, спокойный, чуть улыбающийся, неторопливо прошел к западной трибуне, спустился в люк. И только здесь, оглянувшись по сторонам, он прислонился к стене и молча, по-мужски, заплакал...

Остается добавить, что спустя двадцать дней мировой рекорд Степанова, установленный в прошлом году в Ленинграде и равный 216 сантиметрам, был утвержден.

Матч закончился со счетом 172:170 в пользу команды СССР. Это был, конечно, примечательный успех, хотя кое-что, в частности поражения наших метателей и неожиданные трудности в беге на длинные дистанции, заставляло насторожиться.

Спустя три недели в столице Швеции состоялся чемпионат Европы по легкой атлетике. В целом наша команда выступила там вполне успешно и по неофициальному подсчету очков заняла первое место. Но смотреть сквозь победные очки так же вредно, как и сквозь розовые.

Эта истина еще раз подтвердилась в матче со спортсменами Федеративной Республики Германии, где мужская команда немцев, не только к огорчению, но и к удивлению руководителей нашей легкой атлетики, нанесла нам поражение. Причем, и это самое обидное, мы проиграли в некоторых заведомо «наших» видах, как, например, в беге на 5 и 10 тысяч метров. Правда, спустя два дня советские легкоатлеты победили во всех номерах состязаний, но ложка дегтя сделала свое черное дело. Советских любителей спорта не очень огорчило, что в матче с командой США наши мужчины набрали меньше очков, чем соперники: это пока закономерно. Но там, где мы можем, мы должны побеждать!

Здесь следует сослаться на пример штангистов. Один болельщик как-то сказал: насколько у нас тяжело идут дела с легкой атлетикой, настолько легко — с тяжелой. Шутка эта не совсем точно отражает положение вещей, но как бы там ни было, советские чудо-богатыри — это действительно испытанная гвардия нашего спорта.

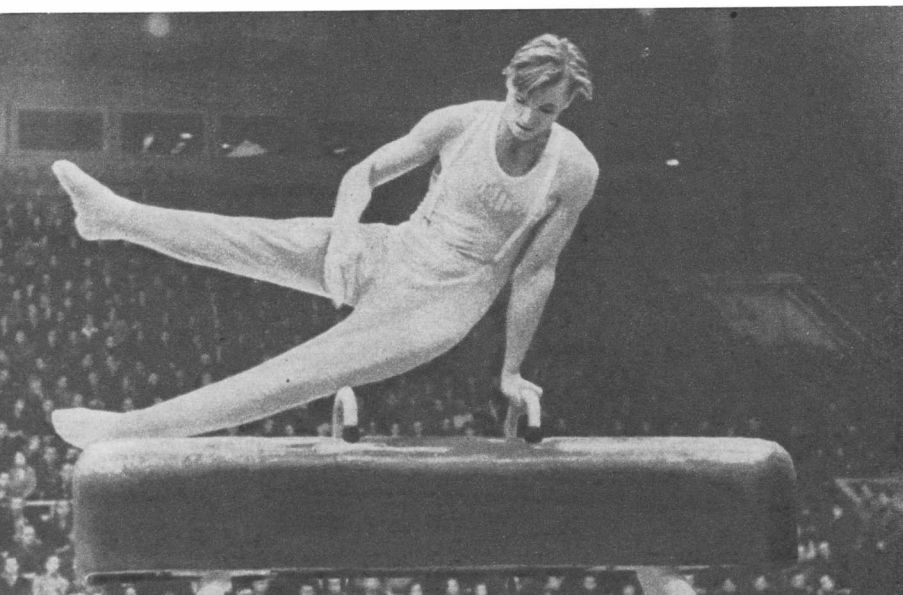
В начале лета штангисты совершили поездку за океан. В Детройте, Чикаго и Нью-Йорке наши тяжелоатлеты, что называется, «с доставкой на дом», нанесли поражения своим американским коллегам, не посчитавшись с заявлениями их руководителя Боба Гофмана, у которого скромность никогда не была в числе главных добродетелей.

Прошло несколько месяцев, и советские штангисты опять доказали, что не зря они пользуются «большим весом» в мировой тяжелой атлетике. На чемпионате мира и Европы (все в том же

Триумфы СПОРТИВНОГО сезона

Виктор ВАСИЛЬЕВ

Фото А. Бочинина.

← Чемпион мира Б. Шахлин выполняет упражнение на гимнастическом коне.

Стокгольме!) советская команда начисто переиграла американцев и с блеском заняла первое место. Штангистам — bravo!

Было бы несправедливо умолчать о достижениях наших пловцов. Их тоже можно поздравить: в нынешнем году в списках чемпионов Европы впервые «всплыли» имена советских спортсменов. Долго, ох, как долго мы этого ждали, но все-таки лучше поздно, чем никогда!

И любезность нужна в меру

Думаю, что тренеры по гимнастике простят меня, если я выдам их маленькую тайну: перед началом чемпионата мира по гимнастике они при словах «японская команда» испытывали нечто вроде легкого озноба. А ведь четыре года назад, на чемпионате мира в Риме, где наши гимнасты добились поистине триумфального успеха, мало кто предполагал, что пройдет всего несколько лет и японцы, как это случилось в Мельбурне, станут нашими грозными соперниками.

Там, в Риме, условия соревнования отнюдь не благоприятствовали нашим гимнастам. Жара в ту пору стояла такая, что на церемонии открытия чемпионата президент международной федерации произнес приветственную речь и... упал, сраженный солнечным ударом. Но невыносимый зной не помешал нашей команде уверенно занять первое место, не помешал Виктору Чукарину и Валентину Муратову стать абсолютными чемпионами мира (впервые в истории гимнастики это звание было присуждено сразу двум спортсменам, набравшим абсолютно одинаковое количество баллов).

И вот теперь нашим гимнастам предстояло отстаивать свои титулы не в знойной Италии, а у себя дома, в родной Москве, и все-таки даже стены, которые, как говорят, помогают, не могли вселить столь необходимую уверенность в ожидании встреч с гостями из Страны восходящего солнца.

Японцы действительно оказались опаснейшими противниками. Тем приятнее отметить, что наши гимнасты доказали свое бесспорное право называться сильнейшими в мире. И это несмотря на то, что команда выступала без Чукарина, который прекратил выступления, а Муратов был далеко не в своей лучшей форме. Их место на пьедестале почета занял Борис Шахлин — человек редкого мужества и железной выдержки. На московском чемпионате Шахлин продемонстрировал гармоничное сочетание атлетической мощи с неповторимой красотой и изяществом движений. И все, в том числе и его соперники, единодушно признали, что Шахлин — достойнейший из достойных.

После окончания соревнования выдающийся японский гимнаст Такаси Оно, занявший второе место, сказал о советских гимнастах: «Мы считаем, что выигрыш у этой команды — дело почти невозможное».

Оценка лестная, что и говорить! И все-таки хочется верить, что сами наши гимнасты оценивают свои успехи более сдержанно, чем их друг Оно. Ибо нет в спорте ничего опаснее, чем самоуспокоенность, что не так давно лишней раз и довольно убедительно дока-

зали наши стрелки. Выступая в Москве на чемпионате мира, они завоевали в целом больше медалей, чем стрелки какой-либо другой страны, но в ряде упражнений слишком уж любезно уступали первые места своим гостям.

Лед тронулся!

Долгое, очень долгое время наш теннис был похож на безнадежно отставшего ученика, которого каждый год оставляют в одном и том же классе начальной школы. Но виной было не плохое прилежание и не отсутствие способностей, а неправильная метода.

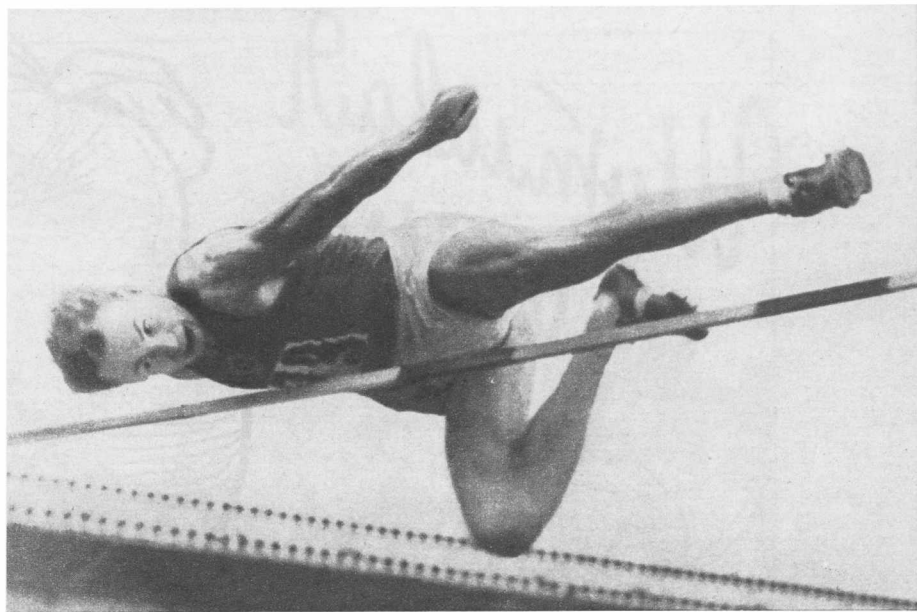
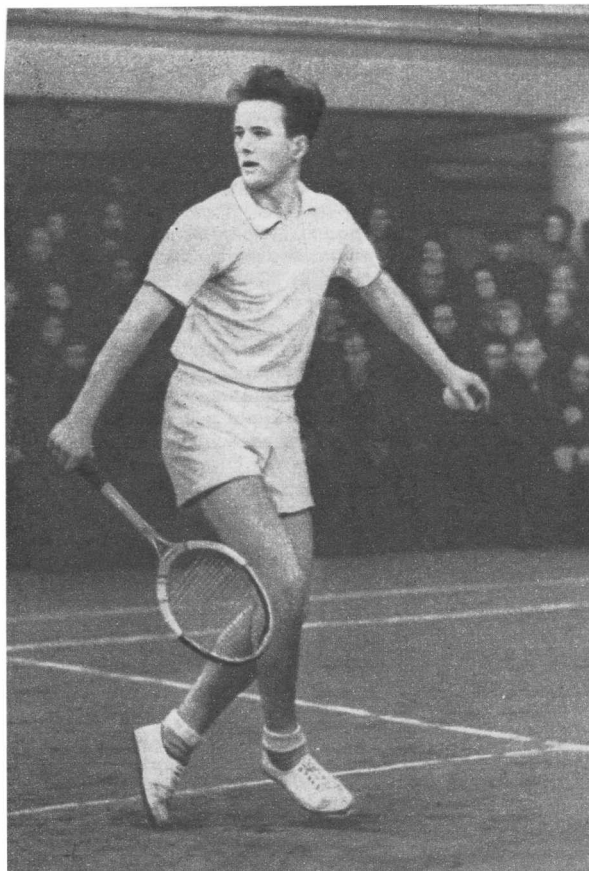
История была, в общем-то, не новая: поскольку теннисисты играли плохо, их не посылали на международные турниры. Ну, а раз тренеры и игроки не обогащались опытом международных состязаний, они, понятно, не могли и по-вышать класс, а тем более изменять стиль игры. Стиль же этот был архаичен: игроки преимущественно топтались на задней линии, питая явную антипатию к рискованным выходам к сетке.

Словом, с нашим теннисом происходило примерно то же, что и с его троюродным братом — пинг-понгом, который, по образному выражению президента международной федерации настольного тенниса Айвора Монтегу, был похож на купальщика, в нерешительности стоящего на берегу и время от времени пробующего ногой воду: не слишком ли холодна. В конце концов осторожный купальщик решил нырнуть и, представьте себе, не утонул, а довольно-таки бодро поплыл!

Короче говоря, наши теннисисты стали встречаться с опытными зарубежными мастерами, и результат не заставил себя долго ждать: у нас появились юноши и девушки, для которых острая темповая игра у сетки стала родной стихией.

В начале июля Анна Дмитриева и Андрей Потанин совершили паломничество в теннисную «Мекку» Уимблдон (предместье Лондона). Здесь наша зеленая молодежь выступила в юношеских состязаниях, причем Потанин завербовался в восьмерку сильнейших, а Дми-

Андрей Потанин в игре.

Ю. Степанов взял высоту 212 сантиметров.

триева дошла до финала! Иностранных специалистов поразили не столько сами победы, сколько то, что одержаны они были, особенно Дмитриевой, в самом что ни на есть современном стиле!

Значит ли это, что все трудности в теннисе уже позади? Конечно, нет. Но лед уже тронулся!

...Итак, обозрение подходит к концу, и я предвижу, что читатель удивленно и негодуя вскинет бровь: «А где же футбол?!» В самом деле, не сказать о футболе — это значит уподобиться тому педанту, который «всё о труде говорит да о честности, а о любви ничего». Как можно обойти молчанием «поведение» футбола, этого любимого, но проказливого дитяти советских любителей спорта? Особенно после того, как он получил «пятерку» (голов) на последнем экзамене по английскому в Лондоне! Однако футбол представляется мне настолько трудным в педагогическом отношении, что разговаривать о нем надо с металлом в голосе и не в праздничные дни. Разговор такой состоится в одном из ближайших номеров «Огонька».

И все же мне хочется обратить внимание на одну деталь, которая должна вселить в сердца любителей спорта некоторую долю

оптимизма. Несколько дней назад был сыгран последний матч розыгрыша Кубка СССР. Кубок, как это с ним не раз случалось в прошлые годы, не пожелал ехать на периферию и остался в столице. Но на этот раз это ему сошло с рук далеко не так просто, как бывало иногда в прошлом. Многие участники кубкового турнира, как, например, красноярский «Локомотив», ташкентский «Пахтакор», орехово-зубовское «Знамя труда», которые прежде довольствовались скромным положением статистов, теперь потребовали себе первые роли и сыграли их не только с молодым задором, но и с настоящим мастерством. То же произошло и в легкой атлетике, баскетболе, теннисе, боксе...

Все это говорит о том, что у нашего спорта есть отличные резервы, что уровень мастерства, подобно жидкости в сообщающихся сосудах, становится примерно одинаково высоким во всех местах нашей необъятной страны.

И эту приметку сезона мы отмечаем с особенной радостью.

Легкоатлет О. Ряховский перед рекордным прыжком в дни матча СССР — США.

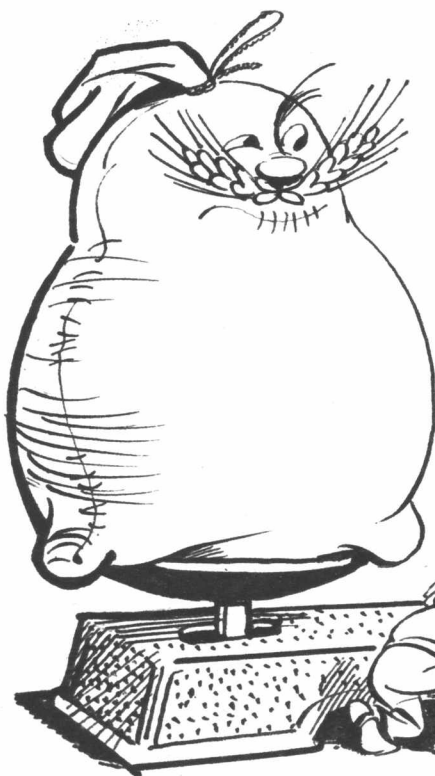

Шутливая осень

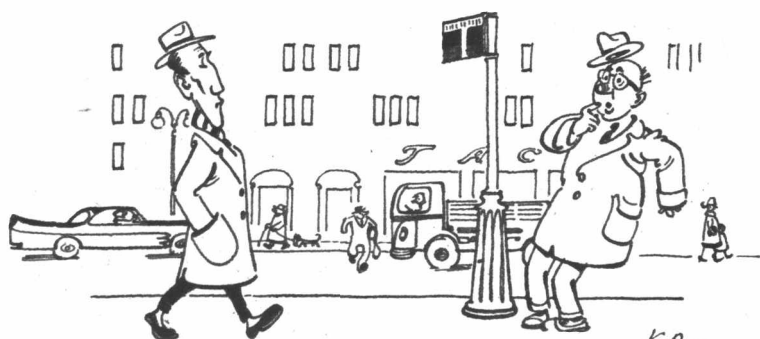
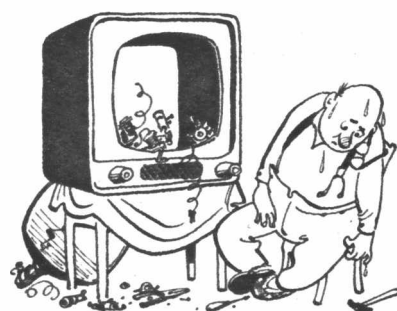
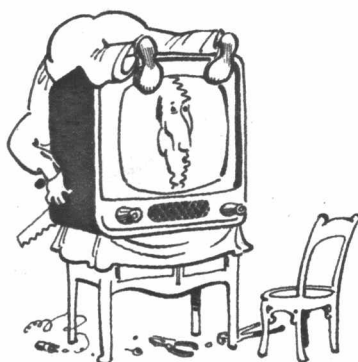
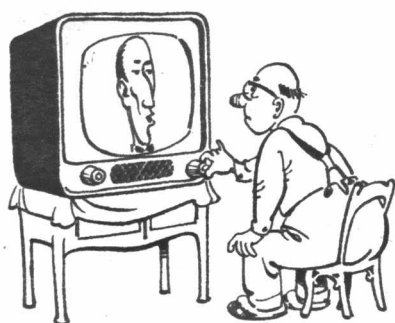
Аист-рыболов.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

На высоком уровне.

Рисунок Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Устойчивое «искажение».

Рисунки К. РОТОВА.

Последняя

Виктор БЕЗОРУДЬКО

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

Никто не станет возражать, что надевать хромовые сапоги-дудочки кавалерийского образца двадцатых годов — дело не такое уж легкое. Но в жизни Трофима Трофимовича не было еще случая, чтобы он оставил сапоги под кроватью в те дни, когда совершались какие-нибудь важные события.

В отличие от любых других предметов одежды хромовые сапоги-дудочки обладают свойством оказывать сопротивление невероятной силы тому, кто нарушает их покой и пытается надеть их на ноги. Левый, как правило, выдерживает борьбу четверть часа, а правый намного сильнее: он борется с хозяином по крайней мере полчаса. Пот катится с лица Трофима Трофимовича. Его зеленые выцветшие глаза яростно смотрят на носок сапога, а руки изо всех сил тащат за «ушки».

Жена Трофима Трофимовича, Мотря Ивановна, женщина дородная, полнолицая, как арбуз в августе, подперла локоть, прижала палец к щеке и с сожалением наблюдает за муками своего мужа. Доброе ее сердце не выдерживает, и она говорит:

— Да брось их прочь и надевай ботинки!

— Эге, брось!.. Форма! — рассердился Трофим Трофимович.

Он тяжело дышит, и буденновские его усы опускаются и поднимаются. Трофим Трофимович пыхтит и тужится, ухватившись за «ушки». Голенище жалобно скрипит,

и нога наконец вскакивает в сапог. Трофим Трофимович, похрамывая, ходит по хате; Мотря Ивановна, с облегчением вздохнув, вытаскивает из сундука военную гимнастерку и кавалерийскую фуражку. Отличное сукно! Около тридцати лет лежит фуражка в сундуке, а еще совсем как новая.

— Парад, что ли, будет, что это ты нарядился? — спрашивает жена.

— Эх, Мотря!.. Ты хоть и равноправная моя жена, а ничегошеньки не понимаешь. Это же форма! Последнюю возку делаем на «Заготзерно». Первым в районе план выполняю. Ясно? К секретарю появлюсь в полной боевой форме и с рапортом. Мощно выйдет. Эффект!

— Надел бы костюм и сорочку, что я выглядела. Лучше было бы!

Трофим Трофимович только махнул рукой. Ну, разве она поймет всю ответственность момента? Впервые в этом году руководимый Трофимом Трофимовичем колхоз «Маяк коммунизма» из середнячков выходит в передовые. Впервые чувствует себя председателем на высоте, а она про костюм! Костюм — это на праздник, а сейчас идет битва, фронт...

Гордой походкой, исполненный чувства достоинства, заходит председатель в свой кабинет.

— Маринка, мигом сюда! — кричит он.

— Я уже туточки, — появляется на пороге кареглазая девушка. Ее лицо цветет, как мак.

— Ну как, не жмет?
— Жмет немного под мышками.
Рисунок М. УШАЦА.

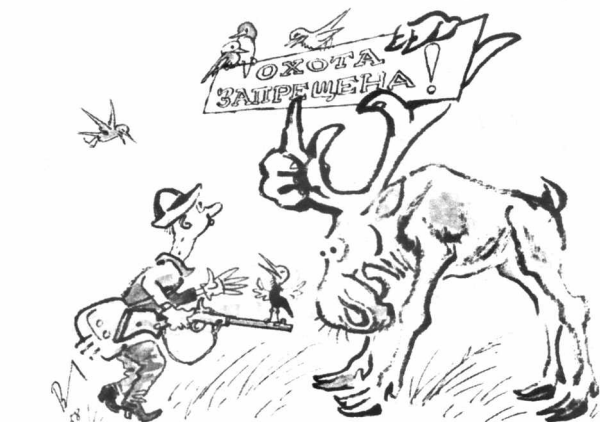
Случай с охотником.
Рисунок В. ГАЛЬБА.

ПЕТУШОК УСТАРЕЛ...

Царь Додон:— Ты, старик, лучше бы нам дал, радиолонатор!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Возка

— Видишь график продажи хлеба? — показывает Трофим Трофимович на стену.

— Вижу.

— Видишь девяносто девять и пять десятых?

— Вижу.

— Зачеркни и пиши «сто».

Маринка решительно зачеркивает синим карандашом цифру и пишет красным «сто».

— А видишь график «Красного партизана»? — спрашивает председатель.

— Ну так что?

— Не нагонит он нас, Маринка! Будем первыми в районе, вон что. Пускай Павло Петренко локти грызет себе от зависти. Хватит ему в передовиках ходить, походим теперь мы! Садись, рапорт будем писать.

Оказывается, написать рапорт — дело тоже не такое уж простое, если, конечно, нет привычки да к тому же если и сапог жмет. Писали долго. Зачеркивали и снова писали. Трофиму Трофимовичу

хотелось так написать, чтобы за сердце взяло, а получалось как-то совсем буднично: выполнили вот столько, а обязались продать еще вот столько. Наконец рапорт готов. Председатель кладет его в нагрудный карман гимнастерки, подкручивает усы и смотрит на девушку. Маринка стыдливо опускает глаза, потому что заранее знает, о чем сейчас спросит председатель.

— Когда на свадьбу позовешь, Маринка? Моряк твой скоро приплывет?

— Такое еще скажете! — говорит Маринка и уходит из кабинета.

Нещадное августовское солнце с молчаливым гневом пылает в посеревшем небе. Ветер свернул крылья и спит где-то за роцой. Неведомая сила движет из-за горизонта черную тучу с ровными краями, будто ее подстриг колхозный парикмахер.

Трофим Трофимович, стараясь не хромать на правую ногу, четким шагом идет к кладовым, где стоят четыре автомашины, нагруженные зерном и покрытые желтовато-зеленым брезентом.

— Прошу на флагмана, — жестом приглашает председателя колхоза шофер Иван. Он одет в тельняшку и широкие брюки клеш.

Иван готовится осенью стать моряком, а пока что тельняшкэй и бескозыркой (которую носит только вечером) пытается покорить сердце Маринки.

— Тронулись! — командует председатель, садясь в флагманскую машину.

Четыре автомашины с грохотом мчатся по степной дороге. Их бросает на выбоинах, как корабли на волнах шторма. Но Трофима Трофимовича это мало тревожит: привык. Настроение у него бодрое, на душе весело. Он иногда, будто ненароком, проводит рукой по нагрудному карману гимнастерки, где лежит рапорт, и улыбается себе в усы.

— Завернешь, моряк, сперва в райком, а уж потом на пункт, — говорит председатель.

— Есть в райком! — отвечает Иван, нажимая на тормоза: он заметил впереди на дороге огромную выбоину.

— Последнюю возку делаем в план, — говорит Трофим Трофимович.

Ему хочется поделиться с кем-нибудь своими мыслями. Теперь не Павла Петренко, а его, Трофима Кравчука, будут ставить в при-

мер другим. На районном совещании сидеть ему теперь в президиуме рядом с начальством. Вообще нынче особенно почитают тех, кто из отстающих попадает в передовые.

Трофим Трофимович глянул на шофера. Нет, тому не понять дум председателя! Ишь, усмехается! Он, должно быть, мечтает о крейсере «Зорком» или о своей Маринке.

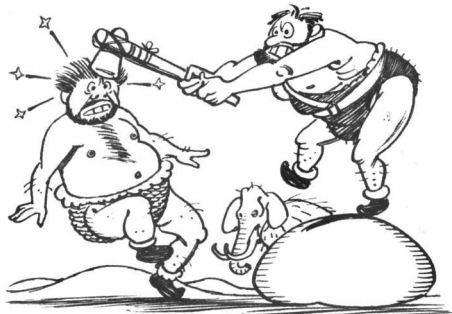
Трофим Трофимович заметил, как их опередила черная туча и как на ней закружилась, завихрилась шевелюра. Но вот опрокинулось на небе ведро, и хлынул дождь.

— Нажимай, Иван, чтобы Волчью Долину проскочить! — кричит председатель.

Волчья Долина — это такое место на шляху, где даже в жару стоит озером болото. А если к нему добавляется добрый ковш дождя, вся автомобильная техника пасует и в дело идут волю. Четвертый год Трофим Трофимович хранит выговор за эту Волчью Долину, но все никак не соберется засыпать и замостить ее.

Председатель с тревогой глядит вперед. Сквозь смотровое

— Не могу никак вдолбить тебе в голову, что я преследую только мирные цели!

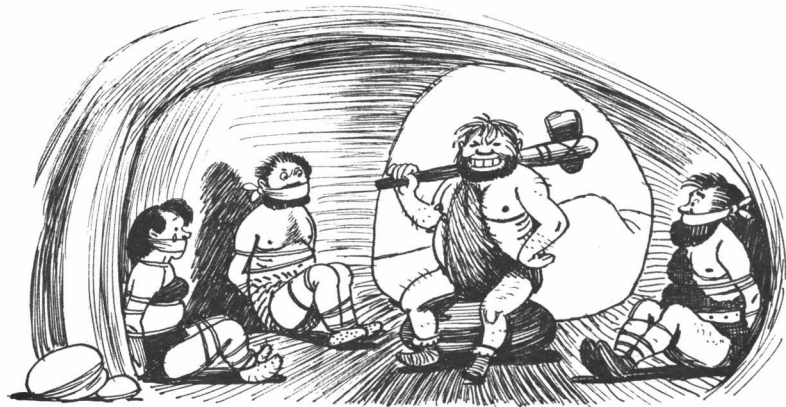
На заре рок-н-ролла.

КАМЕННЫЙ ВЕК ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЕЙШИХ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

Рисунки Ю. ГАНФА.

Первая корреспонденция в первый номер «Пещер-таймса».

— Пока я нахожусь на вашей территории, вы можете не волноваться за свою независимость.

стекло, залитое дождем, он замечает справа две вербы. Это на холме. За ними сразу Волчья Долина. Иван нажимает на тормоза. Все ближе и ближе мутное болотистое озеро. Трофим Трофимович закрыл глаза. Автомашина яростно буксует и останавливается.

— Сидит наш флагман на мели по самую ватерлинию, — мрачно объявляет будущий моряк, — а все из-за...

— Хватит! Обойдемся без критики снизу! — сердито дергает себя за усы председатель. — Думай, как машину вывести.

— Тут и думать нечего. Пригоняйте буксирный катер «ЧТЗ». Может, выйдем в фарватер, — отвечает Иван. — Мне в этой машинной рубке до утра сидеть. Эх, житуха!..

Он хотел еще добавить, что сегодня собирался списаться на берег, чтобы повидать Маринку, но взглянул на грозно ошестившиеся усы председателя и промолчал.

Дождь лил. Сбегались в Волчью Долину мутные ручьи. Болотное озеро увеличивалось. Уменьшалась надежда Трофима Трофимовича пробиться в райцентр, чтобы положить рапорт на стол начальству.

Только к вечеру дождь утих. Трофим Трофимович выбрался из кабины и сошел на холмик. Вдали одна за другой шли автомашины. Не из «Красного партизана» везут хлеб государству?

Поздно вечером пешком вернулся Трофим Трофимович в село. Приказал бригадиру послать к Волчьей Долине «ЧТЗ», потом хотел позвонить на пункт «Заготзерно», но неожиданно передумал. Положив рапорт в ящик, председатель направился домой.

В этом году не пришлось больше Трофиму Трофимовичу надевать хромовые сапоги-дудочки. Но они стоят на месте. Может, понадобятся в следующем году...

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.

Всеволод КРАВЧЕНКО

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Чего греха таить, встречаются еще у нас там-сям любители попусту поболтать. Их хлебом не корми, только дай повод кого-нибудь обругать, с кем-нибудь повздорить...

Если, например, взять тетку Гарпину из села Заракитного, то эта особа на поприще подобного красноречия была, можно сказать, заслуженным мастером спорта. Недаром муж ее, старый Данила, прозвал свою половину коротким словом — Косоправка. Тетка Гарпина и впрямь работала языком, как косоправка в руках умелого косаря. Начинала она «зарядку» с раннего утра, как только принималась за свои горшки, ведра и чугуны. Вспомнит какую-нибудь позпрошлогодную обиду на соседа или соседку, или, скажем, нечаянно стукнется о порог, или заметит, что муж не так ступит, — ну, и пошла, и пошла...

— А-а, топчешься тут, медведь! А работа стоит, чтоб тебе пусто было! Корове не подостал! Лед у колодца не сколол! Люди вот уже

по трудодню заработали, а он все в хате топчется! Знакомая музыка. Услышав подобную «увертюру», старый Данила поспешно вынимал из кармана кисет с табаком, скручивал сигарку величиной с добрую свечку и, азартно дымя, скрывался за густым папиросным облаком. И все это совершенно молчаливо, потому что, как показала практика многих лет, стоило ему хоть одним словом возразить или отвергнуть хоть один пункт жениных попреков, как языкастая баба сыпала на его голову целый ливень новых, еще более вздорных обвинений.

Беда была в том, что с чего бы жена ни начинала, какую бы обиду ни вспоминала, виноватым всегда оказывался один Данила. И весь огонь ее атак падал на его седую голову. Вот чем объяснялось то печальное обстоятельство, что старый Данила, который в молодости отличался веселым нравом, был общительным, любил пошутить и посмеяться, сейчас превратился в мрачного молчаливника. Да оно и не удивительно. С такой трещоткой-женкой можно и совсем онеметь.

Неизвестно, как в дальнейшем пошла бы жизнь Данилы, если бы в один прекрасный летний день не произошло событие, которое совершенно неожиданно для старого все перевернуло вверх дном.

В колхозе был оборудован собственный радиозузел и в каждую

хату проведено радио. Добился этого председатель Заракитненского колхоза, молодой тридцатитысячник, который выполнил свое обещание, данное год назад на отчетно-выборном собрании.

Старый Данила, пустив в ход все свои близкие родственные связи с радиомонтером Толиком Шпаком (как-никак, а это был его родной племянник), установил в своей хате радиоточку одним из первых. Наблюдая, как Толик ловко управлялся с плоскогубцами и проводами, прилаживая к стене репродуктор, Данила рассуждал: «Чем мне слушать бесконечные «песни» своей Гарпины, я лучше послушаю настоящие песни и музыку и живое человеческое слово. А может, и старая, слушающая радио, немножко поумнеет и не станет так придирается».

Но случилось такое, чего старый Данила никак не мог предвидеть. Тетка Гарпина трещать, понятно, не перестала, но зато теперь весь огонь своего красноречия переключила на радио.

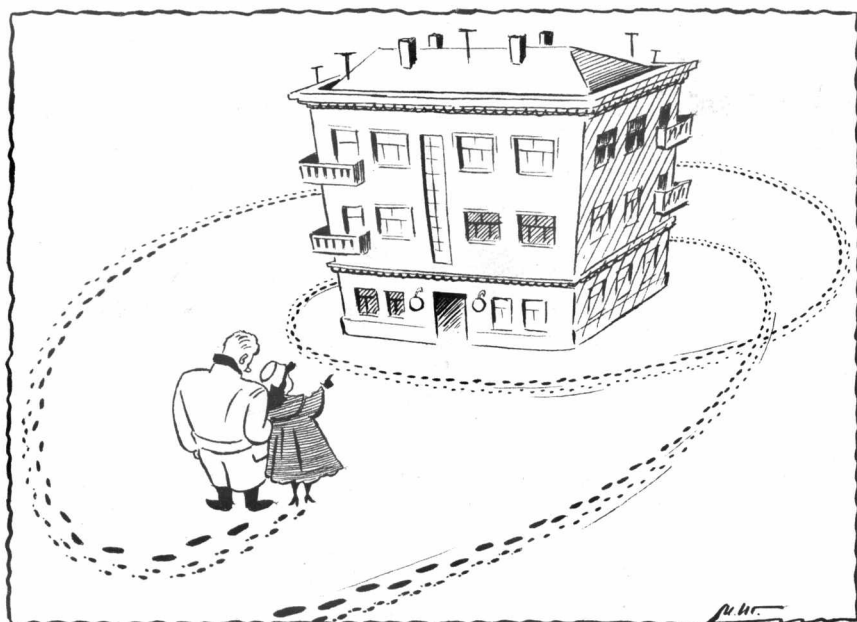
Когда первый раз заговорил репродуктор, она как будто даже обрадовалась, воспрянула духом. Ведь старый Данила все время молчал, ни словом ей не возражал. А радио говорило с утра до вечера, и с ним можно было вести бесконечные споры.

— Доброе утро, товарищи! Начинаем наши передачи на волне... — звучал в начале дня голос из репродуктора.

Не теряя ни минуты, тетка Гарпина с ходу бросалась в атаку:

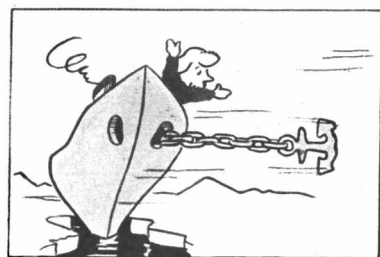
— Га-а, ты уже заговорила! Ишь, умница какая! «Доброе утро!» Кому доброе, а кому и не очень. Как ты нагулялась да кофею напилась, так тебе, может, и доброе. А ты вот встань на мое место, да потаскай чугуны, да постой возле горячей печи. О-о, постояла б, так не шлепала бы своими намазанными губами. Утро ей доброе!..

Передохнув минутку, тетка Гар-

— А вот и мой дом...

Рисунок И. МАССИНА.

У южного магнитного полюса.

Рисунок М. УШАЦА.

КОТтеиль-хелл...

Рисунок В. ГАЛЬБА.

пина ловила ухом из репродуктора что-то новое.

— Передаем урок гимнастики. Поставьте ноги на ширину плеч, руки положите на поясницу...

Безобидное это приглашение вызывало новый взрыв:

— Ах ты, бесстыдник! Руки на поясницу! Ты попроси еще, чтоб я тут кверху ногами стала! Не дожدهшься! Не думай, что если ты уж такой разумный и ученый, то над дурной бабой и посмеяться можно. Вот ходи сюда ко мне да потолчи бульбы в ступе, будет тебе хорошая гимнастика.

Временами дело усложнялось еще больше, и тетка Гарпина, мало того что работала языком, пукала в ход и руки.

— ...Нужно наконец принять решительные меры к людям, которые бюрократически относятся к... — читал диктор.

— Что-о? — загоралась гневом Гарпина. — Ты мне еще будешь угрожать! Так я тебя и испугалась! Вот на — выкуси! — Ловко сделав дулю, Гарпина решительно тыкала ее в репродуктор.

Даниле улыбнулось счастье: ежедневно устраивая такие словесные баталии со своими невидимыми оппонентами, жена совершенно забыла о нем и оставила его в покое. Да если бы он знал про такое дело, так он еще десять лет назад из кожи вылез бы вон, а купил приемник! Старый Данила ходил теперь по селу ве-

сельный, словно помолодевший, лицо его даже посветлело, глаза заблестели. Люди просто не узнавали его, такой он стал разговорчивый, общительный.

— Вот уж спасибо председателю, какой подарок нам сделал! — говорил обычно Данила, встретившись с односельчанином на улице. — Это ж теперь рай, а не жизнь: и музыку слушаем, и всякие новости, и разные советы!..

А когда на радиоузде случалась какая-нибудь авария и радио на некоторое время теряло дар речи, старый Данила первый бежал к начальнику связи, в сельсовет, к техникам и добивался, чтобы они как можно скорей возобновили работу радиоузда.

— Не можем мы теперь жить без радио! — горячо доказывал Данила. — Меня теперь хлебом не корми, а подавай последние известия!

Односельчане слушали, одобрительно кивали головой, но никто не догадывался, в чем была подлинная причина этого Данилова радиоэнтузиазма.

Однажды, идя по улице, Данила встретил своего племянника Толика Шпака.

— Ну как, дядя Данила, все в порядке, репродуктор работает? — спросил Толик.

— Все в порядке!

Доверчиво взяв хлопца под руку, старый поделился с ним своей радостью.

Толик вдруг остановился и тихо свистнул.

— Подожди, подожди, дядя Данила... — Толик на минуту задумался. — А что, если мы с тобой?.. Ну да, так и сделаем!

Тут Толик, таинственно наклонившись к Даниле, что-то горячо зашептал ему в ухо. И оба прыснули таким веселым смехом, что все куры с улицы бросились в подворотню.

Спустя некоторое время в тот час, когда обычно радиоузел прекращал свою работу на время перерыва, в хате Данилы внезапно заговорил репродуктор:

— Внимание, внимание, передаем музыку для танцев...

Не успело еще радио начать передачу, как тетка Гарпина выпала в черную тарелку полную пригоршню своих колких замечаний.

— Га-а, чтоб тебя лихо взяло! Танцы у тебя в голове! Думаешь, если у тебя одни забавы на уме, так и всем танцевать хочется? Пошел бы вот на гумно да помахал бы цепом...

И тут внезапно музыка прервалась, и из репродуктора послышалось:

— Вы, тетка Гарпина, кажется, что-то сказали? Вы недовольны чем-то?

Еще не осознав всей необычности того, что случилось, Гарпина раззадоренно крикнула:

— Сказала и еще скажу! Молчать тебе тут не буду!

Но в ту же минуту Гарпина опомнилась и остолбенела от удивления. Мамочки мои, ведь это по радио называли ее имя, обращались прямо к ней! Неужели?..

А из репродуктора тем временем кто-то спокойно басовитым голосом продолжал:

— Ай-ай, тетка Гарпина! Как плохо получается! Вы думаете, мы не слышим, как вы тут ежедневно ругаетесь со всеми, мешаете всем работать? Все слышим и все знаем. Однако надеялись,

что вы сами поймете, как это нехорошо, и перестанете...

— Ох, родненький мой! — заломилась в испуге руки Гарпина. — Ох, прости мне, дурной бабе...

Но голос из репродуктора все еще был суров:

— Плохо, плохо вели себя, тетка Гарпина. Кхе-кхе. Так вот, раз и навсегда предупреждаем вас: бросьте свою дурную привычку, перестаньте попусту молоть языком. Поняли?

— Поняла, поняла, родненький! — с ужасом поглядывая на репродуктор, лепетала Гарпина. — Нехай у меня язык отсохнет, если я еще хоть раз...

...Выключив микрофон, специально подключенный к хате старого Данилы для этого необычного радиоразговора, Толик хитро подмигнул сидевшему рядом дяде:

— Ну, дядя Данила, ступай домой. Думаю, теперь будет уже полнейший порядок...

Потом старый Данила со смехом рассказывал, что его жена с неделю вообще молчала, будто бы воды в рот набрала, а после снова заговорила. Но это была уже совсем не та Гарпина, ее просто нельзя было узнать — приветливая, тихая. Так она напугалась, бедная!.. Но уж поскольку испуг этот пошел ей на пользу, то беды большой тут не было.

Перевел с белорусского Мих. ЗЛАТОГОРОВ.

ИЗ ПОЧТЫ ОГОНЬКА

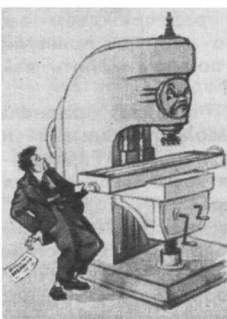

«Ma-ma!»

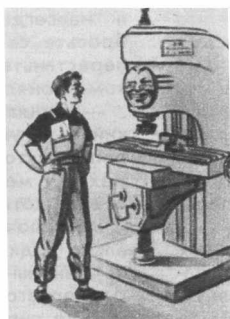
Рисунок капитана 3-го ранга В. АХУТИНА.

«Помилуй нас, грешных!»

Станков боялись как огня... И зря!
Рисунки инженера В. ТЕРЕХОВА
и заводского художника М. КУЗНЕЦОВА.
Москва.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ЕЩЕ УСПЕЕТСЯ

Хоть ерш не рос,
но думалось ершу:
«Вот подрасту
и что-нибудь свершу!»

РОМАНТИК

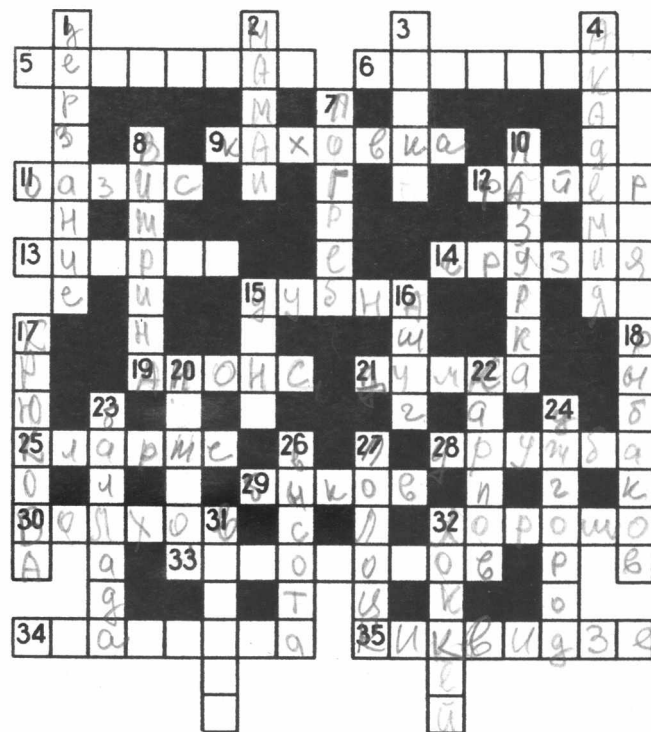
На тротуаре
После ночи бурной
Юнец воркует,
обнимая урну:
— Как хорошо,
что мы опять вдвоем!..
Еще по рюмочке —
и танцевать пойдем!

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Визжала у фотографа свинья:
— Халтурщики!
Ведь это же не я!!
Инженер В. ДЕМЬЯНОВ.
Керчь.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Открытие художественной выставки. 6. Подъем целины. 9. Песня первых лет Советской власти. 11. Антарктическая станция. 12. Дирижер балета Большого театра. 13. Горная порода, строительный материал. 14. Республика в Закавказье. 15. Местонахождение Объединенного института ядерных исследований. 19. Объявление о предстоящих спектаклях, концертах. 21. Украинская хоровая капелла. 25. Международная группа писателей, основанная А. Барбюсом. 28. Китайский журнал, издаваемый на русском языке. 29. Известный толяр. 30. Река, на которой сооружен первый советский гидростанция. 32. Произведение В. Маяковского. 33. Автор поэмы «Флаг над селом». 34. Сорт яблоки, выведенный Мичуриным. 35. Герой гражданской войны.

По вертикали:

1. Смелое стремление. 2. Донецкий шахтер-новатор. 3. Струнный инструмент народов Средней Азии. 4. Научное учреждение. 7. Помещение для хранения продуктов. 8. Место для показа образцов товаров. 10. Польский танец. 15. Советский график, мастер плаката. 16. Поэт-певец и музыкант. 17. Сказительница былин. 18. Герой пьесы В. Гусева. 20. Синтетическое волокно. 22. Один из организаторов советской химической промышленности. 23. Форма стихотворного произведения. 24. Областной центр в Закарпатье. 26. Кинофильм о строителях. 27. Древний город в Белоруссии. 31. Советский архитектор, академик. 32. Спортивная игра.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 45

По горизонтали:

4. Ленинград. 7. «Юность». 8. Скачок. 9. Апофеоз. 10. Мухомор. 12. Оборот. 14. Энтузиаст. 15. Родина. 17. Арагва. 19. Лазо. 20. Трал. 22. Трак. 23. Рондо. 24. Уран. 27. Дворец. 28. Гагра. 29. Ракета. 30. Поляна. 32. Шадрин. 33. Октябрь.

По вертикали:

1. Синхрофазотрон. 2. Сестра. 3. Кавказ. 5. Инициатор. 6. Космонавт. 10. Малахит. 11. «Аэлита». 12. Отвага. 13. Тюлени. 16. Абориген. 17. Автобаза. 18. Майор. 21. Орден. 25. Серов. 26. Лацис. 31. Астра. 32. Шибер.

Маленькие сказки

Ф. КРИВИН

ПЕЧНАЯ ТРУБА

С точки зрения Печной Трубы, у всех ее кухонных соседей были довольно таки нелепые привязанности. Кран с утра до вечера наполнял водой одни и те же ведра; Плита подогревала одни и те же кастрюли, чайники и сковородки; Топор, кроме дров, ничего не хотел рубить.

И только Печная Труба была выше этих узких кухонных интересов: она снабжала дымом всю вселенную.

КАРТИНА

Картина, которую вынесли из помещения, давала оценку живой природе:
— Все это, конечно, ниче-

го — и фон и перспектива. Но ведь нужно же знать какие-то рамки!

ФОНАРНЫЙ СТОЛБ

Закончив свое высшее образование в лесу, Дуб вместе с тем, чтобы ехать на стройку, решил пустить корни в городе. И так как других свободных мест не было,

он устроился на должность Фонарного Столба в городском парке, в самом темном уголке — настоящем заповеднике влюбленных.

Фонарный Столб взялся за дело с большим рвением и так ярко осветил этот когда-то темный уголок, что ни од-

ного влюбленного в нем не осталось.

— И это молодежь! — сокрушался Столб. — И это молодежь, которая, казалось бы, должна тянуться к свету! Какая темнота, какая неотесанность!

Ужгород.

На вкладках этого номера: репродукции картин А. Суровцева «Массовка», Е. Шлыккова «На переправе», А. Максимовского «Последняя яранга», Н. Крапивина «Сенокос», И. Стасевича «В белорусских болотах» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-33-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорт — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформление — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 09325.

Подписано к печати 3/XI 1958 г.

Формат бум. 70×108½.

2,5 бум. л.—6,85 печ. л.

Тираж 1 400 000. Изд. № 1070.

Заказ № 2506.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ЛЕНИНГРАД. ОСЕННИЙ ДЕНЬ.

Фото А. Новикова.

Цена номера 3 руб.

